

Российский
центр научной
информации

ВЕСТНИК РФФИ

Гуманитарные и общественные науки

2024/4 (119)

Российский
центр научной
информации

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 4 (119) октябрь – декабрь 2024 года

Основан в 1995 году

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский центр научной информации»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.В. Квардаков, В.Н. Фридлянов

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 4 (119) October – December 2024

Founded in 1995

The Founder

**Federal State Budgetary Institution
Russian Centre for Science information**

Chief editor V.Ya. Panchenko,
Deputy chief editors V.V. Kvardakov, V.N. Fridlyanov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia
Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)
E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОДУ СЕМЬИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Зинченко Ю.П. Обращение к читателям.....	9
---	----------

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Психологическое благополучие современной семьи как главный фактор здоровья детей	11
Махнач А.В. Роль семьи в формировании жизнеспособности человека	27
Биктагирова Г.Ф., Дроздикова-Зарипова А.Р., Валеева Р.А. Педагогическое сопровождение приёмных семей, воспитывающих подростков с высоким уровнем агрессии	36
Сахарова Т.Н., Цветкова Н.А. Многодетные семьи: особенности межличностного общения супругов и способов совладания с супружескими конфликтами.....	47

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СЕМЬЕ И СЕМЕЙНЫМ ЦЕННОСТЯМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Карпов А.В., Волченкова А.А. Цифровизация как детерминанта детско-родительских отношений.....	59
Реан А.А., Коновалов И.А. Семья и брак в сознании молодёжи.....	69
Ермаков П.Н., Абакумова И.В., Плешакова Е.В. Стратегии женщин при выборе брачного партнёра.....	78
Цветкова Л.А., Микляева А.В., Безгодова С.А. Ценностные предикторы актуальной и перспективной семейной идентичности у подростков с различными траекториями взросления.....	86

СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Веракса А.Н., Алмазова О.В., Бухаленкова Д.А. Вклад характера детско-родительских отношений в уровень развития регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте.....	97
---	----

Руднова Н.А., Корниенко Д.С.

Свойства темперамента ребёнка и родительские практики как предикторы
качества сна в дошкольном возрасте..... 110

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЁЖИ И ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И РОЛЬ СЕМЕЙНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Собкин В.С., Калашникова Е.А.

Академическая успешность школьников и социокультурный капитал семьи..... 120

Муслумов Р.Р., Печеркина А.А., Сыманюк Э.Э.

Особенности семейного воспитания подростков с разным уровнем
школьной тревожности..... 133

Гайдамашко И.В., Макаревская Ю.Э., Макаревская И.Г.

Представления о школьных агрессорах и жертвах у подростков и их родителей..... 142

Костюк Г.П., Мазурова Е.В., Карпенко О.А.,

Северцев В.В., Гурова К.А., Чернов Н.В.
Роль семьи в терапии нервной анорексии..... 148

Памяти Евгения Павловича Велихова 156

**ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В 2024 г.** 157

CONTENTS

HONORING THE YEAR OF THE FAMILY

<i>Zinchenko Yu.P. Appeal to Readers</i>	9
--	---

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF THE FAMILY AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT TO THE FAMILY: CURRENT STATE AND PROSPECTS

<i>Zinchenko Yu.P., Pervichko E.I.</i> The Psychological Well-being of the Modern Family as the Main Factor in Children's Health	11
<i>Makhnach A.V.</i> Family Influence on Shaping Human Resilience.....	27
<i>Biktagirova G.F., Drozdikova-Zaripova A.R., Valeyeva R.A.</i> Pedagogical Support for Foster Families Raising Adolescents with High Levels of Aggression.....	36
<i>Sakharova T.N., Tsvetkova N.A.</i> Large Families: Aspects of Interpersonal Communication between Spouses and Strategies for Dealing with Marriage Conflicts.....	47

SOCIAL CHALLENGES TO THE FAMILY AND FAMILY VALUES IN THE CURRENT STAGE OF SOCIETAL DEVELOPMENT

<i>Karpov A.V., Volchenkova A.A.</i> Digitalization as a Determinant of Parent-Child Relationships.....	59
<i>Rean A.A., Konovalov I.A.</i> Young People's Attitude Towards Family and Marriage.....	69
<i>Ermakov P.N., Abakumova I.V., Pleshakova E.V.</i> Women's Strategies for Choosing a Partner for Marriage.....	78
<i>Tsvetkova L.A., Miklyaeva A.V., Bezgodova S.A.</i> Value Predictors of Current and Prospective Family Identity in Adolescents with Various Developmental Trajectories.....	86

FAMILY FACTORS INFLUENCING THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF PRESCHOOL CHILDREN

<i>Veraksa A.N., Almazova O.V., Bukhalenkova D.A.</i> The Contribution of the Character of Child-parent Relationships to the Level of Development of Regulatory Functions in Senior Preschool Age.....	97
---	----

Rudnova N.A., Kornienko D.S.

Children's Temperament and Parenting Practices as Sleep Quality Predictors in Preschoolers..... 110

MENTAL WELL-BEING OF ADOLESCENTS & YOUNG ADULTS IN CURRENT CONDITIONS AND THE ROLE OF FAMILY SUPPORT

Sobkin V.S., Kalashnikova Ye.A.

Academic Success of Schoolchildren and Family Social and Cultural Capital..... 120

Muslumov R.R., Pecherkina A.A., Symanyuk E.E.

Features of Family Upbringing of Adolescents with Different Levels of School Anxiety..... 133

Gaydamashko I.V., Makarevskaya Yu.E., Makarevskaya I.G.

Perceptions of School Aggressors and Victims in Adolescents and Their Parents..... 142

Kostyuk G.P., Mazurova Ye.V., Karpenko O.A.,

Severtsev V.V., Gurova K.A., Chernov N.V.

The Role of Family in the Therapy of Nervous Anorexia..... 148

In the Memory of Evgeny Pavlovich Velikhov..... 156

LIST OF ARTICLES PUBLISHED IN RUSSIAN FOUNDATION

FOR BASIC RESEARCH JOURNAL. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES IN 2024. 157

Ю.П. Зинченко, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, главный внештатный специалист по медицинской психологии Минздрава России, декан факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, президент Российского психологического общества

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Данный выпуск журнала выходит в 2024 г., объявленном указом Президента В.В. Путина Годом семьи в России. В течение этого года были реализованы и продолжают успешно выполняться многие государственные проекты и общественные инициативы, направленные на поддержание семьи как важнейшего института современного общества и одного из главных объектов социальной политики государства и на укрепление семейных ценностей. В традициях Российской науки и культуры — признание семейных ценностей и тезиса о том, что семья создаёт человека и поддерживает его стремление к развитию.

Психологическое сообщество активно включилось в эти проекты: проводятся научные конференции, разрабатываются и внедряются в практику разнообразные программы оказания психологической помощи различным категориям семей. Представляемый тематический выпуск — наш ещё один вклад в разработку проблематики психологической поддержки семьи и семейных ценностей.

Этот выпуск журнала включает четыре раздела: (1) «Психологическое благополучие семьи и психологическая помощь семье: современное состояние и перспективы», (2) «Социальные “вызовы” семье и семейным ценностям на современном этапе развития общества», (3) «Семейные факторы психологического благополучия детей дошкольного возраста», (4) «Психологическое благополучие молодёжи и подростков в современных условиях и роль семейной поддержки».

Раздел «Психологическое благополучие семьи и психологическая помощь семье: современное состояние и перспективы» открывает статья Ю.П. Зинченко и Е.И. Первичко «Психологическое благополучие современной семьи как главный фактор здоровья детей», в которой представлены результаты теоретического анализа заявленной темы и эмпирического исследования, показавшего наличие общей дисгармонии детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих часто болеющих детей, что аргументирует необходимость организации широкомасштабных исследований этих семей с целью разработки научно обоснованных программ организации психологической помощи.

В статье «Роль семьи в формировании жизнеспособности человека» А.В. Махнач аргументирует применение экологической теории и системного подхода к изучению феноменов жизнеспособности семьи, рассматривая социальную модель исследований в качестве методической основы научного интереса к жизнеспособности человека и семьи. Приводятся результаты исследования роли поддержки семьи в формировании жизнеспособности человека.

Анализу педагогического сопровождения приёмных семей, воспитывающих подростков с высоким уровнем агрессии, посвящена статья Г.Ф. Биктагировой, А.Р. Дроздиковой-Зариповой и Р.А. Валеевой, в которой предпринято теоретическое обоснование и представлены результаты эмпирического исследования процесса организации педагогического сопровождения замещающих семей, воспитывающих агрессивных подростков.

Завершает первый раздел номера статья Т.Н. Сахаровой и Н.А. Цветковой, представляющая результаты изучения особенностей супружеского общения у многодетных супругов. Выполненное авторами исследование показало, что в многодетных семьях уровень взаимного понимания супругов в общении выше, чем в однопородных семьях. Установлено, что самой частой причиной супружеских конфликтов в однопородных семьях становится материальная составляющая, а в многодетных — разногласия в воспитании детей и ведении быта.

Второй раздел номера — «Социальные “вызовы” семье и семейным ценностям на современном этапе развития общества» — открывает статья А.В. Карпова и А.А. Волченковой «Цифровизация как детерминанта детско-родительских отношений», в которой формулируется общий вывод о значимом влиянии цифровизации на редуцирование коммуникативных функций как детей, так и родителей. Выделен новый, не описанный до сих пор феномен — синдром снижения коммуникативности под влиянием фактора цифровизации.

В статье А.А. Реана и И.А. Коновалова «Семья и брак в сознании молодёжи» поднимается проблема подготовки молодёжи к созданию семьи. Показано, что большинство молодых респондентов считают, что необходимо готовить человека

к созданию семьи через обучение семейным ценностям, что они планируют в будущем создать семью и иметь двоих детей. Однако отмечается настораживающая тенденция к увеличению доли молодёжи, планирующей в будущем иметь только одного ребёнка, что анализируется авторами в контексте демографических тенденций и актуальных вопросов молодёжной политики.

Анализ стратегий актуализации выбора брачного партнёра у женщин, изложенный в теоретическом обзоре П.Н. Ермакова, И.В. Абакумовой и Е.В. Плешаковой, позволил авторам заключить, что ценностно-смысловая сфера личности представляет собой некий «общий знаменатель» для известных критериев выбора женщиной супруга, что подтверждает невозможность разработки универсальной концепции выбора брачного партнёра в целом.

В продолжение обозначенной темы Л.А. Цветкова, А.В. Микляева и С.А. Безгодова представили результаты эмпирического исследования, направленного на определение ценностных предикторов актуальной и перспективной семейной идентичности у подростков с различными траекториями взросления, что крайне важно для организации психологической работы с подростками.

Третий раздел выпуска – «Семейные факторы психологического благополучия детей дошкольного возраста» – включает статьи А.Н. Вераксы, О.В. Алмазовой и Д.А. Бухаленковой «Вклад характера детско-родительских отношений в уровень развития регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте» и Н.А. Рудновой и Д.С. Корниенко «Свойства темперамента ребёнка и родительские практики как предикторы качества сна в дошкольном возрасте».

В исследовании, представленном в первой статье, было установлено, что оценки когнитивной гибкости и поведенческого торможения значимо выше у детей с надёжной привязанностью, тогда как дети с дезорганизованным типом привязанности к матери получили самые низкие оценки по всем заданиям на баллы регуляторных функций.

Во второй статье этого раздела приведены эмпирические данные, доказывающие, что позитивными предикторами качества сна детей являются высокий произвольный контроль как свойство темперамента и теплота как эмоциональная родительская практика, а негативными предикторами – экстраверсия, негативная реактивность и родительские практики, направленные на стимуляцию когнитивного развития.

Заключительный – четвёртый – раздел объединил статьи, посвящённые проблеме психологического благополучия молодёжи и под-

ростков в современных условиях, а также роли семейной поддержки.

В статье В.С. Собкина и Е.А. Калашниковой «Академическая успешность школьников и социокультурный капитал семьи» дан анализ результатов масштабного социологического исследования мнений родителей школьников об их отношении к образованию своего ребёнка. Рассматриваются вопросы, касающиеся требований родителей к задачам и результатам школьного обучения, а также особенности участия родителей в образовательном процессе своего ребёнка.

Результаты исследования, изложенного в статье Р.Р. Муслумова, А.А. Печеркиной и Э.Э. Сыманюк «Особенности семейного воспитания подростков с разным уровнем школьной тревожности», показали наличие значимой связи между нарушениями стиля воспитания и уровнем школьной тревожности. Показана роль эмоциональной поддержки семьи в формировании положительного эмоционального состояния подростков и способности справляться с академическим стрессом.

В статье И.В. Гайдамашко, Ю.Э. Макаревич и И.Г. Макаревич поднимается проблема школьной агрессии и представлений об агрессорах-школьниках. В результате проведённого исследования авторам удалось показать, что представления о школьном агрессоре и школьной жертве у родителей существенно более универсальны: жертву они воспринимают в основном как наделённую положительными чертами, а у подростков – более индивидуализированы, содержат меньшее число стереотипных элементов. При этом образ «агрессора» в представлениях подростков более позитивен, чем образ «жертвы»; подтверждена популярность статуса агрессора в школьной подростковой среде.

Заключительной в данном тематической номере является статья Г.П. Костюка и его коллег из ПКБ им. Н.А. Алексеева г. Москвы, посвящённая изучению роли семьи в терапии нервной анорексии, в которой было показано, что вовлечённость семьи является важнейшим фактором комплаентности пациентов с расстройствами пищевого поведения на всех этапах лечения.

Широкий круг теоретических и прикладных проблем, которые освещены в статьях, вошедших в этот выпуск журнала, достаточно ярко отражает ситуацию, сложившуюся в отечественной психологии в данный момент в связи с акцентированием проблематики психологического благополучия семьи. Можно с уверенностью сказать, что психологическая наука в нашей стране – во всём многообразии научных школ – готова откликнуться на этот социальный вызов.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Индекс УДК 159.9.07
Код ГРНТИ 15.81.61
DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-11-26

**Ю.П. ЗИНЧЕНКО,
Е.И. ПЕРВИЧКО***

Психологическое благополучие современной семьи как главный фактор здоровья детей

Целью исследования стало изучение стилей детско-родительских отношений в семьях часто болеющих детей, а также представлений детей о качестве межличностных отношений в их семьях как важнейших показателей психологического благополучия семьи. В исследовании приняли участие 50 часто болеющих младших школьников (средний возраст $9,2 \pm 1,4$ лет) и 50 редко болеющих младших школьников (средний возраст $8,9 \pm 1,2$ лет), а также родители этих детей (по 50 человек в каждой группе). Результаты показали, что только 12% часто болеющих детей оценивают взаимоотношения в их семьях как благоприятные, что значительно меньше, чем в группе практически здоровых детей. Наиболее часто встречающимися являются оценки детей, описывающих семейные взаимоотношения как тревожные, конфликтные и вызывающие у них переживание чувства неполноценности. У родителей часто болеющих детей, по сравнению с родителями редко болеющих детей, обнаружены достоверно более высокие показатели по таким типам семейного воспитания, как «Гиперпротекция», «Гипопротекция», «Потворствование», «Чрезмерность требований-запретов (Доминирование)» и «Неустойчивость стиля воспитания». Полученные результаты свидетельствуют об общей дисгармонии отношений в семьях, воспитывающих часто болеющих детей. Это свидетельствует о необходимости организации психологических исследований семей, воспитывающих часто болеющих детей, с целью разработки научно обоснованных программ организации психологической помощи им. Авторы подчёркивают, что семьи с часто болеющими детьми — это серьёзная социальная и психологическая проблема, что психологическая наука и практика в нашей стране являются достаточно зрелыми, и они готовы включиться в работу по решению данной проблемы.

* **Зинченко Юрий Петрович** — академик РАО, доктор психологических наук, профессор, главный внештатный специалист по медицинской психологии Минздрава России, декан факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, президент Российского психологического общества.

E-mail: zinchenko_y@mail.ru

Первичко Елена Ивановна — доктор психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: elena_pervichko@mail.ru

Ключевые слова: психологическое благополучие семьи, часто болеющие дети, тревожность, типы семейного воспитания, межличностные отношения

Указом Президента России В.В. Путина 2024 год объявлен Годом семьи. В связи с этим мы считаем важным поднять и обсудить проблему, которая довольно часто «ускользает» от обсуждения в психологическом сообществе, несмотря на её достаточную очевидность: насколько психологически благополучны семьи, в которых дети часто болеют? И каким образом можно с психологической точки зрения описать возможную связь между психологическим благополучием семьи и частой заболеваемостью детей острыми респираторными заболеваниями (ОРЗ)?

Необходимо отметить, что не так часто семьи с детьми с рецидивирующими ОРЗ попадают в фокус внимания психологов по инициативе родителей: эти дети могут не иметь очевидных проблем с поведением и учёбой, следовательно, за психологической помощью по поводу их воспитания и обучения родители могут никогда не обращаться. Тем более что для многих родителей, как показывают исследования, возможная связь частоты заболеваемости их ребёнка с качеством семейных отношений, детско-родительских отношений и другими параметрами оценки психологического благополучия семьи совершенно не очевидна. Гораздо проще и удобней объяснять происходящее в рамках традиционной биомедицинской модели, когда любое заболевание интерпретируется как результат воздействия бактерий и вирусов, генетического фактора, плохой экологической ситуации и т.п. [17, 24]. Или же, переходя к более сложной биопсихосоциальной модели здоровья и болезни [17], тем не менее списывать всё происходящее с часто болеющим ребёнком только на сложности адаптации к детскому дошкольному учреждению или же к школе.

С 1986 г. основным критерием отношения ребёнка к группе часто болеющих детей стало соотношение возраста и количества перенесённых острых респираторных заболеваний (ОРЗ) в год (для детей старше 5 лет это четыре и более эпизодов ОРЗ в год) [1, 2, 16]. Однако эпидемиологические исследования, выполненные в последние годы как в нашей стране, так и за рубежом, показали, что подавляющее большинство современных детей дошкольного и младшего школьного возраста переносят в течение года не менее 3–5 эпизодов острых респираторных инфекций. И, учитывая практику здравоохранения последних лет, к часто болеющим детям специалисты в настоящее время стали относить детей, страдающих от ОРЗ вирусной или вирусно-бактериальной природы, патологии ЛОР-органов (аденоидит, тонзиллит, отит), а также заболеваний верхних и нижних дыхательных путей, не менее восьми раз в год [1, 13, 23].

Врачи-педиатры отмечают, что проблема часто болеющих детей в настоящее время продолжает оставаться одной из наиболее значимых для современной педиатрии [13]. Каждый год с наступлением осенне-зимнего периода и началом обучения у школьников возникают учебные перегрузки, увеличивается и число контактов в коллективах, и в это же время дети начинают чаще болеть ОРЗ. Так, показано, что в младших группах детских дошкольных учреждений доля часто болеющих детей может превышать 50%; среди школьников эта доля составляет примерно 10–30%, постепенно снижаясь до 3–5% в старших классах [13].

Выделяя факторы, повышающие частотность ОРЗ у детей, врачи-педиатры в последнее время среди значимых всё чаще называют психологический фактор [16, 23].

В многочисленных исследованиях показано, что часто болеющие дети дошкольного и младшего школьного возраста, как правило, имеют высокий уровень личностной тревожности. И родители, и специалисты отмечают даже возможность регресса в реализации уже сформированных телесных функций и навыков у многих часто болеющих дошкольников. Например, дети не только младшего, но и старшего дошкольного возраста с часто повторяющимися респираторными инфекциями отказываются самостоятельно есть и засыпать; отмечается учащение случаев ночного энуреза [3, 6]. Помимо тревожности, специалисты также отмечают часто встречающиеся неуверенность в себе, зависимость от мнения окружающих, заниженную самооценку и негативное самоотношение, а также нарушение социальных отношений у этих детей [3, 11, 12, 13, 15, 16].

Всем хорошо известно, что любое ОРЗ характеризуется наличием неприятных и болезненных соматических проявлений, а также необходимостью аккуратного соблюдения медицинских рекомендаций и выполнения целого ряда не очень приятных медицинских процедур. Тем самым все болеющие ОРЗ приобретают довольно специфический и неприятный телесный опыт. Получение этого опыта во время болезни неизбежно сопровождается соответствующими аффективными реакциями и эмоциональными переживаниями, а также когнитивными интерпретациями и далее – появлением определённых личностных смыслов. По сути дела, речь идёт о становлении такого психосоматического феномена, как внутренняя картина болезни (ВКБ). Клиническим психологам хорошо известно, что ВКБ формируется абсолютно всегда, когда человек чем-либо заболевает [14]. Появляющаяся ВКБ фактически «вписывает» болезнь в нашу жизнь. Важнейшей характеристикой ВКБ является то, что с её становлением развитие болезни начинает подчиняться не только физиологическим и клиническим, но и психологическим закономерностям [14, 18]. Для кли-

нических психологов эти тезисы являются сегодня практически аксиоматическими.

Если речь идёт о болеющих детях, то очевидно, что роль родителей, и прежде всего мамы, во время болезни ребёнка крайне важна: мама (или другой близкий взрослый) не просто обеспечивает физический уход за ним. Она психологически опосредует для ребёнка весь негативный телесный и эмоциональный опыт болезни. Также известно, что мама может своим грамотным участием если не трансформировать этот опыт из негативного в позитивный, то хотя бы минимизировать его негативные последствия [3, 17]. Однако на практике мамы далеко не всегда могут психологически грамотно это сделать. Это первая из череды психологических «сложностей», возникающих как у детей, так и у их родителей, если ребёнок заболевает.

Частые болезни, и ОРЗ в том числе, с высокой вероятностью приведут к возникновению ограничений общения ребёнка со сверстниками, что будет негативно влиять на процесс его социализации и в перспективе может привести к возникновению у него признаков социальной дезадаптации.

Кроме того, если речь идёт о часто болеющих школьниках, то у них, как правило, возникают проблемы с учёбой, что может выступить в качестве одного из весьма значимых факторов тревоги и сниженного настроения ребёнка, падения его самооценки и формирования негативного самоотношения, а также нарушения социальных отношений [5, 6, 13, 10].

Можно утверждать, что частые болезни с неизбежностью приведут к изменению всей целостной социальной ситуации развития ребёнка. Более того, зарождение ВКБ и принятие ребёнком новой социальной роли – роли больного – уже, фактически, отражает начавшиеся изменения социальной ситуации его развития. То, что социальная ситуация развития больного ребёнка является качественно иной по сравнению с таковой у здорового ребёнка, – давно и хорошо известный факт [12, 14, 15, 17, 24].

Таким образом, мы коротко перечислили «психологические сложности», которые возникают у часто болеющих детей и их родителей.

Однако у читателя по праву может возникнуть вопрос: а какое место во всех описанных и тесно связанных между собой процессах занимают семейные отношения?

К сожалению, частые болезни ребёнка могут стать серьёзным испытанием семьи на прочность. Во многих случаях речь идёт о потенциально возможном и высоко вероятном изменении отношений в такой семье, об изменении «зон ответственности» и перераспределении ролей между членами семьи. Если же в семье, помимо часто болеющего ребёнка, есть и старшие дети, проблемы ухода за заболевшим маленьким ребёнком достаточно часто ложатся и на их плечи. Однако такой подход к разделению обязанностей в семье вполне может привести к возникновению протестных реакций со стороны более старших братьев и сестёр. Родителям приходится затрачивать серьёзные дополнительные усилия на оптимизацию межличностных отношений в семье и поддержание в ней удовлетворительного психологического климата [10, 11, 12, 17, 24]. При исследовании детей, страдающих различными хроническими заболеваниями, показано, что более успешным восстановлением ребёнка после тяжёлой длительной болезни бывает при наличии адекватных стилей детско-родительских отношений [3, 6, 17, 24].

Как мы уже отмечали выше, именно родители, и прежде всего мать, помогают при опосредовании получаемого маленьким ребёнком во время болезни тяжёлого эмоционального и телесного опыта. Следовательно, роль семейной поддержки, материнской эмоциональной поддержки при возникновении у маленького ребёнка любого заболевания будут очень важны в процессе лечения и реабилитации. Вместе с тем хорошо известно, что чрезмерная социальная поддержка и гиперопека могут вызвать отрицательный эффект, поскольку

пациенты (и маленькие пациенты в том числе) становятся чрезмерно зависимыми от лиц, осуществляющих уход, а также демотивированными, что не может не сказаться на эффективности лечения и восстановления [3, 13, 14, 17].

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать ряд общих положений, важных, с нашей точки зрения, для понимания роли семейных отношений и детско-родительских отношений в создании условий для гармоничного психосоматического развития часто болеющего ребёнка.

- 1) Нарушения соматического здоровья ребёнка (в данном случае – наличие симптоматики ОРЗ) будут способствовать «наполнению» уровня ощущений – базового уровня начинающей формироваться ВКБ ребёнка. Далее, в результате означения этих ощущений и «вписывания» их в систему личностных смыслов возможно формирование особого смысла болезни в целом и отдельных её проявлений, причём как для ребёнка, так и для его близких, и более или менее успешное принятие (или непринятие) маленьким пациентом социальной роли «больного», что в совокупности может способствовать утяжелению его не только эмоционального, но и физического состояния.
- 2) Усвоение ребёнком социальной роли «больного», безусловно, повлияет на характер взаимоотношений между ним и его родителями, а также на восприятие ребёнком характера этих отношений. С другой стороны, в становлении ВКБ болеющего ребёнка и в принятии им социальной роли «больного» будет исходно важна стилистика социальных отношений ребёнка и межличностных отношений в его семье. По мере взросления ребёнка роль родительской семьи и материнской поддержки, в частности в ситуации болезни, постепенно будет снижать свою значимость, но никогда не отойдёт в «психологический архив» окончательно. В младшем школьном возрасте эти факторы выступают в каче-

стве крайне значимых при становлении ВКБ и внутренней картины здоровья (ВКЗ) ребёнка.

- 3) Проблематика ВКБ и ВКЗ крайне важна в рамках нашего дискурса, поскольку именно от характера ВКБ и ВКЗ ребёнка (как более «глобального», по сравнению с ВКБ, психологического новообразования), а также от характера представлений родителей о здоровье и болезни ребёнка, от родительских представлений о нормативах здорового образа жизни будет зависеть включённость ребёнка в систему реабилитационных и профилактических мероприятий.
- 4) В ситуации часто повторяющихся простудных и вирусных заболеваний ребёнка формирующиеся у родителей представления о состоянии его здоровья могут — в силу действия целого ряда психологических факторов — иметь искажённый характер, с переоценкой или недооценкой родителями тяжести состояния ребёнка, с неверной оценкой возможного вклада различных биологических, психологических и социальных факторов в состояние его здоровья. Формирующаяся в условиях болезни ребёнка стилистика детско-родительских отношений и отражающаяся в ней специфика представлений родителей о болезни ребёнка могут выступить в качестве важнейших факторов формирования у ребёнка ВКБ и ВКЗ, обладающих качествами дефицитарности, с неверным отражением происходящего.
- 5) В силу перечисленных выше причин ВКЗ часто и редко болеющих детей будут качественно различаться по содержанию входящих в них компонентов.

Рассуждая в обозначенной логике, допустимо предположить, что характер детско-родительских отношений и семейных отношений будет выступать в качестве важнейших факторов, влияющих на становление ВКЗ ребёнка, а также опосредующих связь между ВКЗ ребёнка и частотностью простудных и вирусных заболеваний. На чём базируется подобное допу-

щение? Во-первых, именно в семье, при освоении семейных традиций и ценностей, происходит становление ВКЗ дошкольников и младших школьников. Во-вторых, во многом именно от слаженности работы семейной системы зависит то, насколько клинически грамотно и психологически комфортно будет организован процесс лечения и восстановления заболевшего ОРЗ ребёнка. Следовательно, специальную задачу должно составить изучение особенностей межличностных отношений в семьях часто болеющих детей с целью разработки научно обоснованных программ психологической помощи не только больному ребёнку, но, возможно, и всей семье.

Целью данного исследования стало изучение стилей детско-родительских отношений в семьях часто болеющих детей, а также представлений детей о качестве межличностных отношений в их семьях как важнейшем показателе психологического благополучия семьи.

Дополнительную актуальность представляемому ниже эмпирическому исследованию добавляет такой факт, что это, по сути дела, первое (или одно из первых) в нашей стране психологическое исследование, где в качестве эмпирической группы выступили дети, болеющие ОРЗ восемь и более раз в году, и их родители. Это произошло потому, что в последние пять лет нормативы отнесения детей к группе часто болеющих детей изменились: часто болеющими теперь признаются дети, перенёвшие восемь и более ОРЗ в течение года [13, 23], а не более четырёх, как это было ранее [2, 3, 23]. И эта новая группа часто болеющих детей и их родителей остаётся сегодня практически не изученной с психологической точки зрения.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 200 человек. Из них часто болеющие дети (группа 1) — 50 человек (29 мальчиков и 21 девочка), редко болеющие дети (группа 2) — 50 человек (26 мальчиков и 24 девочки) и их родители, по 50 человек в каждой груп-

Таблица 1

Характеристика выборки исследования (дети)

Характеристика выборки исследования		Дети (N = 100)	
		часто болеющие (N = 50) Группа 1	редко болеющие (N = 50) Группа 2
Средний возраст		9,2 ± 1,4	8,9 ± 1,2
Пол	Женский	21 (42,0%)	24 (48,0%)
	Мужской	29 (58,0%)	26 (52,0%)

Таблица 2

Характеристика выборки исследования (родители)

Характеристика выборки исследования		Родители детей (N = 100)	
		часто болеющих детей (N = 50) Группа 1	редко болеющих детей (N = 50) Группа 2
Средний возраст		38,6 ± 8,2	36,8 ± 9,3
Пол	Женский	44 (88%)	39 (78%)
	Мужской	6 (12%)	11 (22%)

пе. Данные о социально-демографических характеристиках респондентов представлены в табл. 1 и 2. Все дети, принявшие участие в исследовании, учились во втором или третьем классах общеобразовательных школ. Первоклассники и учащиеся выпускных классов в исследование не включались с целью устранения возможного влияния на получаемые результаты дополнительных факторов, вызывающих тревогу. В группу часто болеющих вошли дети, перенесшие в течение последнего года восемь и более ОРЗ, заболеваний ЛОР-органов, верхних и нижних дыхательных путей. В группу редко болеющих вошли дети, перенесшие менее четырех заболеваний в течение последнего года. Все дети воспитывались в полных семьях.

Детей и их родителей обследовали во время посещения ими детских поликлиник Москвы. Все родители дали добровольное информированное согласие на участие в исследовании их самих и их детей.

При обследовании детей были использованы следующие методики: (1) Структурированное клинико-психологическое

интервью детей об образе жизни, о представлениях о здоровом образе жизни и об отношениях в семье; (2) Методика «Фильм-тест» Рене Жилия [19]; (3) Кинетический рисунок семьи [7]. При обследовании родителей были использованы следующие методики: (1) Структурированное клинико-психологическое интервью об образе жизни и представлениях о здоровом образе жизни, об особенностях развития и состоянии здоровья детей, об особенностях отношений в семье; (2) Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ), детский вариант [22].

Статистическая обработка данных выполнялась с использованием группы методов. Для расчёта средних значений и стандартного отклонения, а также частот представленности признаков применялись методы дескриптивной статистики. Для статистического сравнения двух независимых выборок использовался простой непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Для статистического сравнения двух показателей, характеризующих частоту признака, применялся критерий Фи-

Таблица 3

**Характеристики системы отношений часто и редко болеющих детей
и связанных с ней личностных особенностей (по данным обследования детей)**

Шкалы	Часто болеющие дети, N = 50 (Me ± SD)	Редко болеющие дети, N = 50 (Me ± SD)	Уэмп	Значимость различий
1. Отношение к матери	50,76 ± 10,21	56,59 ± 13,44	985	0,138
2. Отношение к отцу	24,01 ± 9,26	43,85 ± 12,67	855,5	0,006
3. Отношение к родительской чете	39,27 ± 10,16	49,22 ± 13,92	872,5	0,008
4. Отношение к братьям / сёстрам	17,16 ± 9,02	18,44 ± 8,83	1172	0,278
5. Отношение к бабушкам / дедушкам	19,58 ± 8,94	17,38 ± 8,24	1310	0,872
6. Отношение к другу / подруге	17,07 ± 9,15	18,69 ± 8,15	1311,5	0,882
7. Отношение к учителю	18,52 ± 8,57	20,63 ± 8,43	837,5	0,018
8. Любознательность	27,92 ± 15,66	49,66 ± 14,72	568,5	0,001
9. Общительность в группе	19,68 ± 12,77	22,38 ± 11,86	837	0,028
10. Лидерство	21,47 ± 8,51	24,55 ± 7,67	568,5	0,001
11. Конфликтность	24,68 ± 9,62	24,27 ± 9,22	1316,5	0,908
12. Социальная адекватность поведения	33,67 ± 10,98	41,49 ± 11,21	594	0,001
13. Отгороженность	29,01 ± 11,16	23,83 ± 12,92	572,5	0,001

Примечание: Жирным шрифтом выделены достоверные различия между группами.

шера. Корреляционный анализ выполнялся с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования

Исследование межличностных отношений детей в семье и вне семьи выполнялось с использованием методики «Фильм-тест» Рене Жиля [19]. Полученные результаты представлены в табл. 3.

Анализ данных показал, что для здоровых детей в системе межличностных отношений с окружающими наиболее значимы отношения с обоими родителями, при доминирующей роли отношений с матерью. Здоровые дети демонстрируют эмоциональную привязанность к обоим родителям, которых они воспринимают как родительскую чету.

Для часто болеющих детей также наиболее эмоционально значимыми являются отношения с родителями. Однако отношения с матерью оцениваются как досто-

верно более значимые по сравнению с отношениями с отцом, что отличает детей данной группы от детей из второй группы. В процессе беседы с часто болеющими детьми было показано, что в большинстве случаев отцов они описывают как более строгих (68,0%) по сравнению с матерями, а в ряде случаев – как «злых» (12,0%). Кроме того, эти дети имеют более низкие показатели по шкале восприятия родителей как четы ($p < 0,01$), а также по шкале значимости отношений с учителем ($p < 0,05$), по сравнению с практически здоровыми детьми. При этом дети обеих групп не различаются между собой по значимости для них отношений с друзьями, а также с бабушками и дедушками (см. табл. 3).

Анализ также показал, что часто болеющие дети имеют значимо более низкие показатели по шкалам «Любознательность» ($p < 0,01$), «Общительность в группах» ($p < 0,05$), «Стремление к лидерству» ($p = 0,01$), «Социальная адекватность»

Таблица 4

Частота представленности симптомокомплексов оценки качества семейных отношений (по результатам выполнения методики «Кинетический рисунок семьи» часто и редко болеющими младшими школьниками)

Симптомокомплекс	Часто болеющие дети, N = 50 (%)	Редко болеющие дети, N = 50 (%)	$\Phi^*_{эмп}$	Значимость различий
Благоприятная семейная ситуация	12,0	42,0	2097	P ≤ 0,001
Тревожность в семье	26,0	22,0	0,192	P > 0,05
Конфликтность в семье	24,0	16,0	2,553	P ≤ 0,01
Чувство неполноценности в семейной ситуации	22,0	12,0	2,696	P ≤ 0,01
Враждебность в семейной ситуации	16,0	8,0	1,909	P ≤ 0,01

Примечание: Жирным шрифтом выделены достоверные различия между группами.

($p < 0,001$) и «Отгороженность» ($p = 0,01$), описывающим личностные особенности, важные, по мнению авторов методики, для эффективного построения межличностных отношений.

Второй методикой, используемой в данном исследовании для изучения особенностей семейных отношений в сравниваемых группах детей, стала проективная методика «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса и С. Кауфмана [4].

Были выделены пять симптомокомплексов, отражающих типы отношений детей к взаимодействию между членами семьи и видение ими своего собственного места в структуре семьи: (1) Благоприятная семейная ситуация, (2) Тревожность в семье, (3) Конфликтность в семье, (4) Чувство неполноценности в семейной ситуации, (5) Враждебность в семейной ситуации [4]. Данные о частотах выраженности указанных симптомокомплексов в обследованных группах детей представлены в табл. 4.

Анализ представленных в таблице 4 данных показал, что практически половина редко болеющих детей (42%) воспринимают взаимоотношения в своей семье как благоприятные.

В группе часто болеющих детей получена совсем иная картина. Только 12% школьников оценивают взаимоотношения в их семьях как благоприятные, что

значимо реже, чем в группе практически здоровых детей ($p \leq 0,001$). Наиболее часто встречаются оценки детей, описывающие семейные взаимоотношения как тревожные (26%), что не существенно больше, чем у детей второй группы ($p > 0,05$). При этом часто болеющие дети достоверно более часто, по сравнению с практически здоровыми детьми, характеризуют взаимоотношения в их семьях как более конфликтные ($p \leq 0,01$) и как вызывающие у них переживание чувства неполноценности ($p \leq 0,01$) (см. табл. 4).

Анализируя рисунки часто болеющих детей, можно заметить высокую представленность признаков, свидетельствующих о разъединённости членов семьи и низком уровне эмоциональных связей между ними, а также об отсутствии общности ребёнка с семьёй. В 26% случаев дети данной группы рисуют семью не в полном составе, что может интерпретироваться как показатель неблагополучия внутрисемейных взаимоотношений и/или негативного эмоционального отношения ребёнка или семьи в целом к кому-то из членов семьи. Анализ также показал наличие большой дистанции между членами семьи на рисунке (32% случаев), что традиционно интерпретируется как признак разобщённости. Дети данной группы достоверно чаще, чем их практически здоровые сверстники

Таблица 5

Сравнительный анализ результатов представленности типов семейного воспитания в группах родителей часто и редко болеющих детей

Шкалы	Родители часто болеющих детей, N = 50 (Me ± SD)	Родители редко болеющих детей, N = 50 (Me ± SD)	Uэмп	Значимость различий
Гиперпротекция	4,96 ± 1,67	4,02 ± 1,36	915,5	0,048
Гипопротекция	3,25 ± 1,12	2,16 ± 0,88	813	0,018
Потворствование	3,76 ± 0,94	2,21 ± 1,03	896	0,031
Игнорирование потребностей ребёнка	0,96 ± 0,29	0,83 ± 0,42	1168	0,816
Чрезмерность требований-обязанностей	1,51 ± 0,67	1,29 ± 0,32	1139,5	0,731
Недостаточность требований-обязанностей	2,37 ± 0,32	1,73 ± 1,06	1008	0,196
Чрезмерность требований-запретов	2,04 ± 0,53	1,1 ± 0,27	938	0,005
Недостаточность требований-запретов	1,66 ± 0,57	1,58 ± 0,48	1268	0,905
Чрезмерность санкций	1,55 ± 0,18	1,31 ± 0,73	1066,5	0,390
Минимальность санкций	2,72 ± 0,91	2,42 ± 0,99	1058	0,362
Неустойчивость стиля воспитания	1,67 ± 0,98	0,95 ± 0,64	903,5	0,041
Расширение сферы родительских чувств	2,92 ± 0,99	1,53 ± 0,77	896	0,009
Предпочтение детских качеств	1,55 ± 0,76	0,98 ± 0,42	1061	0,365
Воспитательная неуверенность родителя	2,21 ± 0,88	2,31 ± 0,47	1102	0,714
Фобия утраты ребёнка	2,15 ± 0,57	1,72 ± 0,68	1061	0,365
Неразвитость родительских чувств	1,64 ± 0,36	1,42 ± 0,34	1010	0,243
Проекция на ребёнка собственных нежелательных качеств	1,83 ± 0,79	1,56 ± 0,63	1078,5	0,423
Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания	1,6 ± 0,85	0,39 ± 0,07	911	0,049
Предпочтение женских качеств	1,85 ± 0,93	1,46 ± 0,19	1024	0,235
Предпочтение мужских качеств	0,65 ± 0,07	0,23 ± 0,03	979,5	0,129

Примечание: Жирным шрифтом выделены достоверные различия между группами.

(52% vs 16%, $p \leq 0,01$), изображают себя в стороне от других, что может интерпретироваться как переживание ими чувства отчуждённости. О последнем также свидетельствует наличие таких признаков,

как отсутствие ребёнка на рисунке (28% случаев) или же, напротив, изображение только его самого (12%). Часто болеющие дети, как правило, менее охотно приступали к рисованию; они с нежеланием пояс-

няли рисунок. Кроме этого, дети из данной группы достоверно чаще, чем редко болеющие (14% vs 6%, $p \leq 0,01$), не изображают на рисунках рот и глаза у членов семьи, в том числе и у себя, что может интерпретироваться как наличие коммуникативных проблем и избирательно-негативного отношения к отдельным членам семьи. 24% детей рисуют фигуры членов семьи без ног, что обычно интерпретируется как признак переживания нестабильности, отсутствия чувства устойчивости и наличия тревоги.

Изображения человеческих фигур изобилуют штриховкой и повторными обведениями линий (90% случаев), что свидетельствует об испытываемой тревоге. Наличие феномена микрографии при изображении себя на рисунке (36% детей данной группы) традиционно интерпретируется как показатель негативного самоотношения и возможного наличия депрессивных переживаний [4]. В 42% случаев дети оставляют рисунки чёрно-белыми (выполнены простым карандашом) или одноцветными – 18% случаев. Дети данной группы достоверно более часто показывают проективные знаки, свидетельствующие о наличии враждебности и агрессии в их семьях (36% vs 12%). В 24% случаев рисунки демонстрируют тесную связь между матерью и ребёнком при эмоциональном дистанцировании отца: ребёнок и мать изображены близко друг к другу, заняты общим делом, отец же изображается на достаточно большой дистанции от матери и ребёнка. В контрольной группе этот феномен встречается значительно реже (8%, $p \leq 0,01$). В 18% случаев по изображениям можно говорить о наличии детского эгоцентризма: семья изображена в полном составе, при этом она расположена вокруг ребёнка, который является центральным действующим лицом сюжета.

Таким образом, результаты обследования детей показали наличие значимых различий между группами часто и редко болеющих детей по параметрам оценки

этим детьми их межличностных отношений в различных социальных группах (включая семью), а также имплицитной оценки качества отношений в семье и своего места в семейной структуре.

Следующим этапом нашего исследования стал сравнительный анализ типов семейного воспитания, выявляемых при обследовании родителей часто и редко болеющих детей, данные о которых представлены в табл. 5.

Согласно полученным данным, в группе родителей часто болеющих детей, по сравнению с родителями второй группы, обнаружены достоверно более высокие показатели по таким типам семейного воспитания, как «Гиперпротекция» ($p < 0,05$), «Гипопротекция» ($p < 0,05$), «Потворствование» ($p < 0,05$), «Чрезмерность требований-запретов (доминирование)» ($p < 0,05$), «Неустойчивость стиля воспитания» ($p < 0,05$), а также по таким личностным проблемам родителей, которые они решают за счёт ребёнка, как «Расширение сферы родительских чувств» ($p < 0,01$) и «Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания» ($p < 0,05$). С максимальными числовыми и ранговыми значениями в группе родителей часто болеющих детей присутствуют стратегии «Гиперпротекция», «Потворствование», «Гипопротекция» и «Чрезмерность требований-запретов». Необходимо отметить, что черты указанных стилей воспитания и личностных особенностей присутствуют в данных семьях, но не достигают критических значений. Полученная статистика выраженности стилей дисгармоничного воспитания безусловно свидетельствует об общей дисгармонии отношений в семьях, где отмечены такие стили воспитания.

Корреляционный анализ показал наличие непротиворечивых и хорошо интерпретируемых содержательно статистически значимых связей имплицитных оценок детьми их семейной ситуации и превалирующих в их семьях стилей воспитания (статистически связаны более 30% анализируемых параметров). Причём это ка-

сается как редко, так и часто болеющих детей. Следовательно, правомочным будет заключение о том, что дети довольно тонко чувствуют «эмоциональный настрой» родительской семьи по отношению к себе и своему здоровью.

Обсуждение результатов

Полученные результаты показали, что стратегии воспитания, используемые родителями часто болеющих детей, оставаясь в пределах референсных значений, тем не менее являются более дисгармоничными по сравнению со стратегиями родителей практически здоровых детей. С наибольшей выраженностью в первой группе представлены такие стратегии, как «Гиперпротекция» (воспитание описывается родителями как центральное дело их жизни, они уделяют ребёнку очень много времени, сил и внимания), «Потворствование» (родители стремятся к максимальному и некритическому удовлетворению любых потребностей ребёнка), «Гипопротекция» (ребёнок оказывается на периферии внимания родителя, до него «не доходят руки», родителю «не до него») и «Чрезмерность требований-запретов» (ребёнку предъявляются чрезмерные требования, ограничивающие его свободу и самостоятельность). Относительно меньшую выраженность при сравнении с этими стратегиями в группе, но всё же значимо бóльшую, при сравнении с родителями из второй группы, в первой группе имеет стратегия, крайне психологически сложная для ребёнка, — «Неустойчивость стиля воспитания», при которой имеет место резкая смена приёмов воспитания, с переходом от очень строгого к либеральному и затем, наоборот: переход от значительного внимания к ребёнку к эмоциональному отвержению его родителями [22].

Содержательный анализ личностных особенностей родителей часто болеющих детей показывает выраженность таких черт, как «Расширение сферы родительских чувств» и «Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания».

О расширении сферы чувств, согласно принятой интерпретации, речь идёт в том случае, когда родители (чаще мать, реже отец), сами того чётко не осознавая, хотят, чтобы ребёнок, а позже подросток стал для них чем-то бóльшим, нежели просто ребёнком; когда они испытывают бессознательное желание, чтобы ребёнок удовлетворил хотя бы часть потребностей, которые в обычной семье должны быть удовлетворены в психологических отношениях супругов, — потребность во взаимной исключительной привязанности [11, 22]. Черта «Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания» эмпирически проявляется в соединении потворствующей гиперпротекции одного родителя с отвержением либо доминирующей гиперпротекцией другого. Как отмечают авторы методики, в этом случае воспитание нередко превращается в «поле битвы» конфликтующих родителей, где они получают возможность наиболее открыто выражать недовольство друг другом, руководствуясь «заботой о благе ребёнка» [22]. Характерное проявление данной стратегии — выражение недовольства воспитательными методами другого супруга. При этом легко обнаруживается, что каждого интересует не столько то, как воспитывать ребёнка, сколько то, кто прав в воспитательных спорах [11, 22].

Показанная в нашем исследовании выраженность в семьях часто болеющих детей дисгармоничных стилей семейного воспитания в целом не противоречит данным, полученным в других исследованиях [5, 6, 15–17, 24]. Однако необходимо отметить, что соотнесение полученных нами результатов с данными других исследователей довольно затруднительно. С одной стороны, в числе опубликованных в нашей стране мы не встретили работ, в которых бы изучались дети, болеющие ОРЗ восемь и более раз в течение года. С другой стороны, нельзя не отметить большое разнообразие используемых разными авторами диагностических средств, что делает результаты, получаемые в раз-

ных исследованиях, сложно сопоставимыми и поднимает вопрос о возможном введении определённых стандартов психодиагностики в данной области.

При доминировании перечисленных выше стилей воспитания родители, как известно, склонны акцентировать болезненность ребёнка, вводя различные запреты и ограничения. Именно в силу наличия подобных стилей воспитания, а не только потому, что эти дети являются часто болеющими, они могут становиться менее контактными и общительными, более замкнутыми и скованными. В этом случае нереализованными в необходимом по возрасту объёме становятся учебная и игровая деятельности, а также общение со сверстниками. Невозможность удовлетворения этих значимых потребностей и ведущих форм деятельности, как известно, является мощнейшим источником тревоги ребёнка [10–12, 14, 17], наличие которой у болеющего ребёнка и так вполне объяснимо в силу наличия неприятных соматических проявлений и включённости в процесс лечения. Тревога, возникающая у болеющего ребёнка в силу целого ряда причин и достигающая высокого уровня выраженности, перестаёт выполнять свои адаптивные функции, ещё больше дестабилизируя и без того «шаткое» физическое и эмоциональное состояние этого ребёнка и вызывая новую соматизацию, и так по кругу.

Таким образом, можно говорить о формировании «порочного круга тревоги» в ситуации частых болезней ребёнка, с типичными для этих случаев феноменами соматизации тревоги и «бегством в болезнь» с целью извлечения «вторичной выгоды». Поскольку эти процессы ассоциированы с появлением дезадаптивных стилей воспитания в родительских семьях, правомочным также будет вывод о том, что неэффективное родительское отношение безусловно является одним из значимых факторов формирования высокой личностной тревожности у часто болеющих детей.

Как показали наши результаты, семьи с часто болеющим ребёнком имеют осо-

бую структуру, в которой тесная эмоциональная связь матери и ребёнка сочетается с психологическим дистанцированием отца и часто встречающимся при этом стилем вынесения конфликта между супругами в сферу воспитания. Этот результат нельзя считать принципиально новым. Скорее, наши данные лишь раз подтвердили, что подобная картина является типичной для семей, где есть часто болеющий ребёнок [12–14, 16, 17, 24] и что данная картина внутрисемейных взаимодействий уже в силу этого может быть названа дезадаптивной. Однако нам представляется крайне важным и новым, что данные о наличии подобной структуры детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих часто болеющих детей, получены одновременно как от родителей, так и от их детей. Допустимо предположить, что в этом случае правомочным будет заключение о том, что дети довольно тонко чувствуют «эмоциональный настрой» родительской семьи по отношению к себе и своему здоровью, что необходимо учитывать при организации психологической помощи таким семьям.

К настоящему времени в психологическом консультировании и семейной психотерапии описано достаточное число направлений и приёмов эффективной работы и грамотного психологического сопровождения детей, страдающих разными заболеваниями, и часто болеющих детей в том числе, а также семей, воспитывающих таких детей. В ряде исследований показаны хорошая терапевтическая эффективность и снижение показателей заболеваемости детей острыми респираторными заболеваниями и заболеваниями ЛОР-органов на фоне получения детьми психологической помощи [5, 6, 16].

Ещё одно направление, на реализацию которого считаем нужным обратить внимание, — это необходимость организации психопрофилактических и психокоррекционных вмешательств по вопросам здоровья, адресованных семье, с целью формирования у детей благоприятной ВКЗ уже

начиная с раннего возраста, не дожидаясь момента возникновения часто повторяющихся ОРЗ.

С нашей точки зрения, на данном этапе организации психологической помощи семье серьёзной задачей становится развитие «культуры здоровья» с целью формирования осознанного отношения к своему здоровью как у детей, так и у их родителей. «Мишенями» психологического воздействия в этой работе могут стать самооценка уровня здоровья, тревога о здоровье, мотивация здоровьесберегающей деятельности у детей и их родителей, а также поиск оптимальных путей взаимодействия родителей с их детьми. В контексте осуществления этой работы с клиентами психологических консультаций должны обсуждаться вопросы их представлений о понятии «здоровье», о стратегиях регуляции своего состояния и различных форм их деятельности, применение которых целесообразно для сохранения здоровья. Должны создаваться условия для поиска новых возможных моделей здоровьесберегающего поведения, для успешного функционирования детей и подростков в семейной и социальной среде, что окажет влияние, в том числе, и на их активность, направленную на поддержание здоровья. Для решения обозначенных задач крайне важно показать родителям, что их совместная терапия с ребёнком позволит многократно повысить эффективность психологической помощи, оказываемой ребёнку.

Заключение

В представленном исследовании получены результаты, позволяющие сделать заключение об эмоциональном неблагополучии многих часто болеющих детей, о наличии напряжения в семейном взаимодействии и дисгармонии отношений в семьях, воспитывающих часто болеющих детей. Очевидно, что наличие таких особенностей социальной ситуации развития этих детей с высокой степенью вероятности может оказывать искажающее воздействие на психическое и психосоматическое развитие этих детей, формируя «порочный круг тревоги» и тем самым создавая психологически благоприятные условия для соматизации тревоги ребёнка и возникновения у него феномена «ухода в болезнь».

Полученные результаты позволяют заключить, что в случае частой заболеваемости ребёнка ОРЗ крайне целесообразной рекомендацией его родителям со стороны врачей будет прохождение психологического обследования. Причём в этом случае в прохождении диагностики и, возможно, в последующем получении психологической помощи будет нуждаться вся семья, а не только часто болеющий ребёнок.

Результаты исследования обосновывают необходимость достаточно оперативной организации психологических исследований семей, воспитывающих часто болеющих детей, с целью разработки научно обоснованных программ психологической помощи таким семьям. Данная помощь, в частности, может быть направлена на проработку стилей семейного воспитания. Представленные в данном исследовании эмпирические результаты могут лечь в основу разработки программы психологического сопровождения семей часто болеющих детей, которая позволит нормализовать внутрисемейные отношения и создать оптимальные условия для успешного психологического и психосоматического развития таких детей, а также для повышения уровня их соматического здоровья.

Приближается к своему завершению 2024 г., объявленный в Российской Федерации годом семьи. Очень хочется призвать медицинскую общественность и государственные структуры обратить внимание на семьи, где есть часто болеющие дети. Семьи с часто болеющими детьми — это серьёзная социальная и психологическая проблема. Психологическая наука и практика в нашей стране являются достаточно зрелыми, и они готовы включиться в работу по решению данной проблемы [7–9, 17, 20, 21, 24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Авезова Г.С., Косимова С.М. Часто болеющие дети: распространённость и факторы риска // European Research. 2017. № 5 (28). С. 79–80.
2. Альбицкий В.Ю., Баранов А.А. Часто болеющие дети. Клинические и социальные аспекты. Пути оздоровления. Саратов: Изд-во Саратовского медуниверситета, 1986.
3. Арина Г.А., Коваленко Н.А. Часто болеющие дети. Какие они? // Школа здоровья. 1995. Т. 2. С. 116–125.
4. Бернс Р.С., Кауфман С.Х. Кинетический рисунок семьи: введение в понимание детей через кинетические рисунки. М.: Смысл, 2003.
5. Доманецкая Л.В. Родители и часто болеющий ребёнок: общение в контексте психосоматического подхода. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2013.
6. Дубовик Е.Ю. Особенности проявления тревожности в детско-родительских отношениях часто болеющим ребёнком дошкольного возраста // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. 2006. № 1. С. 134–140.
7. Зинченко Ю.П. Методологические проблемы фундаментальных и прикладных психологических исследований // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 42–49.
8. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И., Тхостов А.Ш. Методологические основы и задачи психологической реабилитации онкологических больных // Вестник восстановительной медицины. 2014. № 5. С. 31–42.
9. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С. Выготского—А.Р. Лурия // Национальный психологический журнал. 2012. № 2 (8). С. 32–45.
10. Карабанова О.А. В поисках оптимального стиля родительского воспитания // Национальный психологический журнал, 2019. Т. 35. № 3. С. 71–79.
11. Карабанова О.А. Возрастная психология. Конспект лекций. М.: Айрисс-пресс, 2005.
12. Коваленко Н.А. Эмоциональный и телесный опыт ребёнка с бронхиальной астмой: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
13. Морозов С.Л. Часто болеющие дети. Современный взгляд педиатра // РМЖ. Медицинское обозрение. 2019. Т. 8. № 3. С. 7–9.
14. Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. Психологическое исследование. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
15. Первичко Е.И., Митина О.В., Шишкова И.М. Апробация русскоязычной версии методики «Краткий опросник тревоги о здоровье» на выборке детей школьного возраста. Вопросы психологии // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 6. С. 99–122.
16. Романцов М.Г. Часто болеющие дети: медико-психологическое сопровождение, оздоровление и адаптация к образовательному учреждению // Вестник науки и образования. 2016. № 8 (20). С. 74–80.
17. Руководство по психологии здоровья / Под ред. А.Ш. Тхостова, Е.И. Рассказовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019.
18. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
19. Федотова Ю.Ю. Практическое руководство по применению методики «Фильм-тест» Рене Жилия: Методические указания. Владивосток: Изд-во МГУ им. адм. Г.И. Невельского, 2004.
20. Цветкова Л.А. Групповая работа со школьниками: учебное пособие. 2-е изд., перераб. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021.
21. Цветкова Л.А., Антонова Н.А., Ерицян К.Ю. Профилактические проекты в сфере здоровья: разработка, внедрение, оценка эффективности: учебное пособие. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018.
22. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008.

23. Bartlett J.G. Management of respiratory tract infection; 3rd ed. Philadelphia, 2001. Pp. 178–182.
24. Pervichko E.I., Shishkova I.M. (2020). The Impact of Family on Children's Attitude toward Health // Psychology in Russia: State of the Art. № 13 (1). Pp. 147–160. DOI: 10.11621/pir.2020.0112.

The Psychological Well-being of the Modern Family as the Main Factor in Children's Health

Yuri Petrovich Zinchenko – Member of the Russian Academy of Education; DSc (Psychology); Dean, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (MSU).

E-mail: zinchenko_y@mail.ru

Elena Ivanovna Pervichko – DSc (Psychology); Associate Professor, Department of Neuropsychology and Abnormal Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (MSU).

E-mail: elena_pervichko@mail.ru

The purpose of the study was to examine the styles of parent-child relationships in families of frequently ill children, as well as children's ideas about the quality of interpersonal relationships in their families, as the most important indicators of the psychological well-being of a family with a frequently ill child. The study involved 50 frequently ill primary school children (average age 9.2 ± 1.4 years) and 50 rarely ill primary school children (average age 8.9 ± 1.2 years), along with their parents (50 participants in each group). The findings revealed that only 12% of frequently ill children viewed their family relationships as positive, which is significantly lower than in the group of rarely ill children. The most common assessments from frequently ill children described their family dynamics as anxious. Compared to the healthy group, frequently ill children were more likely to describe their family relationships as conflict-ridden, leading to feelings of inadequacy. Additionally, parents of frequently ill children exhibited higher levels of dysfunctional parenting styles, such as overprotection, underprotection, indulgence, excessive demands and prohibitions (domination), and inconsistency in parenting. These findings indicate a general disharmony in family relationships among families with frequently ill children. The results underscore the importance of conducting further psychological research on families raising frequently ill children, with the aim of developing scientifically-based psychological support programs. The authors emphasize that families with frequently ill children represent a significant social and psychological challenge, and that psychological science and practice in Russia are well-equipped to address this issue.

Keywords: family mental well-being, frequently ill children, anxiety, parenting styles, interpersonal relationships

REFERENCES

1. Avezova G.S., Kosimova S.M. Chasto boleyushchie deti: rasprostranyonnost' i faktory riska // European Research. 2017. № 5 (28). S. 79–80 (in Russian).
2. Al'bitskii V.Yu., Baranov A.A. Chasto boleyushchie deti. Klinicheskie i sotsial'nye aspekty. Puti ozdorovleniya. Saratov: Izd-vo Saratovskogo meduniversiteta, 1986 (in Russian).
3. Arina G.A., Kovalenko N.A. Chasto boleyushchie deti. Kakie oni? // Shkola zdorov'ya. 1995. T. 2. S. 116–125 (in Russian).
4. Berns R.S., Kaufman S.Kh. Kineticheskiy risunok sem'i: vvedenie v ponimanie detei cherez kineticheskie risunki. M.: Smysl, 2003 (in Russian).

5. Domanetskaya L.V. Roditeli i chasto boleyushchii rebyonok: obshchenie v kontekste psikhosomaticeskogo podkhoda. Krasnoyarsk: Krasnoyars. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2013 (in Russian).
6. Dubovik E.Yu. Osobennosti proyavleniya trevozhnosti v detsko-roditel'skikh otnosheniyakh chasto boleyushchim rebyonkom doshkol'nogo vozrasta // Vestnik Krasnoyarskogo gos. ped. un-ta im. V.P. Astaf'eva. 2006. № 1. S. 134–140 (in Russian).
7. Zinchenko Yu.P. Metodologicheskie problemy fundamental'nykh i prikladnykh psikhologicheskikh issledovaniy // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2011. № 1 (5). S. 42–49 (in Russian).
8. Zinchenko Yu.P., Pervichko E.I., Tkhostov A.Sh. Metodologicheskie osnovy i zadachi psikhologicheskoi reabilitatsii onkologicheskikh bol'nykh // Vestnik vosstanovitel'noi meditsiny. 2014. № 5. S. 31–42 (in Russian).
9. Zinchenko Yu.P., Pervichko E.I. Postneklassicheskaya metodologiya v klinicheskoi psikhologii: nauchnaya shkola L.S. Vygotskogo—A.R. Luriya // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2012. № 2 (8). S. 32–45 (in Russian).
10. Karabanova O.A. V poiskakh optimal'nogo stilya roditel'skogo vospitaniya // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal, 2019. T. 35. № 3. S. 71–79 (in Russian).
11. Karabanova O.A. Vozrastnaya psikhologiya. Konspekt lektzii. M.: Airiss-press, 2005 g. (in Russian).
12. Kovalenko N.A. Emotsional'nyi i telesnyi opyt rebyonka s bronkhial'noi astmoi: Dis. ... kand. psikholog. nauk. M., 1998 (in Russian).
13. Morozov S.L. Chasto boleyushchie deti. Sovremennyy vzglyad pediatra // RMZH. Meditsinskoe obozrenie. 2019. T. 8. № 3. S. 7–9 (in Russian).
14. Nikolaeva V.V. Vliyaniye khronicheskoi bolezni na psikhiku. Psikhologicheskoe issledovanie. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1987 (in Russian).
15. Pervichko E.I., Mitina O.V., Shishkova I.M. Aprobatsiya russkoyazychnoi versii metodiki «Kratkii oprosnik trevogi o zdorov'e» na vyborke detei shkol'nogo vozrasta. Voprosy psikhologii // Voprosy psikhologii. 2022. T. 68. № 6. S. 99–122 (in Russian).
16. Romantsov M.G. Chasto boleyushchie deti: mediko-psikhologicheskoe soprovozhdenie, ozdorovlenie i adaptatsiya k obrazovatel'nomu uchrezhdeniyu // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2016. № 8 (20). S. 74–80 (in Russian).
17. Rukovodstvo po psikhologii zdorov'ya / Pod red. A.Sh. Tkhostova, E.I. Rasskazovoi. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2019 (in Russian).
18. Tkhostov A.Sh. Psikhologiya telesnosti. M.: Smysl, 2002 (in Russian).
19. Fedotova Yu.Yu. Prakticheskoe rukovodstvo po primeneniyu metodiki «Fil'm-test» Rene Zhilya: Metodicheskie ukazaniya. Vladivostok: Izd-vo MGU im. adm. G.I. Nevel'skogo, 2004 (in Russian).
20. Tsvetkova L.A. Gruppovaya rabota so shkol'nikami: uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. SPb: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2021 (in Russian).
21. Tsvetkova L.A., Antonova N.A., Eritsyan K.Yu. Profilakticheskie proekty v sfere zdorov'ya: razrabotka, vnedrenie, otsenka effektivnosti: uchebnoe posobie. SPb: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2018 (in Russian).
22. Eidemiller E.G., Yustitskis V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i. 4-e izd. SPb.: Piter, 2008 (in Russian).
23. Bartlett J.G. Management of respiratory tract infection; 3rd ed. Philadelphia, 2001. Pp. 178–182.
24. Pervichko E.I., Shishkova I.M. (2020). The Impact of Family on Children's Attitude toward Health // Psychology in Russia: State of the Art. № 13 (1). Pp. 147–160. DOI: 10.11621/pir.2020.0112.

Индекс УДК 316.6

Код ГРНТИ 15.41.49

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-27-35

А.В. МАХНАЧ*

Роль семьи в формировании жизнеспособности человека

В статье представлены теоретические и эмпирические исследования жизнеспособности семьи. Обосновано применение экологической теории и системного подхода для изучения феноменов жизнеспособности семьи. Социальная модель исследований рассматривается как методическая основа научного интереса к жизнеспособности человека и – позже – семьи. Приводятся данные об изучении психологии семьи в России и за рубежом, а также результаты исследования роли поддержки семьи в формировании жизнеспособности человека.

Ключевые слова: жизнеспособность семьи, жизнеспособность человека, социальная модель, экологическая теория Ю. Бронфенбреннера, системный подход, психология семьи, семейная поддержка

В истории появления и разработки большинства концепций и понятий «жизнеспособность человека» и «жизнеспособность семьи» заметную роль сыграла социокультурная экологическая теория Ю. Бронфенбреннера [1]. Согласно его теории, на развитие человека влияет ряд взаимосвязанных экологических систем, начиная с микросистемы (семьи) и заканчивая хроносистемой (взрослением, старением). Теория экологических систем человека определяет семейные и социальные факторы как оказывающие существенное влияние на его жизнеспособность.

Другим теоретическим основанием для изучения жизнеспособности человека стал системный подход, в рамках

которого описаны общесистемные представления о структурно-функциональном пространстве существования этого феномена. На основе общесистемных закономерностей психических явлений, выделенных Б.Ф. Ломовым: связей, тенденций, зависимостей, вариативности, повторяемости, сферы действия, границ применения [2], выявлены признаки жизнеспособности семьи как малой социальной группы [3]. Наряду с экологической теорией системный подход к изучению психики стал теоретическим основанием наших исследований жизнеспособности человека, семьи. Для разработки понятий «жизнеспособность человека», «жизнеспособность семьи» у российских психологов, возможно, как ни у кого больше,

* **Махнач Александр Валентинович** — доктор психологических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе Института психологии РАН.
E-mail: makhnach@ipran.ru

имеются фундаментальные разработки отечественных философов, кибернетиков, биологов и генетиков. Достаточно перечислить их имена: биолог и эволюционист И.И. Шмальгаузен, философ А.А. Богданов, эколог Н.Ф. Реймерс, методологи науки И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин.

Разработка общепсихологической концепции жизнеспособности человека и семьи обусловлена теоретической готовностью к этому современной науки. Изучение этих понятий стало возможным благодаря лонгитюдным исследованиям по психологии развития в зарубежной психологии; исследованиям российскими учёными адаптации, саморегуляции, контроля поведения, совладания как компонентов жизнеспособности; сближению понятийного поля отечественной и зарубежной психологии; попыткам системного исследования этого феномена в теоретическом пространстве кибернетики, философии, истории, педагогики, психологии. Этому также способствовали эволюция и трансформация исследовательских парадигм и теорий; возрастающая роль культуры в анализе жизнеспособности человека в русле «антропологического поворота» К. Ранера [4] как способа переосмысления и обновления научного дискурса в целом и в гуманитарных/социальных науках; интерес к изучению самореализации, самоактуализации, увлечённости, профессионального успеха, нравственных ценностей, благополучия и др.

Социальная модель исследований: понятия «жизнеспособность человека» и «жизнеспособность семьи»

Появлению интереса к феномену жизнеспособности человека предшествовали снижение акцента на его патологии и увеличение интереса к его сильным сторонам. В. О'Лири отмечал: «Психологи недавно пришли к мысли о необходимости отказа от исследований в рамках моделей уязвимости / дефицита человека и сосредоточились на изучении моделей позитивных приобретений человека, вышедшего из сложной жизненной ситуации с важным для его

дальнейшего развития опытом» [5, p. 426]. Конструкт «жизнеспособность человека» стал рассматриваться в двух полюсах: риска или неблагоприятного воздействия — позитивной адаптации. В связи с этим жизнеспособность человека оценивается как: а) хороший выход из ситуации, несмотря на неблагоприятное воздействие; б) устойчивое проявление компетентности под влиянием стресса; в) восстановление после травматического события [6]. Исследования жизнеспособности человека в социальных науках могут быть сгруппированы вокруг трёх основных понятий, классифицирующих содержание этого термина: подготовленность человека; реагирование и адаптация; восстановление или приспособление.

Первые исследования жизнеспособности семьи появились примерно 20 лет назад и начались с изучения неуязвимости / жизнеспособности ребёнка в семейном контексте [7]. В ходе анализа индивидуальной жизнеспособности ребёнка в семье было обнаружено, что он способен преодолевать трудности благодаря поддержке и защите, оказываемым одним из родителей или взрослым. Доказательством этого служат результаты лонгитюдов, в частности известный эксперимент Э. Вернер. В них было показано, что у каждого ребёнка, находящегося в трудной жизненной ситуации, в его окружении есть человек, который принимает его, может поддержать его самооценку, развить его компетентность. Три основных фактора социальной и семейной поддержки составили: а) сеть поддерживающих ресурсов; б) поддерживающее поведение; в) субъективная оценка поддержки [8].

Значимыми факторами защиты для жизнеспособности семьи являются адаптивность, сплочённость, хорошее общение, рассматриваемые как психологические ресурсы её социального благополучия [9]. Показано, что семья может проявлять жизнеспособность в одной области функционирования и не иметь её в другой. Исследования жизнеспособности семьи подчеркнули роль культуры для жизнеспособного общества: психическое здоровье граждан,

социальная активность человека, развитие института семьи, традиций, способности людей к объединению и развитию духовности в жизни человека, что особенно актуально в эпоху кризисов [10].

Ф. Уолш, пионер исследований жизнеспособности семьи, разработала структуру её жизнеспособности, которая включает три области её функционирования: системы убеждений, организационные модели и коммуникативные процессы. По её мнению, взгляд на семью через призму жизнеспособности имеет несколько преимуществ:

- «позволяет фокусироваться на *сильных сторонах* семьи, закалённой стрессом каждого из кризисов, в длительных периодах неблагополучия;
- ни одна модель *здорового функционирования* не может подходить всем семьям;
- *оптимальное функционирование и благополучие* членов семьи меняются со временем по мере возникновения проблем, что и развивает семью» [11, р. 405].

Жизнеспособность семьи является её системной характеристикой, поэтому способность членов семьи успешно адаптироваться к неблагоприятным условиям, используя внутренние и внешние ресурсы, есть важный индикатор фактора семьи в её жизнеспособности [12]. В последнее время произошёл переход к изучению жизнеспособности семьи как динамическому понятию с акцентом на компетентности, её сильных сторонах и ресурсах.

Изучение жизнеспособности семьи в России

В 2003 г. мы предложили термин «resilience» переводить как «жизнеспособность» и обосновали такой перевод. Впоследствии понятие «жизнеспособность человека» стало частью общепсихологической терминологии в российской психологии. Предложенный нами перевод — «жизнеспособность человека» — наиболее полно описывает те признаки психического явления, за которыми стоит следующее содержание: способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных

обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все внутренние и внешние ресурсы, способность к жизни во всех её проявлениях, базирующейся на воле к жизни [7].

Поскольку в исследованиях российских учёных понятие «жизнеспособность семьи» появилось не так давно, обратимся к анализу тематики исследований психологии семьи в историческом контексте — по названиям статей, отражающим, как правило, актуальность проблематики. Мы провели контент-анализ названий статей по двум временным периодам (1970-е–1980-е и 1990-е–2000-е гг.) и отметили различия в основных понятиях, отражающих научный интерес к теме психологии семьи. Если в статьях 1970-х–1980-х гг. наиболее частотным словом являлась «семья», то в 1990-х–2000-х гг. — «неблагополучная семья»; в 1970-х–1980-х с понятием «семья» близкими по частотности были слова «дети», «брак», «семейное воспитание», «патриотическое воспитание», то в 1990-х–2000-х гг. «неблагополучная семья» как ядерное понятие поддерживалось такими словами, как «девиантное поведение», «социальная дезадаптация» (рис.).

Таким образом, согласно статьям 1990-х–2000-х гг., основными выводами о состоянии института семьи в России являются следующие: низкая воспитательная функция; утрата влияния на ребёнка; передача ответственности за семью другим социальным институтам; отсутствие сохранения и передачи культурных традиций от одного поколения к другому; зачастую самостоятельное, без помощи общества преодоление проблем; вынужденность действий без внешней поддержки; склонность к чрезмерному употреблению алкоголя (наркотиков); несистемный характер воспитания детей — от случая к случаю их проблемного поведения. Обратим внимание на важное основание проводимых в этот временной период исследований: большинство из них осуществлялось в русле медицинской модели (нарратива) [13], многие статьи по-прежнему посвящены

Рис. Контент-анализ массива слов из названий статей в исследованиях по психологии семьи в 1970–1980 гг. (слева), словарная база $n = 171$; в 1990–2000-х гг. (справа), словарная база $n = 122$ (по статьям, индексированным в РИНЦ)

Примечание: наполнение Word-cloud с 3-м пороговым значением по программе Atlas.ti (версия 9.5.6). В облаке с 3-м пороговым значением отображены слова, которые имеют частоту 3 и выше (число вхождений слова в лексическую базу)

преимущественно изучению неблагополучной семьи.

Количественного роста исследований семьи в русле позитивной психологии не выявлено и в 2017–2021 гг.: отмечался невысокий интерес к анализу феноменов жизнеспособности семьи у российских психологов. Число работ по жизнеспособности семьи незначительно (табл. 1), в то же время в зарубежной психологии наблюдается заметный рост публикаций: почти в четыре раза с 2017 по 2021 г.

Среди причин различий между российскими и зарубежными психологами, а также учёными смежных областей знания по числу исследований жизнеспособности отметим следующие:

- большинство методов диагностики семьи созданы в XX в. при адаптации зарубежных методик, не всегда проводилась полноценная психометрическая работа с методикой;
- сбор эмпирических данных затруднён из-за разнообразия предметов исследования, а также вероятностного влияния множества внутренних и внешних переменных на семью;
- сложность разработки дизайна эмпирического исследования;
- вероятностная изменчивость переменных вследствие влияния внешних и внутренних факторов;
- редкое использование качественных и смешанных методов сбора и анализа эмпирических данных;

- разнообразие и постоянное изменение форм семей;
- изменение во времени числа субъектов в семье, что усложняет проведение срезов/лонгитюдов.

В зарубежных работах изучение феномена жизнеспособности происходило в рамках условно выделяемых и исторически сложившихся четырёх волн интереса к этому феномену. Концептуализация термина «жизнеспособность» в исследованиях последних лет происходит преимущественно в русле социальной модели и теории экологических систем У. Бронфенбреннера. В них акцент на философию экологического бытия позволяет расширить понимание этого феномена от узкого, детерминированного факторами защиты и риска до системной характеристики человека или семьи. Такой ракурс позволил нам выделить основания для пятой волны изучения жизнеспособности человека, где интерес к семье предоставил возможность системно анализировать происходящие в ней процессы в рамках её экологии.

Мы ставим своей целью исследовать жизнеспособность семьи, так как это расширяет понимание возможностей здоровой семьи, функционирующей в неблагоприятных условиях жизни. Согласно нашим представлениям, жизнеспособность семьи и воспринимаемая социальная поддержка не только оказывают прямое влияние на индивидуальную жизнеспособность члена семьи, но также являются для него защитными факторами.

Таблица 1

Число статей российских (база РИНЦ) и зарубежных исследователей (база Mendeley) по жизнеспособности семьи в психологии и других науках

Год	Жизнеспособность семьи в статьях по психологии		Жизнеспособность в статьях по другим наукам	
	в мире	в России	в мире	в России
2017	1411	4	16 696	198
2018	2202	6	21 312	180
2019	2240	6	22 068	169
2020	3154	1	28 770	199
2021	4274	8	33 327	221

Эмпирические исследования роли семьи в формировании жизнеспособности человека

Кратко опишем результаты наших исследований, в которых были изучены социально-психологические особенности семей, оказывающие влияние на формирование жизнеспособности человека. В наших работах субъектами исследования были специалисты помогающих профессий (СПП), кандидаты в замещающие родители, профессиональные замещающие родители.

Так, в исследовании Т.Ю. Лотаревой, выполненном под нашим руководством, показано, что семейная / социальная поддержка является одним из наиболее важных компонентов жизнеспособности СПП. Семья, друзья, коллеги – это мощный ресурс для сохранения жизнеспособности человека, к которому он обращается в поисках этой поддержки [14]. Для СПП поддержка коллег, семьи, а также понимание и принятие ими вовлечённости и заинтересованности работой служит очень важным ресурсом жизнеспособности. При этом умение человека выстраивать надёжные отношения с людьми является ключевым условием помощи детям с нарушенной привязанностью. Не случайно у СПП значения показателя находятся на максимальном уровне по Шкале социальной поддержки (MSPSS; Д. Зимет и соавт.). Это указывает на то, что отношения в семье, с друзьями представляют собой надёжный ресурс для СПП. Такие же максимально высокие значения

выявлены по шкалам теста «Семейные ресурсы» [15]. Данные по этой группе СПП свидетельствуют о том, что стаж работы связан с семейными ресурсами, в то же время специалисты в одинаковой степени склонны опираться на поддержку семьи. При этом поддержка со стороны членов семьи более выражена в группе СПП со стажем до двух лет. Этот факт мы связываем с тем, что более молодые СПП в силу своего возраста ближе к родительской семье, чем их коллеги старшего возраста [14].

В ряде наших исследований мы изучали кандидатов в замещающие родители и профессиональных замещающих родителей. Актуальность исследований этой группы семей связана с тем, что, несмотря на все усилия государства, некоммерческих организаций, волонтеров, острота проблем сиротства остаётся. Исследования замещающих семей в России имеют определённую тенденцию. По приведённым в табл. 2 данным в 2016–2018 гг. отмечалось повышение научного интереса к феноменам замещающей семьи. Далее – заметное уменьшение количества публикаций, что совпадает со снижением числа сирот в стране. Согласно данным Минпросвещения РФ, у нас по-прежнему катастрофически много сирот ($n = 41\,958$), при этом число россиян, желающих принять в семью на воспитание сироту, заметно меньше ($n = 36\,795$). Также важно отметить, что сокращается число семей, которые, пройдя обучение в школах приёмных

Таблица 2

**Число статей по проблематике
замещающих / приёмных семей
за 2013–2023 гг. (по базе РИНЦ)**

Год	Замещающая семья	Приёмная семья
2013	20	32
2014	38	35
2015	57	54
2016	90	68
2017	76	124
2018	88	95
2019	73	90
2020	76	83
2021	70	70
2022	74	88
2023	78	85
Всего	740	824

родителей, взяли на воспитание в семью ребёнка: с 2010 по 2023 г. этот показатель снизился почти в два раза: в 2021 г. только 34% осуществили свой план. Приведённых цифр достаточно, чтобы согласиться с тем, что исследовательский интерес к проблематике сиротства и замещающего родительства неправомерно и необоснованно, к сожалению, снижается.

Отмечается, что недостаточная психолого-педагогическая подготовка кандидатов в замещающие родители, а после устройства ребёнка в семью – бессистемная поддержка семьи зачастую приводят к тому, что семья рассматривает прекращение своего статуса замещающей после возврата ребёнка в детский дом, удваивая травматизацию ребёнка [16]. В то же время отсутствие системного подхода к диагностике, обучению и сопровождению заявителей ставит под сомнение прогноз успешности устройства сироты в семью. Было показано, что среди характеристик как детей, так и замещающих семей наиболее сильными факторами, способствующими неуспешности приёмной опеки, являются минималь-

ная степень участия семьи в программах психологической поддержки [17]; недостаточное число профессиональных замещающих семей, которые поддерживают ребёнка, разлучённого на время со своей семьей, а также в процессе возможной его реинтеграции в кровную семью. Как оказывается помощь, имеет ключевое значение, поэтому, говоря о социальной поддержке замещающей семьи, следует учитывать то, как эта поддержка воспринимается ею. Д. Гейт и Н. Хейзел ввели понятие «негативной поддержки», которое подчёркивает тонкую грань между помощью и вмешательством, утратой контроля над собственной жизнью и детьми [18]. Поддержка в этом смысле означает отношение к семье как к необеспеченной ресурсами, социально несостоятельной и, соответственно, слабой, что вполне укладывается в медицинскую модель взаимодействия врача и пациента; с такой ролью семьи не соглашаются большинство современных исследователей [13].

Приведём пример включения понятия «жизнеспособность семьи» в психологическое обследование кандидатов в замещающие родители через поиск признаков этой интегративной характеристики в семье и последующее её развитие. Понятия «жизнеспособность семьи» и связанное с ним «ресурсы» должны рассматриваться как основания для планирования работы с кандидатами в замещающие родители на занятиях и в дальнейшем – с замещающей семьёй и приёмным ребёнком. Понимание замещающими родителями необходимости формирования жизнеспособности у приёмного ребёнка, обращение к его и семейным ресурсам позволят предотвратить возврат ребёнка в детский дом.

За последние 20 лет исследователи семейной поддержки обосновали значимое влияние факторов защиты на способность семьи оказывать эту поддержку. Показано, что благодаря более сильной семейной поддержке снижается риск сердечно-коронарных заболеваний у детей, успешнее проходит социально-психологическая адап-

тация подростков к условиям школы, колледжа; снижается негативная симптоматика у хронически или тяжело больных детей.

Проведённые нами исследования позволили разработать контекстную модель жизнеспособности семьи, в которой выделенные в ней компоненты («Человек», «Семья», «Общество», «Государство», «Культура») составляют, по нашему мнению, основное содержание системно-экологической концепции жизнеспособности семьи. Понятие «системное» в определении задаёт системную детерминацию разрабатываемой концепции. Понятие «экологическое» задаёт проблемное пространство и видение решения проблем семьи [19, с. 141].

Отметим, что контекстный подход к изучению жизнеспособности человека и семьи также наиболее часто встречается в современных исследованиях этих объектов. Такой подход позволяет различать внутренний контекст жизнедеятельности членов семьи посредством изучения их индивидуально-психологических особенностей, знаний, умений, опыта. Вместе с тем изучение внешнего контекста жизнедеятельности семьи уточняет социальные и культурные влияния, общие для всей семьи внешние и значимые характеристики её жизнеспособности [Там же, с. 139–140].

Заключение

Жизнеспособность семьи рассматривается как признак здорового и социально приемлемого её функционирования. При этом концептуализация понятия «жизнеспособность семьи» происходит через индивидуальные и семейные ресурсы, социальные ресурсы общества, сопоставление роли индивидуальных, семейных и социальных ресурсов. Жизнеспособность семьи формируется благодаря социальной среде, расширенной семье, общественным институтам: морали, религии, государства. Жизнеспособность семьи определяется способностью выстраивать отношения в социальном окружении, своей ролью в этих отношениях: субъекта или объекта, соответственно вступая в субъект-объектные или субъект-субъектные отношения.

На наш взгляд, критерием жизнеспособности семьи является социальное благополучие в условиях неопределённости. Таким образом, изучение положительных характеристик, социального окружения, в частности потенциала семьи, позволяет охватить её разнообразие. При этом операционализация понятия «жизнеспособность семьи» может происходить в периоды устойчивой траектории её здорового функционирования на протяжении длительного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bronfenbrenner U. The ecology of human development: experiments by nature and design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.
2. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
3. Махнач А.В. Жизнеспособность замещающей семьи как малой социальной группы: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2019.
4. Ранер К. Введение в христианское богословие. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2006.
5. O'Leary V. Strength in the face of adversity: individual and social thriving // Journal of Social Issues. 1998. Vol. 54 (2). Pp. 425–446. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1998.tb01228.x>.
6. Masten A.S., Best K.M., Garmezy N. Resilience and development: contributions from the study of children who overcome adversity // Development and psychopathology. 1990. Vol. 2 (4). Pp. 425–444. <https://doi.org/10.1017/S0954579400005812>.
7. Махнач А.В. Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 84–98.

8. Hobfoll S.E., Spielberger C.D. Process of family stress: A response to Boss (1992) and Kazak (1992) // Journal of Family Psychology. 1992. Vol. 6 (2). Pp. 125–127. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.6.2.125>.
9. Махнач А.В. Диагностика жизнеспособности и ресурсности замещающих семей как условие профилактики отказов от приёмных детей // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 227–253.
10. Peleg O., Peleg M. Is resilience the bridge connecting social and family factors to mental well-being and life satisfaction? // Contemporary Family Therapy. 2024. <https://doi.org/10.1007/s10591-024-09707-x>.
11. Walsh F. Family resilience: Strengths forged through adversity // Normal family processes: Growing diversity and complexity (4th ed.) / F. Walsh (Ed.). New York: The Guilford Press, 2012. Pp. 399–427.
12. Hawley D.R., DeHaan L.G. Toward a definition of family resilience: Integrating life-span and family perspectives // Family Process. 1996. Vol. 35 (3). Pp. 283–298. <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.1996.00283.x>.
13. Makhnach A.V. Medical and social models of orphanhood: Resilience of adopted children and adoptive families // The Routledge International Handbook of Psychosocial Resilience / U. Kumar (Ed.). New York: Routledge, 2017. Pp. 202–213.
14. Лотарева Т.Ю. Влияние стажа работы на жизнеспособность профессионалов социальной сферы // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 99–116. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070407>.
15. Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Институт психологии РАН, 2013.
16. Carroll A.R. Betrayal trauma and resilience in former foster youth // Emerging Adulthood. 2022. Vol. 10 (2). Pp. 459–472. <https://doi.org/10.1177/2167696820933126>.
17. Aslamazova L.A., Muhamedrahimov R.J., Vershinina E.A. Family and child characteristics associated with foster care breakdown. Behavioral Sciences. 2019. Vol. 9. Art. 160. <https://doi.org/10.3390/bs9120160>.
18. Ghate D., Hazel N. Parenting in Poor Environments: Stress, Support and Coping. London: Jessica Kingsley Publishers, 2002.
19. Махнач А.В. Жизнеспособность человека в условиях неопределённости // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 4. С. 131–166. <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.006>.

Family Influence on Shaping Human Resilience

Alexander Valentinovich Makhnach – DSc (Psychology); Chief Researcher, Deputy Director for Research, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.

E-mail: makhnach@ipran.ru

The article presents theoretical and empirical studies of family resilience. The application of ecological theory and systems approach to the study of family resilience phenomena is substantiated. The social model of research is considered as a methodological basis for the emergence of interest in human resilience and, later, family resilience. Data on the study of family psychology in Russia and in the West, the results of the study of the role of the family in the formation of human resilience are provided.

Keywords: family resilience, human resilience, social model, U. Bronfenbrenner's ecological systems theory, systems approach, family psychology, family support

*Психологическое благополучие семьи и психологическая
помощь семье: современное состояние и перспективы*

REFERENCES

1. Bronfenbrenner U. The ecology of human development: experiments by nature and design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.
2. Lomov B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii. M.: Nauka, 1984 (in Russian).
3. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' zameshchayushchei sem'i kak maloi sotsial'noi gruppy: Avtoref. diss. ... d-ra psikhol. nauk. M., 2019 (in Russian).
4. Raner K. Vvedenie v khristianskoe bogoslovie. M.: Bibleisko-bogoslovskii in-t sv. apostola Andrey, 2006 (in Russian).
5. O'Leary V. Strength in the face of adversity: individual and social thriving // Journal of Social Issues. 1998. Vol. 54 (2). Pp. 425–446. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1998.tb01228.x>.
6. Masten A.S., Best K.M., Garmezy N. Resilience and development: contributions from the study of children who overcome adversity // Development and psychopathology. 1990. Vol. 2 (4). Pp. 425–444. <https://doi.org/10.1017/S0954579400005812>.
7. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' kak mezhdistsiplinarnoe ponyatie // Psikhologicheskii zhurnal. 2012. T. 33. № 6. S. 84–98 (in Russian).
8. Hobfoll S.E., Spielberger C.D. Process of family stress: A response to Boss (1992) and Kazak (1992) // Journal of Family Psychology. 1992. Vol. 6 (2). Pp. 125–127. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.6.2.125>.
9. Makhnach A.V. Diagnostika zhiznesposobnosti i resursnosti zameshchayushchikh semei kak uslovie profilaktiki otkazov ot priyomnykh detei // Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda. 2016. T. 1. № 1. S. 227–253 (in Russian).
10. Peleg O., Peleg M. Is resilience the bridge connecting social and family factors to mental wellbeing and life satisfaction? // Contemporary Family Therapy. 2024. <https://doi.org/10.1007/s10591-024-09707-x>.
11. Walsh F. Family resilience: Strengths forged through adversity // Normal family processes: Growing diversity and complexity (4th ed.) / F. Walsh (Ed.). New York: The Guilford Press, 2012. Pp. 399–427.
12. Hawley D.R., DeHaan L.G. Toward a definition of family resilience: Integrating life-span and family perspectives // Family Process. 1996. Vol. 35 (3). Pp. 283–298. <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.1996.00283.x>.
13. Makhnach A.V. Medical and social models of orphanhood: Resilience of adopted children and adoptive families // The Routledge International Handbook of Psychosocial Resilience / U. Kumar (Ed.). New York: Routledge, 2017. Pp. 202–213.
14. Lotareva T.Yu. Vliyaniye stazha raboty na zhiznesposobnost' professionalov sotsial'noi sfery // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2016. T. 7. № 4. S. 99–116. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070407> (in Russian).
15. Makhnach A.V., Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Psikhologicheskaya diagnostika kandidatov v zameshchayushchie roditeli: Prakticheskoe rukovodstvo. M.: Institut psikhologii RAN, 2013 (in Russian).
16. Carroll A.R. Betrayal trauma and resilience in former foster youth // Emerging Adulthood. 2022. Vol. 10 (2). Pp. 459–472. <https://doi.org/10.1177/2167696820933126>.
17. Aslamazova L.A., Muhamedrahimov R.J., Vershinina E.A. Family and child characteristics associated with foster care breakdown. Behavioral Sciences. 2019. Vol. 9. Art. 160. <https://doi.org/10.3390/bs9120160>.
18. Ghate D., Hazel N. Parenting in Poor Environments: Stress, Support and Coping. London: Jessica Kingsley Publishers, 2002.
19. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' cheloveka v usloviyakh neopredelyonnosti // Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda. 2020. T. 5. № 4. S. 131–166. <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.006> (in Russian).

Индекс УДК 3.018.1

Код ГРНТИ 14.39

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-36-46

**Г.Ф. БИКТАГИРОВА,
А.Р. ДРОЗДИКОВА-ЗАРИПОВА,
Р.А. ВАЛЕЕВА***

Педагогическое сопровождение приёмных семей, воспитывающих подростков с высоким уровнем агрессии

Воспитывать приёмных детей, а особенно подростков, всегда сложно. При этом большинство подростков, воспитывающихся в замещающих семьях, довольно часто проявляют тревожность, конфликтность и агрессию. Это приводит к сложным взаимоотношениям с приёмными родителями. Необходимо научиться понимать те изменения в поведении, которые происходят у детей, и выстраивать межличностные отношения. Обе стороны нуждаются в подобном сопровождении, которое помогает правильно делать акценты на сложных проблемах и их решении; оценивать процесс адаптации подростка в семье, переосмысливать роль взрослых в «создаваемой системе семейных отношений».

Целями исследования являются теоретическое обоснование и экспериментальное исследование процесса организации педагогического сопровождения замещающих семей, воспитывающих агрессивных подростков. В статье представлены организация и проведение педагогического сопровождения приёмных семей.

Ключевые слова: агрессивный подросток, агрессивность, агрессивное поведение, педагогическое сопровождение, замещающие семьи, приёмные семьи

* **Биктагирова Гульнара Фердинандовна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ).
E-mail: BikGF@mail.ru

Дроздикова-Зарипова Альбина Рафаиловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Института психологии и образования КФУ.
E-mail: bina1976@rambler.ru

Валеева Роза Алексеевна — доктор педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики Института психологии и образования КФУ, Казанский филиал Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований.
E-mail: valeykin@yandex.ru

Педагогическое сопровождение родителей и детей из замещающих семей – важная и очень сложная проблема. Как указывает Л.В. Токарская, зачастую приёмным родителям приходится заниматься перевоспитанием детей и подростков [2, с. 30]. Они имеют различные, иногда сложные заболевания, эмоциональные нарушения, не умеют строить отношения и т.д. Агрессивность в подростковом возрасте приёмных детей – наиболее частая реакция на любое затруднение. Проблемы необходимости сопровождения приёмных семей поднимали такие учёные, как Л.Н. Большакова, Г.Ф. Биктагирова и Р.А. Валеева, Oswald, Neil & Goldbeck, Г.Н. Пяткина, Т.И. Шульга и др. [3–7]. Важно понимать, что необходим системный, комплексный подход, направленный на активизацию решения основных проблем замещающих семей, на осознание возникшей проблемы и создание условий для её успешного решения.

Исследование педагогического сопровождения замещающих семей, воспитывающих агрессивных подростков, помимо актуальности, имеет большое общественное значение.

Степень разработанности проблемы

Изучение проблем замещающих семей и их сопровождения находится на стадии активной разработки, так как и сам процесс развития замещающих семей проходит этап становления.

Современные научные изыскания отечественных и зарубежных учёных посвящены изучению замещающей семьи как предмета научного исследования: необходимость целенаправленного и систематического сопровождения родителей и подростков из замещающих семей подчёркивают Л.В. Токарская [2], Т.И. Шульга [7], Г.Ф. Биктагирова [8], В.Н. Ослон [9], В. Семья [10] и др.; вопросы адаптации детей и подростков в приёмных семьях и особенности родительского воспитания в замещающих семьях подняты в работах

А.Р. Дроздиковой-Зариповой, Л.А. Чернышовой, M.S.L. Teunissen [11–13].

В последнее десятилетие исследователи указывают на «необходимость переосмысления современного феномена “Замещающая семья” и социально-педагогического процесса в воспитании ребёнка» [14, с. 19–20].

Анализируя научные публикации, мы обратили внимание, что учёные (Kaul & ets; J. Llosada-Gistau и др.) стали больше внимания уделять изучению эмоционального состояния детей и подростков из замещающих семей и социализации их в приёмных семьях [15, 16], роли приёмной семьи в развитии ребёнка, выявлению разноплановых характеристик адаптации приёмных детей и родителей в замещающей семье [17].

Ещё одна важная проблема поднимается в психолого-педагогических исследованиях приёмных семей – мотивация родителей принятия детей в семью. Именно от неё зависит, как выстроится взаимоотношения в замещающих семьях, их эмоциональная составляющая [18]. Говоря о сопровождении приёмных семей, С.М. Белякова отмечает, что «функции замещающей семьи влияют на эмоциональное состояние приёмных детей, особенно их общения и поведения» [19, с. 178].

Теоретики и практики педагогической науки в исследованиях, посвящённых приёмным семьям, уделяют большое внимание эмоциональным проявлениям подростков, их поведению с момента вхождения в приёмную семью.

Н.И. Салькова и др. в своём исследовании выделяют следующие отличительные особенности приёмных детей и подростков: «повышенная агрессивность, сверхчувствительность, капризность, упрямство, враждебность, нетерпеливость, часто проявляющиеся невротические тенденции, трудность в общении, признаки психического напряжения» [20, с. 422].

Агрессия в подростковом возрасте – одно из ярких проявлений протеста, неприятия, внутреннего дискомфорта. Подросток, чаще всего находившийся в уч-

реждениях государственного попечения, попав в приёмную семью, через агрессию выплёскивает многие свои проблемы.

По мнению М.В. Виноградовой, основные причины проявления агрессивности подростков из приёмных семей зависят от видов агрессивности (защитная, деструктивная, демонстративная) и проявляются в различных поведенческих реакциях (защита от внешнего мира, стремление быть главным, привлечь внимание, выйти из-под опеки социального окружения, месть и т.д.) [21].

Белорусский исследователь И.В. Стишенко отмечает, что важно изучать и корректировать «негативные проявления в эмоциональной и поведенческой сферах» приёмных детей. Им подробно раскрывается сказкотерапия как фактор снижения агрессивности у подростков из замещающих семей [22, с. 118].

В целом, несмотря на довольно большой объём научных исследований по замещающим семьям и утверждение о необходимости их сопровождения, вопросы педагогического сопровождения приёмных семей, воспитывающих агрессивных подростков, не нашли достаточного освещения.

Педагогическое сопровождение помогает правильно расставлять акценты на сложных проблемах и их решении; оценивать процесс адаптации подростка в семье, его реакцию на новые взаимоотношения; переосмысливать роль взрослых в «создаваемой системе семейных отношений».

С учётом вышесказанного целями исследования являются теоретическое обоснование и экспериментальное исследование процесса организации педагогического сопровождения приёмных семей, воспитывающих подростков с высоким уровнем агрессии.

Методы и методики исследования

В процессе проведения исследования был использован комплекс взаимодополняющих методов:

- 1) теоретические (изучение психолого-педагогической литературы; системный анализ и обобщение педагогического опыта и организации педагогической деятельности социальных педагогов Центра подготовки и сопровождения замещающих семей Казани и др.);
- 2) эмпирические (педагогический эксперимент, опросные методы, анкетирование, наблюдение, тестирование);
- 3) методы обработки данных (количественный и качественный анализ).

В исследовании были использованы следующие методики.

Для подростков:

- опросник агрессивности Басса—Дарки (англ. Buss – Durkee Hostility Inventory, сокр. BDHI), предназначенный для выявления уровня агрессивности подростков;
- проективная методика «Несуществующее животное», направленная на диагностирование эмоциональных особенностей личности, агрессивности, сферы общения (М.З. Дукаревич);
- «Личностная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина, П.А. Ковалева.

Для родителей:

- PARI (parental attitude research instrument) Е.С. Шеффера и Р.К. Белла, адаптирована Т.В. Нещерет, в модификации Т.В. Архиреевой (1990);
- опросник «Стратегии семейного воспитания» С. Степанова.

Экспериментальная база исследования

Опытно-экспериментальная работа осуществлялась на базе ГБУ «Центр содействия семейному устройству детей, оставшихся без попечения родителей, подготовки и сопровождения замещающих семей г. Казани». Всего в исследовании приняли участие 30 подростков, из них 16 девочек и 14 мальчиков (возраст детей – 12–14 лет), а также 48 родителей.

Этапы эксперимента

Эксперимент педагогического сопровождения приёмных семей, воспитывающих

подростков с высоким уровнем агрессии, проводился параллельно с приёмными родителями и подростками в три этапа:

- 1) *на этапе констатации* определялись стратегии исследования, осуществлялся выбор методик и выявлялись исходные значения исследуемых (уровень агрессии подростков и их приёмных родителей);
- 2) *на формирующем этапе* эксперимента была апробирована программа педагогического сопровождения замещающих семей «Поможем друг другу», в рамках которой шла параллельная работа;
- 3) *на контрольном этапе* эксперимента выявлялась динамика изменений значений показателей. Для этого определялись значения исследуемых показателей подростков по тем же выбранным методикам, что и на констатирующем этапе. В результате качественного и количественного анализа сделаны выводы об эффективности проведённого эксперимента. Оценка достоверности различий экспериментальных данных проводилась с помощью Т-критерия Вилкоксона.

Проведение теоретического и эмпирического исследований по данной проблеме, а также практический опыт позволили определить, что целью педагогического сопровождения замещающей семьи является адекватная и максимально успешная помощь в решении педагогических проблем семьи, связанных с приёмным подростком и установлением гармоничных отношений между членами семьи.

Программа была разработана и апробирована в течение шести месяцев, она включала параллельные и совместные занятия с вариативными методами, приёмами и формами работы с подростками и приёмными родителями, а также индивидуальным, адресным сопровождением семей, направленными:

- 1) на снижение агрессии подростков (прежде всего, они были концентрированы на научение умениям контролировать и справляться с различными видами агрессии и их проявлениями);

- 2) на психолого-педагогическое просвещение приёмных родителей и укрепление детско-родительских отношений.

Разработанная и обоснованная программа педагогического сопровождения замещающих семей с агрессивными подростками «Поможем друг другу» позволяет:

- во-первых, раскрыть основные проблемы родителей и агрессивных подростков из замещающих семей и пути их решения;
- во-вторых, свидетельствует об эффективности данной работы с целью снижения агрессивности подростков, укрепления и гармонизации детско-родительских отношений в замещающих семьях.

В рамках этой программы подростки должны были обучиться:

- а) осознанию нерезультативности агрессивного поведения в различных ситуациях и переходу на конструктивное поведение;
- б) пониманию переживания, состояния и интересов своих и других людей;
- в) продуцированию умений контролировать и управлять своими эмоциями и сдерживать агрессивные реакции;
- г) формированию навыков конструктивного разрешения проблем при взаимоотношении со взрослыми и ровесниками.

Организованное психолого-педагогическое просвещение родителей помогало им получить информацию о том:

- а) почему подростки проявляют агрессию, попадая в приёмную семью, и каковы особенности проявления этой агрессии у подростков;
- б) как овладеть первоначальными навыками психолого-педагогической профилактики и снижения агрессии у подростков и у самих родителей;
- в) как сформировать положительную благоприятную атмосферу в семье и снизить влияние причин, которые способствуют агрессивному поведению;
- г) как повысить значимость роли родителей и укрепить уверенность в «выполняемой миссии» воспитательной деятельности родителей.

Таблица 1

**Показатели агрессивности подростков из замещающих семей
на констатирующем и контрольном этапах эксперимента**

Типы агрессии	Констатирующий этап	Контрольный этап
Физическая агрессия*	4,7	3,2
Косвенная агрессия	3,8	3,3
Раздражение	4,2	2,9
Негативизм*	2,6	1,2
Обида	3,6	2,7
Подозрительность**	4,5	1,6
Вербальная агрессия**	5,1	3,2
Чувство вины	4,4	3,7
Индекс агрессивности	13,9	10,6

Примечания: * – различия при $p \leq 0,05$. ** – различия при $p \leq 0,01$.

Таблица 2

**Показатели личностной агрессивности и конфликтности подростков
из замещающих семей на констатирующем и контрольном этапах эксперимента (в%)**

Содержательные характеристики «Я»	Констатирующий этап	Контрольный этап
Склонность к вспыльчивости*	13,7	12,1
Склонность к наступательности, напористости	10,4	9,7
Склонность к обидчивости	10,6	10,1
Склонность к неуступчивости*	12,8	11,4
Склонность к бескомпромиссности	10,8	9,8
Склонность к мстительности*	9,1	8,2
Склонность к нетерпимости к мнению других*	7,8	7,2
Склонность к подозрительности	8,3	7,7

Примечание: * – различия при $p \leq 0,05$.

Авторская программа включала беседы, упражнения, ролевые игры, тренинговые и дыхательные упражнения, арт-терапевтические приёмы (сказкотерапию, изотерапию и др.);

Программа осуществлялась в течение 6 месяцев. Занятия для подростков включали две встречи в неделю (с группой детей из 6–7 человек). Время, затрачиваемое на одно занятие, – 40 минут. Занятия с родителями проходили два раза в месяц. Параллельно с групповыми занятиями проводились и индивидуальные. Консультативные занятия проходили в период осуществления программы и по мере необходимости после её завершения.

Результаты показателей по методике «Опросник агрессивности А. Басса и А. Дарки», полученные на констатирующем и контрольном этапах эксперимента, представлены в табл. 1.

На констатирующем этапе подростки, участвующие в эксперименте, проявляли различные признаки и типы агрессии (физическая, вербальная агрессии, явная подозрительность, враждебность к окружающим, присутствие чувств вины, обиды, раздражительность, что как раз и проявляется в импульсивных действиях и негативных чувствах, а, следовательно, может привести и к асоциальному поведению.

На контрольном этапе отмечена тенденция к позитивным изменениям по всем показателям, статистически подтверждены значимые различия по шкалам «Физическая агрессивность» и «Негативизм» на уровне при $p \leq 0,05$; по шкалам «Подозрительность» и «Вербальная агрессия» различия при $p \leq 0,01$.

Проявления выраженности агрессивных и конфликтных реакций у подростков мы исследовали с помощью методики «Личностная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина, П.А. Ковалёва (результаты представлены в табл. 2).

Таким образом, как видно из таблицы, на этапе констатирования у подростков из замещающих семей агрессивность и конфликтность в большей мере проявляются в склонности к вспыльчивости, неуступчивости; в меньшей степени проявляются в склонности к нетерпимости к мнению других и подозрительности. После проведённого формирующего этапа данные показатели снизились, особенно это проявилось в склонности к вспыльчивости (с 13,7 до 12,1%) и неуступчивости (с 12,8 до 11,4%), различия подтверждены при уровне $p \leq 0,05$.

При обработке результатов методики «Несуществующее животное» во многих работах были выявлены конфликтность и агрессивность, выражающиеся через сверхсильный нажим. В некоторых случаях нажим был настолько сильным, что при рисовании рвался лист бумаги. На рисунках часто встречаются изображения, обозначающие вербальную агрессию (клыки, рога, шипы, раны, шрамы, оружие, болота, грязь). На некоторых рисунках несуществующие животные питаются эмоционально неприятной пищей (червяками, тараканами и т.п.), органами живых существ (кровью, желудком, мозгом и т.п.) и даже людьми, обозначающими негативизм, агрессивность. На контрольном этапе на рисунках несуществующих животных также присутствовали агрессивные животные, но нажим не был столь сильным, негативизм проявлялся не столь

Таблица 3

Показатели по методике «Несуществующее животное» на констатирующем и контрольном этапах эксперимента (в %)

Типы агрессии	На констатирующем этапе	На контрольном этапе
Негативизм	82	68
Вербальная агрессия	58	39

явно, но клыки, шипы на животных остались (результаты представлены в табл. 3).

Так как агрессия подростков проявляется в основном в эмоциональной и поведенческой сфере, нам важно было выявить эмоциональные отношения подростков с приёмными родителями и те стратегии семейного воспитания, которых они придерживаются. Для выстраивания педагогического сопровождения приёмных родителей важно выявить, проявляют ли они оптимальный эмоциональный контакт с детьми.

Вопросы, касающиеся детско-родительских отношений, мы рассмотрели согласно методике PARI Е.С. Шеффера и Р.К. Белла, результаты которой представлены в табл. 4.

В таблице представлены средние показатели. Показатели по всем шкалам у родителей в норме, нет патологических уровней, что свидетельствует о том, что родители готовы и могут положительно повлиять на снижение агрессивности подростков при целенаправленной работе.

Исследование детско-родительских отношений было проведено с помощью опросника «Стратегии семейного воспитания» С. Степанова. Оно было проведено для уточнения стилей семейного воспитания, преобладающего в замещающих семьях (результаты представлены в табл. 5).

На констатирующем этапе авторитетный стиль воспитания был только у 60% родителей; либеральный стиль — у 9,6%, а авторитарный — у 30,4% (притом что именно у подростков из этих семей были более высокие показатели вспыльчивости, неуступчивости и т.д. на констатирующем этапе. Но выявление взаимосвязи не было целью нашего исследования). На контрольном

Результаты по методике PARI

Таблица 4

Шкалы	Средние показатели
Ограниченность интересов женщины рамками семьи, заботами исключительно о семье	13,2
Ощущение самопожертвования в роли матери	11,4
Семейные конфликты	11,6
Сверхавторитет родителей	10,8
Неудовлетворённость ролью хозяйки дома	10,8
«Безучастность» мужа, его невключённость в дела семьи	12,1
Доминирование матери	12,8
Зависимость и несамостоятельность матери	10,3
Побуждение словесных проявлений, вербализация	12,1
Партнёрские отношения	11,1
Развитие активности ребёнка	10,8
Уравнительные отношения между родителями и ребёнком	12,6
Раздражительность, вспыльчивость	13,5
Суровость, излишняя строгость	13,7
Чрезмерная забота	12,9
Преодоление сопротивления, подавление воли	11,2
Уклонение от контакта с ребёнком	11,8
Преодоление сопротивления, подавление воли	10,9
Создание безопасности, опасение обидеть	13,1
Исключение внесемейных влияний	12,2
Подавление агрессивности	13,7
Подавление сексуальности	12,9
Чрезмерное вмешательство в мир ребёнка	14,7
Стремление ускорить развитие ребёнка	13,5

ном этапе авторитетные стратегии стали преобладать у 85% семей, авторитарные снизились до 15%.

Дискуссионные вопросы

Изучение научной литературы психолого-педагогического характера, обобщение педагогического опыта работы с агрессивными подростками и их приёмными родителями ставят перед исследователями несколько проблемных вопросов.

Результаты 1-го этапа нашего эксперимента свидетельствуют о том, что подростки, воспитывающиеся в приёмных

семьях, склонны к проявлениям агрессивности в эмоциональной и поведенческих сферах. Подростки, находясь в приёмной семье, проявляют «негативные личностные изменения», «приводящие к неконструктивным формам поведения» [22, с. 118]. Очень часто агрессивность проявляется в отношении взрослых. Поэтому важно выстраивать педагогическое сопровождение подростков и их приёмных родителей одновременно, с учётом именно тех проявлений агрессии и того, по отношению к чему или к кому они проявляются. Приёмным родителям необходимо быть более психолого-педагогически компетентными в проблемах именно агрессивных детей, перестраивать своё отношение к проблеме с учётом трудностей и особенностей приёмных подростков.

В ходе исследования и работы с приёмными родителями были выявлены трудности, с которыми они встретились:

а) несмотря на то, что родители обучаются в «школе приёмных родителей», при общении с агрессивными подростками у них проявляется недостаточный уровень психолого-педагогической компетентности;

б) не только у подростков, но и у родителей выявляются эмоциональные проблемы, связанные с тревожностью, перегрузкой, иногда депрессивностью, что приводит к заниженным или завышенным требованиям к себе и детям, не всегда адекватной реакции на их поведение и др.

Разрабатывая программу, мы попытались учесть и эти трудности. Но наибольший эффект от работы был получен при сочетании проводимых занятий с подростками и родителями вместе и индивидуально.

Таблица 5

Стратегии семейного воспитания до и после эксперимента

Стратегии семейного воспитания	Констатирующий этап	Контрольный этап
Авторитарный	30,4	15
Авторитетный	60	85
Либеральный	9,6	—
Индиферентный	—	—

По данным показателей контрольного этапа наметились положительные сдвиги как у приёмных подростков, так и у родителей, что подтверждено методами математической статистики. Тем не менее работа должна быть продолжена, а каждая семья требует постоянной консультативной помощи и в дальнейшем.

Таким образом, при педагогическом сопровождении важно своевременно диагностировать многообразные проблемы и причины проявления агрессии у подростков при выстраивании взаимоотношений с приёмными родителями; необходимы оказание адресной помощи и разработка вариативных индивидуальных траекторий семей, а также совместной и параллельной работы с подростками и родителями.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о необходимости систематической и целенаправленной организации процесса педагогического сопровождения приёмных семей, воспитывающих подростков с высоким уровнем агрессии.

Разработанная и обоснованная программа педагогического сопровождения замещающих семей с агрессивными подростками позволяет:

- во-первых, раскрыть основные проблемы родителей и агрессивных подростков из замещающих семей и пути их решения;
- во-вторых, свидетельствует об эффективности данной работы с целью снижения агрессии у подростков и укрепления, гармонизации детско-родительских отношений в замещающих семьях.

При педагогическом сопровождении приёмных семей, воспитывающих подростков с высоким уровнем агрессии, рекомендуется выстраивать деятельность в нескольких направлениях (индивидуальном, параллельном и совместном). Задача педагогов – сформировать благоприятный психологический климат в семье посредством профилактики агрессивности у самих замещающих родителей и снижения агрессии у подростков; обучить их методам снижения агрессии, повышения педагогической компетентности родителей в вопросах проявления агрессивного поведения; минимизировать влияние факторов, способствующих проявлениям агрессии и деструктивного поведения.

Также необходимо повышать социальную значимость воспитательной деятельности приёмных семей и поддерживать их на протяжении всего времени воспитания приёмных детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаврентьева З.И. Приёмная семья как социально-педагогический феномен. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014.
2. Токарская Л.В. Социальное и психолого-педагогическое сопровождение приёмных детей и их семей: Учебное пособие. М.; Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015.

3. Большакова Л.Н. Социально-психологическая адаптация родителей и детей в приёмной семье: Автореф. дис. ... канд. психол. наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2004.
4. Biktagirova G.F., Valeeva R.A. Study of family values of adolescents from families with many children formation // Mathematics Education. 2016. 11 (6). Pp. 1919–1926.
5. Oswald S.H., Heil K., Goldbeck L. History of Maltreatment and Mental Health Problems in Foster Children // A Review of the Literature Journal of Pediatric Psychology. 35 (5). Pp. 462–472. DOI:10.1093/jpepsy/jsp114.
6. Пяткина Г.Н. Педагогическое сопровождение социализации детей-сирот в приёмной семье: Автореф. дис. ... канд. пед. наук, Томский государственный педагогический университет. Томск, 2011.
7. Шульга Т.И., Антипина М.А. Эмоциональная среда замещающей семьи, принявшей на воспитание подростков, оставшихся без попечения родителей // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 5. С. 51–66. DOI: 10.17759/pse.2018230506.
8. Biktagirova G.F. Foster Family in Russia: Historical Background and Present Day Situation // Procedia: Social and Behavioral Sciences, 2015. 191. Pp. 1143–1147. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.04.712.
9. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006.
10. Семья Г.В. Основы психологической защиты детей, оставшихся без попечения родителей: Автореф. дис. ... докт. психол. наук, Московский педагогический государственный университет. М., 2004.
11. Дроздикова-Зарипова А.Р., Латыпов Н.Р., Соколова Н.Л., Хусаинова Р.Р. Позитивная Я-концепция подростков, воспитывающихся в приёмных семьях: условия формирования // Перспективы науки и образования. 2023. № 3 (63). С. 506–520. DOI: 10.32744/pse.2023.3.30.
12. Чернышова Л.А. Социально-психологическая адаптация ребёнка в приёмной семье и психокоррекционная помощь приёмным семьям: Дис. ... канд. психол. наук, Самарский государственный педагогический университет. Самара, 2004.
13. Teunissen M.S.L., Goemans A., van Holen F., Damen H., Vedder P.H. (2021) Family Reunification Decision-Making in Dutch Family Foster Care: A Dual Perspective Approach // Child and Youth Care Forum. 2021. 50 (2). Pp. 199–228.
14. Карташев Н.В. Социально-педагогическое сопровождение современной приёмной семьи в воспитании ребёнка // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. 2012. № 2. С. 19–21.
15. Kaul K., Konantambigi R., Anant S. Child temperament and emotion socialization by parents and its influence on emotion regulation by children // Journal of Indian Association for Child and Adolescent Mental Health. 2019. 15 (2). С. 13–33.
16. Llosada-Gistau J., Casas F., Montserrat C. The subjective well-being of children in kinship // Psicothema. 2019. 31 (2). Pp. 149–155.
17. Миневич О.К. Социально-психологические условия адаптации детей в приёмных семьях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2009.
18. Палиева Н.А., Савченко В.В., Соломатина Г.Н. Мотивация принятия приёмного ребёнка в замещающую семью. (<https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-prinyatiya-priemnogo-rebenka-v-zameschayuschuyu-semyu> (дата обращения: 17.07.2024).
19. Белякова С.М. Анализ проблем замещающих семей: направления комплексного социально-психолого-педагогического сопровождения замещающих семей по результатам мониторинга. Апробация и применение профессиональных стандартов социальной сферы: реализация моделей межведомственного взаимодействия. М., ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. С. 177–180.
20. Салькова Н.И., Водопьянова Л.Н., Климова И.В. Психоэмоциональные особенности развития личности ребёнка в условиях детского дома // Психологические проблемы современной российской семьи: Тезисы конференции. М.: Изд-во МППГУ, 1984. С. 413–423.

21. Виноградова Н.В. Особенности агрессивного поведения детей-сирот и методы психологической коррекции агрессии. <https://Cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-agressivnogo-povedeniya-detey-sirot-i-metody-psihologicheskoy-korreksii-agressii> (дата обращения: 13.07.2024).
22. Стишенок И.В. Снижение уровня агрессивности и тревожности приёмных детей подросткового возраста методом сказкотерапии // E-journal «Clinical Psychology and Special Education». 2016. 5 (1). С. 1–18. DOI: 10.17759/psyclin.2016050101.

Pedagogical Support for Foster Families Raising Adolescents with High Levels of Aggression

Gulnara Ferdinandovna Biktagirova – PhD (Education); Associate Professor, Education Department, Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University (KFU).

E-mail: BikGF@mail.ru

Albina Rafailovna Drozdikova-Zaripova – PhD (Education); Associate Professor, Education Department, Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University (KFU).

E-mail: bina1976@rambler.ru

Roza Alexeyevna Valeyeva – DSc (Education); Head of the Education Department, Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University, Kazan Branch of the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research.

E-mail: valeykin@yandex.ru

Raising foster children, and especially adolescents, is always difficult. At the same time, the majority of adolescents raised in foster families quite often show anxiety, conflict and aggression. This leads to difficult relationships with foster parents. Therefore, it is necessary to learn to understand the behavioral changes that occur in children and to build interpersonal relationships. Both parties need such support, which helps to focus correctly on complex problems and their solutions; to evaluate the process of adaptation of the adolescent in the family, rethinking the role of adults to the new “created system of family relations”.

The aim of the research is theoretical substantiation and experimental study of the process of organization of pedagogical support to substitute families raising aggressive adolescents. The article presents the organization and implementation of this pedagogical support of foster families.

Keywords: aggressive teenagers, aggressiveness, aggressive behavior, pedagogical support, substitute families, foster families

REFERENCES

1. Lavrent'eva Z.I. Priyomnaya sem'ya kak sotsial'no-pedagogicheskii fenomen. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2014 (in Russian).
2. Tokarskaya L.V. Sotsial'noe i psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie priyomnykh detei i ikh semei: Uchebnoe posobie. M.; Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2015 (in Russian).
3. Bol'shakova L.N. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya roditeli i detei v priyomnoi sem'e: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk, Yaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K.D. Ushinskogo. Yaroslavl', 2004 (in Russian).
4. Biktagirova G.F., Valeeva R.A. Study of family values of adolescents from families with many children formation // Mathematics Education. 2016. 11 (6). Pp. 1919–1926.

5. Oswald S.H., Heil K., Goldbeck L. History of Maltreatment and Mental Health Problems in Foster Children // A Review of the Literature Journal of Pediatric Psychology. 35 (5). Pp. 462–472. DOI:10.1093/jpepsy/jsp114.
6. Pyatkina G.N. Pedagogicheskoe soprovozhdenie sotsializatsii detei-sirot v priyomnoi sem'e: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk, Tomskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Tomsk, 2011 (in Russian).
7. Shul'ga T.I., Antipina M.A. Emotsional'naya sreda zameshchayushchei sem'i, prinyavshei na vospitanie podrostkov, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2018. T. 23. № 5. S. 51–66. DOI: 10.17759/pse.2018230506 (in Russian).
8. Biktagirova G.F. Foster Family in Russia: Historical Background and Present Day Situation // Procedia: Social and Behavioral Sciences, 2015. 191. Pp. 1143–1147. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.04.712.
9. Oslon V.N. Zhizneustroistvo detei-sirot: professional'naya zameshchayushchaya sem'ya. M.: Genезis, 2006 (in Russian).
10. Sem'ya G.V. Osnovy psikhologicheskoi zashchity detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei: Avtoref. dis. ... dokt. psikholog. nauk, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet. M., 2004 (in Russian).
11. Drozdikova-Zaripova A.R., Latypov N.R., Sokolova N.L., Khusainova R.R. Pozitivnaya Ya-kontsepsiya podrostkov, vospityvayushchikhsya v priyomnykh sem'yakh: usloviya formirovaniya // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2023. № 3 (63). S. 506–520. DOI: 10.32744/pse.2023.3.30 (in Russian).
12. Chernyshova L.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya rebyonka v priyomnoi sem'e i psikhokorreksionnaya pomoshch' priyomnym sem'yam: Dis. ... kand. psikholog. nauk, Samarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Samara, 2004.
13. Teunissen M.S.L., Goemans A., van Holen F., Damen H., Vedder P.H. (2021) Family Reunification Decision-Making in Dutch Family Foster Care: A Dual Perspective Approach // Child and Youth Care Forum. 2021. 50 (2). Pp. 199–228.
14. Kartashev N.V. Sotsial'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie sovremennoi priyomnoi sem'i v vospitanii rebyonka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta. 2012. № 2. S. 19–21 (in Russian).
15. Kaul K., Konantambigi R., Anant S. Child temperament and emotion socialization by parents and its influence on emotion regulation by children // Journal of Indian Association for Child and Adolescent Mental Health. 2019. 15 (2). S. 13–33.
16. Llosada-Gistau J., Casas F., Montserrat C. The subjective well-being of children in kinship // Psicothema. 2019. 31 (2). Pp. 149–155.
17. Minevich O.K. Sotsial'no-psikhologicheskie usloviya adaptatsii detei v priyomnykh sem'yakh: Avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk. Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G.R. Derzhavina. Tambov, 2009 (in Russian).
18. Palieva N.A., Savchenko V.V., Solomatina G.N. Motivatsiya prinyatiya priyomnogo rebyonka v zameshchayushchuyu sem'yu. (<https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-prinyatiya-priyomnogo-rebenkav-zameschayuschuyu-semyu>) (data obrashcheniya: 17.07.2024) (in Russian).
19. Belyakova S.M. Analiz problem zameshchayushchikh semei: napravleniya kompleksnogo sotsial'no-psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya zameshchayushchikh semei po rezul'tatam monitoringa. Aprobatsiya i primenenie professional'nykh standartov sotsial'noi sfery: realizatsiya modelei mezhdovedomstvennogo vzaimodeistviya. M., FGBOU VO MGPPU, 2017. S. 177–180 (in Russian).
20. Sal'kova N.I., Vodop'yanova L.N., Klimova I.V. Psikhooemotsional'nye osobennosti razvitiya lichnosti rebyonka v usloviyakh detskogo doma // Psikhologicheskie problemy sovremennoi rossiiskoi sem'i: Tezisy konferentsii. M.: Izd-vo MPPGU, 1984. S. 413–423 (in Russian).
21. Vinogradova N.V. Osobennosti agressivnogo povedeniya detei-sirot i metody psikhologicheskoi korrektsii agressii. <https://Cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-agressivnogo-povedeniya-detey-sirot-i-metody-psihologicheskoy-korrektsii-agressii> (data obrashcheniya: 13.07.2024) (in Russian).
22. Stishenok I.V. Snizhenie urovnya agressivnosti i trevozhnosti priyomnykh detei podrostkovogo vozrasta metodom skazkoterapii // E-journal «Clinical Psychology and Special Education». 2016. 5 (1). S. 1–18. DOI: 10.17759/psyclin.2016050101 (in Russian).

Индекс УДК 316.6

Код ГРНТИ 15.81.65

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-47-58

**Т.Н. САХАРОВА,
Н.А. ЦВЕТКОВА***

Многодетные семьи: особенности межличностного общения супругов и способов совладания с супружескими конфликтами

В статье представлены результаты изучения особенностей супружеского общения у многодетных супругов по сравнению с однодетными. Установлено, что в многодетных семьях уровень взаимного понимания в общении выше, чем у супругов в однодетных семьях. Конфликтная компетентность, понимаемая как преимущественный выбор адаптивных стратегий в супружеском конфликте, выше у многодетных супругов. У них лучше, чем у однодетных супругов, развиты формы поведения, направленные на анализ возникших трудностей, повышение самооценки и самоконтроля, сохранение или быстрое восстановление эмоциональной близости. Показано, что самой частой причиной супружеских конфликтов в однодетных семьях становится материальная составляющая, а в многодетных семьях – разногласия в воспитании детей и ведении быта. И в однодетных, и в многодетных семьях лидирующие позиции среди супружеских конфликтов занимает «дефицит внимания со стороны мужа/жены», что указывает на высокую значимость «психотерапевтической» функции семьи, обеспечивающей эмоциональную поддержку супругами друг друга.

Ключевые слова: многодетность, супружеское общение, копинг-стратегия, когнитивный копинг, эмоциональный копинг, поведенческий копинг

Демографический спад, вызванный многими факторами, но прежде всего низкой рождаемостью, поставил задачу увеличения количества многодетных семей в ряд задач государственной важности. Согласно Указу Президента Российской Федерации «О мерах

социальной поддержки многодетных семей» [1], многодетным семьям гарантируется финансовая поддержка в виде выплаты различных государственных пособий, предоставляются жилищные и другие льготы, обеспечивается поддержка в сфере трудовых отношений.

* **Сахарова Татьяна Николаевна** — кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии развития личности, директор Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета (МПГУ).

E-mail: sakharova@mail.ru

Цветкова Наталья Афанасьевна — кандидат психологических наук, руководитель Психологической службы МПГУ.

E-mail: na.tsvetkova@mpgu.su

Изучение многодетных семей показало, что они чаще других семей сталкиваются с рядом социально-экономических проблем, таких как ограниченность материальных ресурсов, неудовлетворительное качество жилищных условий, бытовые трудности, невозможность обеспечить всем членам семьи качественное медицинское обслуживание и отдых [2].

Нередки в многодетных семьях и проблемы психолого-педагогического характера: нехватка у супругов ресурсов времени, эмоциональной энергии, опыта, отсутствие знаний, умений и навыков для выбора педагогических стратегий воспитания детей разного возраста, хроническая усталость, эмоциональное выгорание, эпизоды депрессии и психической неустойчивости.

Многодетные семьи зачастую нуждаются в консультативной психологической помощи для решения проблем как в супружеской, так и в детско-родительской подсистемах семейной системы. Чтобы такая помощь была оказана максимально эффективно, семейные психологи должны быть вооружены знаниями о психологических особенностях многодетных семей.

Цель проведенного нами эмпирического исследования – восполнить дефицит информации о важнейших компонентах супружеского взаимодействия в многодетных семьях: о характеристиках межличностного общения супругов и способах совладания с супружескими конфликтами.

Супружеская диада – базовый элемент семейной структуры. Именно качество супружеского общения и умение использовать конструктивные стратегии решения конфликтов в значительной степени определяют стабильность брака и уровень функциональности семьи во всех аспектах её жизнедеятельности [3]. Однако если этим проблемам в малодетных семьях посвящено большое число исследований, то многодетные семьи изучаются в основном с точки зрения особенностей воспитания детей, а изучению супружества в та-

ких семьях уделяется явно недостаточно внимания.

Обзор литературы

Многочисленность исследований последних лет свидетельствует о росте интереса к изучению многодетных семей. Прежде всего и наиболее тщательно до сих пор изучались мотивы многодетности. С этой точки зрения принято выделять четыре типа семей [4]:

- семьи, в которых рождение трёх и более детей является сознательным выбором супругов, поскольку дети для них – важнейшая жизненная ценность, и забота о них, обеспечение условий для их полноценного гармоничного развития рассматривается супругами как основная смысло-жизненная ориентация, при этом к созданию многодетной семьи готовы оба супруга;
- семьи, ставшие многодетными незапланированно (например, после рождения первого ребёнка родилась двойня, нежеланная беременность была сохранена из страха перед последствиями аборта или из религиозных убеждений);
- семьи, объединившие детей от прежних браков супругов;
- семьи, в которых рождение детей мотивировано возможностью получения родителями пособий и льгот; у таких пар дети зачастую появляются на свет в результате пренебрежения средствами контрацепции, наличия у женщины внебрачных связей, секса в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; такие супруги, как правило, не принимают на себя ответственность за воспитание детей, полностью делегируя эту ответственность государству и его социальным институтам.

При отсутствии у супругов осознанной, согласованной друг с другом мотивации на многодетность велика вероятность того, что многодетность будет восприниматься как непростительная ошибка или как непомерная нагрузка (второй и третий типы семьи из указанных выше), что будет при-

водить к проблемам в супружестве и родительстве. Иначе говоря, уровень осознанности мотивации многодетного родительства может быть предиктором уровня семейного благополучия.

Недавние социолого-демографические исследования показали, что в настоящее время большинство многодетных супругов делают выбор в пользу многодетности *осознанно* и репродуктивную сферу жизни регулируют своими желаниями, не оставляя места случайным обстоятельствам.

Разные авторы выделяют разные факторы, обуславливающие *сознательную многодетность*.

А.И. Антонов, В.А. Борисов считают «основным мотивом репродуктивного поведения у сознательно многодетных родителей потребность в детях, определяемую как неотъемлемое психологическое свойство человека, представляющее собой социально-обусловленное стремление индивида обзаводиться таким количеством детей в семье, которое принято и одобряется в обществе (в большой или малой социальной группе, с которой идентифицирует себя индивид)» [5, с. 34].

О.В. Устинова, И.В. Пивоварова установили, что среди мотивов сознательной многодетности важными являются как экономические мотивы (в многодетной семье выше гарантия получить от детей материальную, финансовую и психологическую поддержку в старости; кроме того, высока вероятность улучшения жилищных условий семьи при рождении третьего и следующих детей), так и психологические мотивы (научить старших детей заботиться о братьях и сестрах, воспитать хороших людей; желание иметь мальчика или девочку, если старшие дети другого пола или одного пола) [6]. В один ряд с уже указанными причинами вписывается и убеждение, что «... неродившийся младший мог бы, появившись на свет, преподать старшему такие уроки, какие не в состоянии преподать никакой учитель».

А.А. Ибрагимова, С.Н. Испулова связывают мотивацию осознанной многодет-

ности с «наличием хороших жилищных условий, высоким уровнем материального дохода и качеством отношений внутри семьи; наличием поддержки со стороны старших членов семьи и близких родственников» [7].

Е. Симанкова считает, что «многодетность может быть результатом «социального заражения» вследствие общения с другими многодетными семьями» [8].

И.Н. Бухтиярова, Т.Н. Грудина выделяют роль религиозных традиций в системе мотивационных установок многодетности [9]. Подтверждением являются статистические данные. Например, доля многодетных домохозяйств в общем числе имеющих в республике Ингушетия составляет 53,4%, а в городе Санкт-Петербурге – всего 1% [10].

Ф.О. Семёнова, А.В. Боваева указывают на важность наличия «положительных, устойчивых отношений между супругами, продолжительного брака и удовлетворённости семейными отношениями» [11].

Таким образом, репродуктивные мотивы, обуславливающие осознанную многодетность, имеют экономические, социальные, психологические предпосылки и зависят от сформировавшихся в обществе семейных, демографических, религиозных традиций и ценностей.

И.С. Дёмина в своём исследовании отмечает, что «специфика отношения к семье у многодетных родителей по сравнению с малодетными состоит в следующем. Во-первых, у многодетных родителей, независимо от их пола, существуют особенности в ряде отношений к репродуктивной сфере. Они проявляются в установках на большое число детей, оценке возможности полноценного обучения и воспитания детей независимо от их числа. Во-вторых, у многодетных родителей существуют особенности отношения к семье, зависящие от их пола. У матерей они проявляются в отношении к репродуктивной сфере: высокой оценке возможности рождения детей при неблагоприятных условиях жизни, ориентации на религиозные нормы рождаемости. У отцов – в от-

ношении к родительско-воспитательной, интимно-сексуальной сферам и внешней привлекательности родителей: высокой оценке значимости родительской роли, ориентации на ускоренное развитие детей, низких ориентациях на свою внешнюю привлекательность и значимость сексуальной сферы» [12].

С точки зрения психологических характеристик многодетные семьи демонстрируют как исключительно положительные характеристики, благотворно влияющие на развитие всей семьи и каждого её члена в отдельности, так и негативные, порождающие проблемы в настоящем и будущем у супругов и у детей — выходцев из многодетных семей.

С одной стороны, многодетная семья, предоставляя своим членам возможность интенсивного ежедневного общения в разновозрастной и разнополой среде, снижает вероятность формирования таких качеств, как эгоизм, леность, конфликтность, закрытость. Разнообразие характеров, интересов и потребностей является благотворной почвой для личностного развития детей и взрослых и создания психологически благоприятного климата.

С другой стороны, практически все многодетные семьи сталкиваются со многими психологическими проблемами, поскольку вместо семейной атмосферы с позитивным знаком — атмосферы сотрудничества, общности и любви — в семье может сложиться семейная атмосфера с отрицательным знаком — атмосфера нервозности, перенапряжения, соперничества и отчуждения [13].

Проявляться такая атмосфера может по-разному. Так, проведённое нами исследование на выборке из 218 проживающих в Москве женщин возраста 35±5 лет, 114 из которых выросли в многодетных семьях, показало, что «большинство выросших в многодетных семьях женщин (70,2%) подвергались в детстве физическим наказаниям, и они стремятся не повторять в своих собственных семьях воспитательный стиль своих родителей, в том числе

они склонны проявлять большую эмоциональную близость к ребёнку, чем матери, выросшие в малодетных семьях» [14].

Исследование особенностей межличностных отношений в многодетных семьях по сравнению с малодетными, проведённое нами в 2016–2018 гг. на выборке из 84 пар (42 семейные пары с тремя и более детьми и 42 семейные пары с одним ребёнком), показало [15], что «многодетные супруги с большей лёгкостью, чем супруги в однодетных семьях, определяют преобладающий тип отношения к людям у своих «вторых половин». Причём жёны в многодетных семьях лучше понимают и знают своих супругов, чем мужья — жён. Различия в отношениях между супругами в одно- и многодетных семьях обнаружены в таких параметрах межличностных отношений, как «авторитарный» и «подозрительный» (как по оценке испытуемых самих себя, так и по оценкам, которые им дали их супруги); «эгоистический» по оценкам жён и мужей; «дружелюбие» по оценке, данной респондентами самим себе. Кроме того, было установлено, что однодетные мужья и жёны являются более авторитарными в межличностных отношениях, чем многодетные супруги, которым меньше свойственна настойчивость, властность, деспотичность, желание настоять на своём. Многодетные мужья и жёны менее эгоистичны (по оценкам их супругов), чем однодетные. Многодетные родители меньше ориентированы на себя и не склонны к соперничеству в отличие от однодетных.

Одно- и многодетные мужья и жёны сильно различаются по такому параметру, как «подозрительность». Однодетные родители в большей степени могут быть критичными, подозрительными, иметь трудности в социальных контактах, общении, быть более скрытными, чем многодетные родители, которые отличаются большей открытостью.

В зарубежных исследованиях многодетные семьи часто являются объектом изучения в связи либо с социально-демографическими проблемами этих се-

мей и их окружения [16], либо с риском их социально-экономического неблагополучия, педагогической запущенности или социальной дезадаптации растущих в них детей [17].

Но при этом существует много публикаций, популяризирующих преимущества многодетных семей. Например, работы исследователей, работающих в рамках программ Европейской Конфедерации Многодетных Семей (European Large Family Confederation). Испанский семейный психолог Тина Фэй подчёркивает, что жизнь в многодетной семье сопряжена со своим уникальным набором радостей и проблем, и выделяет следующие положительные качества, которые развивает у детей многодетная семья: терпеливость; находчивость и умение проявлять творческий подход, искать альтернативные решения; высокая адаптивность и умение учиться на своих ошибках; способность видеть хорошее в любой ситуации и принимать вызов; напористость и умение уважительно не соглашаться с другими, сохраняя спокойствие при изложении своей точки зрения и в то же время выслушивая их точки зрения; умение устанавливать и отстаивать здоровые границы; ответственность; умение работать в команде; сильные коммуникативные навыки; стремление быть миротворцем, прощать ради поддержания крепких семейных уз; высокий эмоциональный интеллект, умение сочувствовать и выражать сострадание.

Подводя итоги, сделаем выводы: современная многодетность является многомерным социально-психологическим явлением. Поскольку именно рост числа многодетных семей является главным инструментом преодоления негативной демографической тенденции (угрозы депопуляции), то в зону ответственности социальных психологов, педагогов, психологов-консультантов в сфере семейных отношений входит задача укрепления стабильности многодетных семей и повышения их функциональности. Для решения этой задачи необходимы комплексные исследова-

ования всех аспектов жизнедеятельности многодетных семей, особенностей их психологических характеристик, их тщательный анализ и выработка на их основе практических рекомендаций семьям и помогающим им специалистам.

Материалы и методы

Выборка

Исследование проводилось на базе нескольких семейных психологических консультаций и центров социальной защиты населения Москвы, на сетевых ресурсах многодетных семей. В исследовании приняли участие 100 человек (50 супружеских пар): 50 человек (25 пар) из однодетных и 50 человека (25 пар) — из многодетных (воспитывающих троих детей) семей. Средний возраст респондентов составил $38 \pm 6,4$ (лет). Подчеркнём однородность выборки по мезофактору места проживания: все респонденты проживают в Москве и Московской области.

Однородность выборки обеспечивает также близкими значениями среднегрупповой длительности брака, которая составляет $13,4 \pm 6,1$ (лет): в семьях с одним ребёнком среднегрупповая длительность брака составила $11,3 \pm 5,8$ (лет), а в группе многодетных пар среднегрупповая длительность брака составила $15,5 \pm 5,7$ лет.

Важность однородности выборки по продолжительности брака обусловлена необходимостью учёта того, что, как было показано нами ранее [3], с увеличением стажа семейной жизни выбор копинг-стратегий меняется.

Методики исследования

Для проведения эмпирического исследования была использована батарея методик, включающая:

- а) опросник ПЭА (понимание, эмоциональное притяжение, авторитетность) А.Н. Волковой в модификации В.И. Слепковой [18];
- б) методику Э. Хейма «Способы преодоления критических ситуаций» (E. Heim 1988, адаптация Л.И. Вассермана) [19];

Таблица 1

Результаты сравнительного (с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни) анализа уровня взаимного понимания, эмоционального притяжения, авторитетности в общении у супругов из однодетных и многодетных семей

	Сумма рангов (один ребёнок)	Сумма рангов (трое детей)	U	Z	p
Взаимное понимание	2088,5	2961,5	813,5**	-3,0	0,0026
Эмоциональное притяжение	2708,0	2342,0	1067,0	1,3	0,2071
Авторитетность	2425,5	2624,5	1150,5	-0,7	0,4928

Примечания: ** при $p < 0,01$.

в) методику «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (Coping Inventory for Stressful Situations, CISS)» Н. Эндлера и Д. Паркера (N.S. Endler, J.D.A. Parker 1990, адаптация Т.Л. Крюковой) [20].

Для сбора данных о выборке исследования (возраст респондентов, стаж брака, число детей в семье), а также для выяснения субъективного мнения супругов о причинах и частоте возникновения супружеских конфликтов проводилось анкетирование.

Статистическая обработка данных выполнена с помощью пакета программ для статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 22; статистические методы: оценки среднего арифметического и стандартного отклонения, долей распределения – методом дескриптивной статистики; проверка распределения признаков на соответствие закону нормального распределения с помощью критерия Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллиефорса; оценка различий значений качественных показателей – с помощью непараметрического критерия χ^2 Пирсона; оценка различий значений количественных показателей двух независимых групп – с помощью непараметрического U-критерия Манн-Уитни.

Результаты исследования

Результаты изучения характеристик супружеского общения (уровня взаимного понимания, эмоционального притяжения, авторитетности) приведены в табл. 1.

Из табл. 1. видно, что статистически значимые различия обнаружены только

в уровне выраженности такой характеристики, как взаимное понимание супругами друг друга: многодетные супруги лучше понимают своего супруга/супругу, они практически не затрудняются в интерпретации его/её поведения, мыслей, чувств и намерений и легко могут учитывать их при общении друг с другом.

С помощью анкетирования были установлены причины и частота супружеских конфликтов. В целом по выборке причинами супружеских конфликтов являются: 1) воспитание детей – 23% респондентов; 2) быт (чистота и порядок в доме, качество питания) – 22,5%; 3) финансы – 19,5%; 4) дефицит внимания со стороны мужа/жены – 18,5%; 5) общение с родственниками – 13,5%; 6) другие причины – 3%.

Частота конфликтов по указанным причинам разная в многодетных и однодетных семьях (рис.): в однодетных семьях главными причинами конфликтов становятся финансы, а в многодетных семьях в качестве причин конфликта выделяют воспитание детей и ведение быта (чистота и порядок в доме, качество питания). Дефицит внимания со стороны мужа/жены как причина конфликтов в семьях с разным числом детей находится на третьем месте по частоте встречаемости, а общение с родственниками и другие причины конфликтов наименее частотны.

Анализ субъективной оценки супругами частоты супружеских конфликтов по результатам анкетирования показал, что многодетные считают, что они конфликту-

ют редко, а однодетные — что они конфликтуют часто.

Диагностика механизмов совладания с конфликтными ситуациями, проведённая с помощью методики Э. Хейма, позволяет определить, в какой мере супруги для разрешения конфликтов используют когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии. Каждая стратегия, по мнению Э. Хейма, представляет собой сложный комплекс из нескольких стратегий. Так, в комплекс когнитивных копинг-стратегий входят 10 стратегий, которые у разных людей могут использоваться с разной частотой; это проблемный анализ, диссимуляция или сознательное сокрытие, притворное поведение, игнорирование, установка собственной ценности, сохранение самообладания, придание смысла, религиозность, растерянность, относительность, смирение. В комплекс эмоциональных копинг-стратегий входят 8 стратегий, а именно: протест, эмоциональная разрядка, подавление эмоций, оптимизм, пассивная кооперация, покорность, самообвинение, агрессивность. В группу поведенческих стратегий входят 8 стратегий: отвлечение, альтруизм, активное избегание, компенсация, конструктивная активность, отступление, сотрудничество, обращение.

Результаты сравнительного анализа выраженности когнитивных копинг-стратегий у многодетных и однодетных супругов, проведённого с использованием непараметрического критерия χ^2 Пирсона, представлены в табл. 2.

Из табл. 2 видно наличие статистически значимых различий, а именно: такая адаптивная копинг-стратегия, как «проблемный анализ», значимо чаще встречается у многодетных супругов ($\chi^2 = 7,14$ при $p = 0,0075$), а такая неадаптивная копинг-стратегия, как «растерянность», значимо

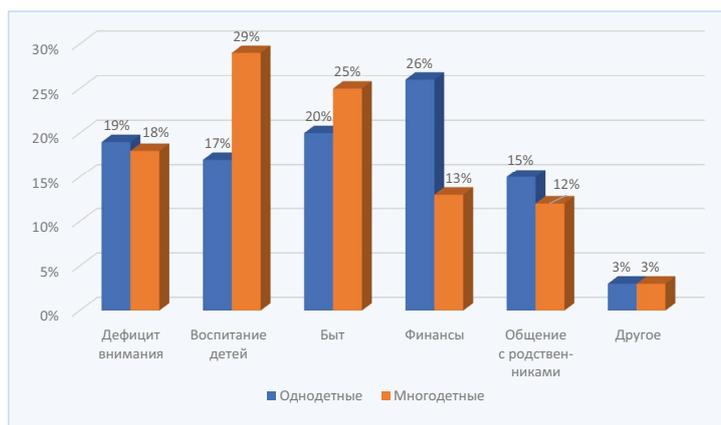

Рис. Частотное распределение причин конфликтов в однодетных и многодетных семьях

Таблица 2

Сравнение выраженности когнитивных копинг-стратегий

	Один ребёнок	Трое детей	χ^2	P
Проблемный анализ	16%	40%	7,14**	0,0075
Диссимуляция	10%	2%	2,84	0,0921
Игнорирование	6%	0%	3,09	0,0786
Устан. собств. ценности	6%	2%	2,84	0,0921
Самообладание	24%	30%	0,46	0,4992
Придача смысла	4%	10%	1,38	0,2397
Религиозность	4%	4%	0	1
Растерянность	16%	0%	8,70**	0,0032
Относительность	10%	10%	0	1
Смирение	4%	2%	0,34	0,5577

Примечания: ** при $p < 0,01$.

чаще встречается у однодетных супругов ($\chi^2 = 8,7$ при $p = 0,0032$). Иначе говоря, сравнительный анализ доказывает, что у многодетных супругов наблюдается выраженная склонность к применению адаптивных когнитивных копинг-стратегий по сравнению с однодетными супругами.

Результаты сравнительного анализа выраженности эмоциональных копинг-стратегий у много- и однодетных супругов, проведённого с использованием не-

Таблица 3
Сравнение выраженности
эмоциональных копинг-стратегий

	Один ребёнок	Трое детей	χ^2	Р
Протест	6%	6%	0	1
Оптимизм	48%	80%	11,11**	0,001
Подавление эмоций	18%	4%	5,01*	0,025
Агрессивность	14%	2%	4,89*	0,027
Покорность	6%	0%	3,09	0,079
Самообвинение	2%	2%	0	1
Пассивная кооперация	4%	2%	,34	0,558
Эмоциональная разрядка	2%	4%	,34	0,558

Примечания: * при $p < 0,05$; ** при $p < 0,01$.

Таблица 4
Сравнение выраженности
поведенческих копинг-стратегий

	Один ребёнок	Трое детей	χ^2	Р
Компенсация	14%	16%	0,08	0,779
Альтруизм	4%	2%	0,34	0,558
Отвлечение	14%	10%	0,38	0,538
Констр. активность	0%	8%	4,17*	0,041
Отступление	12%	12%	0	1,000
Обращение	10%	8%	0,12	0,727
Акт. избегание	34%	10%	8,39**	0,004
Сотрудничество	12%	34%	6,83**	0,009

Примечания: * при $p < 0,05$; ** при $p < 0,01$.

параметрического критерия χ^2 Пирсона, представлены в табл. 3.

Из табл. 3 видно, что такая адаптивная копинг-стратегия, как «оптимизм», значительно чаще встречается у многодетных респондентов ($\chi^2 = 11,11$ при $p = 0,001$), а неадаптивные копинг-стратегии «подавление эмоций» ($\chi^2 = 5,01$ при $p = 0,025$) и «агрессивность» ($\chi^2 = 4,89$ при $p = 0,027$) значительно чаще встречаются у однодетных

супругов. Мы видим, что многодетные супруги больше склонны применять адаптивные стратегии в конфликтной ситуации в отличие от однодетных.

Сравнительно-сопоставительный анализ поведенческих копинг-стратегий у супругов из семей с разным числом детей (табл. 4) показал, что адаптивные копинг-стратегии «конструктивная активность» ($\chi^2 = 4,17$ при $p = 0,041$) и «сотрудничество» ($\chi^2 = 6,83$ при $p = 0,009$) значительно чаще встречаются у многодетных супругов, а неадаптивная копинг-стратегия «активное избегание» значительно чаще встречается у однодетных супругов ($\chi^2 = 8,39$ при $p = 0,004$).

Таким образом, доказано, что у многодетных супругов наблюдается выраженная склонность к применению адаптивных эмоциональных копинг-стратегий по сравнению с однодетными супругами.

Интегральный вывод таков: конфликтная компетентность, понимаемая как преимущественный выбор адаптивных стратегий в супружеском конфликте, выше у многодетных супругов. У них лучше, чем у однодетных, развиты формы поведения, направленные на анализ возникших трудностей, повышение самооценки и самоконтроля, сохранение или быстрое восстановление эмоциональной близости.

Далее рассмотрим особенности поведения в конфликте, исследованные с помощью методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (CISS)». Эта методика позволяет определить доминирующие копинг-стратегии, среди которых проблемно-ориентированная стратегия, эмоционально-ориентированная стратегия, избегание, отвлечение, социальное отвлечение (поиск социальной поддержки)» [32].

Таблица 5

Результаты сравнительного анализа копинг-поведения в стрессовых ситуациях между однодетными и многодетными семьями

	Сумма рангов (один ребёнок)	Сумма рангов (трое детей)	U	Z	P
Ориентир на решение	2192,0	2858,0	917,0*	-2,3	0,0217
Ориентир на эмоции	2554,5	2495,5	1220,5	0,2	0,8388
Ориентир на избегание	2743,5	2306,5	1031,5	1,5	0,1320
Отвлечение	2810,0	2240,0	965,0*	2,0	0,0494
Социальное избегание	2420,5	2629,5	1145,5	-0,7	0,4713

Примечания: * при $p < 0,05$.

Для того чтобы выявить значимые различия между супругами из много- и однодетных семей, был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Непараметрическая статистика была выбрана в связи с тем, что анализ, проведённый с использованием критерия Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллиефорса, показал, что большинство переменных не подчиняется закону нормального распределения.

Из табл. 5 видно наличие значимых различий между супругами, имеющими одного ребёнка и троих детей в семье, по копинг-стратегиям, ориентированным на решение задачи ($U = 917$ при $p = 0,0217$) и на отвлечение ($U = 965$ при $p = 0,0494$). Копинг по типу отвлечения значимо более выражен у однодетных супругов, а у многодетных супругов в приоритете решение задач. Следовательно, у многодетных супругов лучше выражено стремление сосредоточиться на проблеме, проанализировать её, всё взвесить и принять оптимальное решение. А у однодетных супругов ярче проявляется стремление думать о чём-то постороннем, отвлекаться на общение, отдых, развлечения, любимые занятия.

Обсуждение и заключение

Проведённое эмпирическое исследование было направлено на изучение характеристик супружеской диады в многодетных семьях – важнейшей, базовой подсистемы в семейной структуре с целью выявления

особенностей межличностного общения и типов совладающего поведения супругов в конфликте.

Анализ данных, полученных в эмпирическом исследовании, позволил сделать следующие выводы:

- супружеское общение в многодетных семьях демонстрирует более высокий уровень взаимопонимания, чем в однодетных семьях: многодетные супруги хорошо понимают поведение друг друга, мысли, чувства и намерения, легко могут учитывать их в общении;
- в основе супружеских конфликтов в однодетных и многодетных семьях лежат разные причины: так, на первое место в однодетных семьях выходят финансовые проблемы, а в многодетных семьях возникновение супружеских конфликтов связано с воспитанием детей и устройством быта;
- и в многодетных, и в однодетных семьях «дефицит внимания со стороны мужа/жены» попадает в первую тройку причин супружеских конфликтов, что позволяет говорить о высокой значимости «психотерапевтической» функции семьи, которая обеспечивает эмоциональную поддержку супругов;
- в многодетных семьях наиболее часто применяются адаптивные копинг-стратегии, а именно: среди аспектов когнитивного копинга наиболее выражена копинг-стратегия «проблемный анализ»,

среди аспектов эмоционального копинга – стратегия «оптимизм», среди аспектов поведенческого копинга – стратегии «конструктивная активность» и «сотрудничество»;

- в однодетных семьях чаще, чем в многодетных, применяются неадаптивные копинг-стратегии, а именно: среди аспектов когнитивного копинга наиболее выражена стратегия «растерянность», среди стратегий эмоционального копинга – стратегии «подавление эмоций» и «агрессивность», среди стратегий поведенческого копинга – стратегия «активное избегание»;

- копинг-стратегии, ориентированные на решение задач, более выражены у супругов в многодетных семьях, а копинг, ориентированный на отвлечение, значимо более выражен у однодетных супругов; это означает, что при возникновении конфликта супруги в многодетных семьях стремятся сосредоточиться на проблеме, проанализировать её, всё взвесить и принять оптимальное решение, тогда как супруги в однодетных семьях проявляют желание думать не о конфликте, а о чём-то другом, отвлекаться от сути возникающей ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401230001>.
2. Курис О.В. Многодетная семья: социологический анализ // Вестник гуманитарного образования. Киров, 2016. № 1. С. 93–96.
3. Цветкова Н.А. Особенности копинг-стратегий, используемых для разрешения конфликтов в семьях с разным стажем брака // Развитие личности. 2018. № 1. С. 95–104.
4. Ачильдиева Е.Ф. Многодетная семья в современной России // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 12–14.
5. Антонов А.И. Анализ демографической ситуации и демографической политики в России и в мире // Демографические исследования: Сборник / Отв. ред. А.И. Антонов. М., 2009, С. 3–8.
6. Устинова О.В., Пивоварова И.В. Мотивы многодетности у современных россиян // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 1411.
7. Ибрагимова А.А., Испулова С.Н. Осознанная многодетность как социальное явление // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. С. 52–62. DOI: 10.17805/ggz.2019.3.4.
8. Симанкова Е. Многодетностью можно «заразиться» [Электронный ресурс] // Милосердие.Ru. 4 февраля. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/mnogodetnostyu-mozhno-zarazitsya/> [архивировано в WaybackMachine] (дата обращения: 22.06.2019).
9. Бухтиярова И.Н., Грудина Т.Н. Образ многодетной семьи глазами общественного мнения // Социодинамика. 2017. № 5. С. 110.
10. Прокофьева Л., Куприянова Е. Многодетная семья в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema02.php> (дата обращения: 15.05.2017).
11. Семёнова Ф.О., Боваева А.В. Категория детности в проблемном поле психологии семьи // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2019. № 13. С. 114–120.
12. Дёмина И.С. Специфика отношения многодетных родителей к семье // Материалы Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи» (Москва, 14–16 октября 2003 г.) / Под ред. В.К. Шабельникова, А.Г. Лидерса. Ч. 2. М., 2003. С. 21–23.
13. Лебедь О.Л. Образ жизни многодетных семей в России и задачи демографической политики // Фамилистические исследования. Т. II: Миллион мнений о семье и себе / Науч. ред. А.И. Антонов. М.: КДУ, 2009.
14. Цветкова Н.А., Крекер М.Ю. Матери, выросшие в многодетных семьях: особенности взаимодействия с собственным ребёнком – младшим школьником // Современная наука: актуаль-

- ные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. № 7. С. 54–61. DOI: 10.37882/2500-3682.2023.07.17.
15. Цветкова Н.А., Карпова Д.Н. Межличностное общение в супружеской диаде одно- и многодетных семей // Евразийское научное объединение. 2019. № 5–7 (51). С. 475–478.
 16. Oberg S. Too many is not enough: studying how children are affected by their number of siblings and resource dilution in families. *The History of the Family*. 2017. Vol. 22. Issue 2–3. Pp. 157–174.
 17. Ongaro F. Castiglioni M., Bonarini F. Large families (in a context of lowest-low fertility): what do we know about them? // Working Paper Series. 2020. January. № 2.
 18. Психологические грани семьи: психодиагностика: Учебно-методическое пособие для студентов и преподавателей / Авторы-сост. Е.С. Романова, Л.И. Бершедова, Э.Н. Рычихина, Л.П. Набатникова; Испр. и дополн. М., 2019. С. 216–219.
 19. Крюкова Т.Л. Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант методики Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера «Coping Inventory for Stressful Situations») // Психология и практика: Сборник научных трудов. Вып. 1 / Отв. ред. В.А. Соловьёва, Кострома: Изд-во К.ГУ им. Н.А. Некрасова. 2001, С. 70–82.
 20. Heim E. Coping und adaptivitat: gift es geeignetes oder undeeionetes coping? // *Psychotherapie. Psychosomatik Medizinische Psychologie*. 1988. Vol. 1. Pp. 8–17.

Large Families: Aspects of Interpersonal Communication between Spouses and Strategies for Dealing with Marriage Conflicts

Tatiana Nikolayevna Sakharova – PhD (Psychology); Professor, Department of Personality Psychology; Director, Institute of Pedagogy and Psychology, Moscow State University of Education.
E-mail: sakharova@mail.ru

Natalia Afanasyevna Tsvetkova – PhD (Psychology), Head of the Counseling Service, Moscow State University of Education.
E-mail: na.tsvetkova@mpgu.su

The article presents the results of a study of the characteristics of marital communication among spouses with many children in comparison with those with one child. It was found that in large families, the level of mutual understanding in communication is higher than that of spouses in single-parent families. Conflict competence, understood as the predominant choice of adaptive strategies in marital conflict, is higher in spouses with many children. They have better developed behaviors than one-child spouses aimed at analyzing difficulties, increasing self-esteem and self-control, maintaining or quickly restoring emotional intimacy. It is shown that the most common cause of marital conflicts in single-child families are finances, and in large families – child rearing and household arrangements. The three main causes of marital conflicts in both single-parent and large families include "husband/wife attention deficit", which indicates the high importance of the "psychotherapeutic" function of the family, providing emotional support by spouses to each other.

Keywords: large families, marital communication, coping strategy, cognitive coping, emotional coping, behavioral coping

REFERENCES

1. Ukaz Prezidenta RF ot 23.01.2024 № 63 «O merakh sotsial'noi podderzhki mnogodetnykh semei» <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401230001> (in Russian).
2. Kuris O.V. Mnogodetnaya sem'ya: sotsiologicheskii analiz // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. Kirov, 2016. № 1. S. 93–96 (in Russian).
3. Tsvetkova N.A. Osobennosti koping-strategii, ispol'zuemykh dlya razresheniya konfliktov v sem'yakh s raznym stazhem braka // Razvitie lichnosti. 2018. № 1. S. 95–104 (in Russian).
4. Achil'dieva E.F. Mnogodetnaya sem'ya v sovremennoi Rossii // Voprosy psikhologii. 2009. № 2. S. 12–14 (in Russian).
5. Antonov A.I. Analiz demograficheskoi situatsii i demograficheskoi politiki v Rossii i v mire // Demograficheskie issledovaniya: Sbornik / Otv. red. A.I. Antonov. M., 2009, S. 3–8 (in Russian).
6. Ustinova O.V., Pivovarova I.V. Motivy mnogodetnosti u sovremennykh rossiyan // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 1–1. S. 1411 (in Russian).
7. Ibragimova A.A., Ispulova S.N. Osoznannaya mnogodetnost' kak sotsial'noe yavlenie // Gorizonty gumanitarnogo znaniya. 2019. № 3. S. 52–62. DOI: 10.17805/ggz.2019.3.4 (in Russian).
8. Simankova E. Mnogodetnost'yu mozhno «zarazit'sya» [Elektronnyi resurs] // Miloserdie.Ru. 4 fevralya. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/mnogodetnostyu-mozhno-zarazitsya/> [arkhivirovano v WaybackMachine] (data obrashcheniya: 22.06.2019) (in Russian).
9. Bukhtiyarova I.N., Grudina T.N. Obraz mnogodetnoi sem'i glazami obshchestvennogo mneniya // Sotsiodinamika. 2017. № 5. S. 110 (in Russian).
10. Prokof'eva L., Kupriyanova E. Mnogodetnaya sem'ya v Rossii. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema02.php> (data obrashcheniya: 15.05.2017) (in Russian).
11. Semyonova F.O., Bovaeva A.V. Kategoriya detnosti v problemnom pole psikhologii sem'i // Sem'ya i lichnost': problemy vzaimodeistviya. 2019. № 13. S. 114–120 (in Russian).
12. Dyomina I.S. Spetsifika otnosheniya mnogodetnykh roditelei k sem'e // Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Psikhologicheskie problemy sovremennoi rossiiskoi sem'i» (Moskva, 14–16 oktyabrya 2003 g.) / Pod red. V.K. Shabel'nikova, A.G. Lidrsa. Ch. 2. M., 2003. S. 21–23 (in Russian).
13. Lebed' O.L. Obraz zhizni mnogodetnykh semei v Rossii i zadachi demograficheskoi politiki // Familisticheskie issledovaniya. T. II: Million mnenii o sem'e i sebe / Nauch. red. A.I. Antonov. M.: KDU, 2009 (in Russian).
14. Tsvetkova N.A., Kreker M.Yu. Materi, vyrosshie v mnogodetnykh sem'yakh: osobennosti vzaimodeistviya s sobstvennym rebyonkom – mladshim shkol'nikom // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie. 2023. № 7. S. 54–61. DOI: 10.37882/25003682.2023.07.17 (in Russian).
15. Tsvetkova N.A., Karpova D.N. Mezhlichnostnoe obshchenie v supruzheskoi diade odno- i mnogodetnykh semei // Evraziiskoe nauchnoe ob"edinenie. 2019. № 5–7 (51). S. 475–478 (in Russian).
16. Oberg S. Too many is not enough: studying how children are affected by their number of siblings and resource dilution in families. The History of the Family. 2017. Vol. 22. Issue 2–3. Pp. 157–174.
17. Ongaro F., Castiglioni M., Bonarini F. Large families (in a context of lowest-low fertility): what do we know about them? // Working Paper Series. 2020. January. № 2.
18. Psikhologicheskie grani sem'i: psikhodiagnostika: Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov i prepodavatelei / Avtory-sost. E.S. Romanova, L.I. Bershedova, E.N. Rychikhina, L.P. Nabatnikova; Ispr. i dopoln. M., 2019. S. 216–219 (in Russian).
19. Kryukova T.L. Metodika «Koping-povedenie v stressovykh situatsiyakh» (adaptirovannyi variant metodiki N.S. Endlera, D.A. Parkera «Coping Inventory for Stressful Situations») // Psikhologiya i praktika: Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 1 / Otv. red. V.A. Solov'yova, Kostroma: Izd-vo KGU im. N.A. Nekrasova, 2001. S. 70–82 (in Russian).
20. Heim E. Coping und adaptivitat: gift es geeignetes oder undeignetes coping? // Psychotherapie. Psychosomatik Medizinische Psychologie. 1988. Vol. 1. Pp. 8–17.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СЕМЬЕ И СЕМЕЙНЫМ ЦЕННОСТЯМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Индекс УДК 159.9.075

Код ГРНТИ 15.41.49

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-59-68

**А.В. КАРПОВ,
А.А. ВОЛЧЕНКОВА***

Цифровизация как детерминанта детско-родительских отношений

Рассматривается влияние цифровизации на личностное развитие подростков и их отношения с родителями. Формулируется вывод о значимом влиянии цифровизации на редукцию коммуникативных функций как детей, так и родителей, что в свою очередь сказывается на их отношениях. Обсуждаются возможные способы фасилитации коммуникативных и социальных компетентностей современных детей и их родителей. Установлен и проинтерпретирован новый, не описанный до сих пор феномен — синдром снижения коммуникативности под влиянием фактора цифровизации. Он, дополняя собой известные синдромы снижения когнитивности и регулятивности, вскрывает реальное — комплексное и существенное её влияние на формирующуюся психику ребёнка и становление детско-родительских отношений. Прикладное значение полученных в исследовании результатов заключается в разработке на их основе психологического инструментария профилактики ненормативного поведения подростков путём просвещения родителей по вопросам гармонизации отношений.

Ключевые слова: цифровизация, детско-родительские отношения, синдром снижения коммуникативности, подростки, коммуникация

* **Карпов Анатолий Викторович** — доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии Ярославского государственного университета (ЯрГУ) им. П.Г. Демидова.

E-mail: karpov@bio.uniya.ac.ru

Волченкова Анастасия Александровна — кандидат психологических наук, доцент факультета психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

E-mail: 24crocus95@gmail.com

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00675, <https://rscf.ru/>.

Одним из фундаментальных направлений общественных и гуманитарных наук является проблема семейных взаимоотношений. Исследования, посвящённые изучению проблем семьи, являются классическими темами в социальных науках, и их специфика меняется в зависимости от исторического, культурного и социального контекстов. Тема семьи остаётся динамичной и многогранной для исследования, её изучение требует учёта множества факторов, которые влияют на её структуру и функции в разные исторические моменты. Семья является важным элементом социума и его отражением.

Семья не только отражает социум, но и оказывает активное обратное влияние на него, адаптируясь к изменениям и передавая культурные ценности следующим поколениям. В связи с этим особое внимание заслуживает недостаточно изученный, но широко представленный в социуме процесс его цифровизации, оказывающий огромное влияние на все его сферы. Подчёркнём, что это не просто новый фактор, влияющий на реальность, а сама эта реальность, но уже именно новая. Анализ данного процесса ведётся в разных плоскостях, однако исследований, выявляющих, как именно цифровизация влияет на семью в целом и детско-родительские отношения (далее – ДРО) в частности, выполнено немного. Результаты нашего исследования представляют собой попытку компенсировать разрыв между теоретическим и эмпирическим уровнями изучения данной проблемы.

В современных условиях Интернет стал важной частью повседневной жизни, что приводит к формированию различных форм коммуникации, возникновению новых потребностей, а также проблем и рисков в различных сферах общественной жизни и социальных институтах (в том числе в семье). Проблема воздействия современных цифровых технологий на подрастающее поколение интересует учёных разных направлений, среди которых психологи, педагоги, социологи и культурологи [3–5, 9].

Повышенный интерес к исследованиям специфики молодого поколения в условиях цифровизации можно объяснить рядом факторов. Во-первых, с самого рождения гаджеты являются частью их повседневной жизни. Во-вторых, будущее социальное и культурное развитие напрямую зависит от того, насколько детям будут привиты ценности, поведенческие модели и навыки. Кроме того, современная цифровая индустрия предоставляет родителям множество инструментов воспитания (например, видео и радиояни), которые становятся доступны детям сразу после их рождения. По мере роста ребёнка родители могут делегировать развитие когнитивных и защитных функций электронным устройствам. Детские информационные и коммуникационные устройства часто привлекают внимание ребёнка, что даёт родителям возможность узнать о его потребностях опосредованно. Вовлечение детей в информационное пространство меняет традиционные семейные отношения. Так, гаджеты, в которые интегрированы голосовые приложения, стали для современных детей надёжными источниками информации, иногда выступающими в роли собеседников и наставников, а всё чаще – в роли посредников между детьми и их родителями. Можно сказать, что «нечеловеческие» объекты также наделены способностью действовать. Цифровые устройства способны устанавливать и организовывать отношения в человеческом взаимодействии.

Посредством гаджетов и их функций увеличивается эмоциональная и физическая дистанция между родителями и детьми. Благодаря всё более сложным и высокочувствительным гаджетам происходят проникновение и опосредование в ДРО: специальные браслеты безопасности для детей, мониторы активности («мониторы дыхания» для младенцев) и др. увеличивают физическую дистанцию между ребёнком и взрослым, но при этом продолжают осуществлять контрольную функцию. Это повышает доверие, поскольку зависимость детей от электронных

устройств соответствует поведенческим нормам современного общества, а именно необходимости всегда быть онлайн. При этом родители уверены, что в любой момент могут узнать, где находятся их дети, просто взглянув на геолокацию их мобильных телефонов. В этом контексте речь часто идёт не только о подростках, но и о детях 7–8 лет.

В ДРО существует высокий риск потери контакта и контроля. Подобная ситуация существовала всегда, но сегодня она приобрела более серьёзный характер, поскольку родители и дети — представители не только разных поколений, но и различных систем коммуникации. Исходя из этого, изучение взаимоотношений между родителями и детьми, а также влияние цифровой среды на пользователей представляет собой весьма существенную задачу для психологии.

Анализируя сложившуюся социальную реальность, нельзя также не учитывать, что существует острая необходимость в проведении теоретических и эмпирических исследований для изучения проблем, обусловленных воздействием интернет-среды на детей и их родителей. По мнению Е.В. Змановской, «девиантное поведение — отклонение индивида от установленных социальных норм, сопровождающееся социальной дезадаптацией и причиняющее вред обществу или непосредственно самому индивиду» [2]. Важными элементами стратегии предупреждения девиантного поведения и его рецидивов у подростков являются оценка и прогнозирование поведенческих проблем. Чтобы выбрать адекватный ответ на девиантное поведение (санкции или реабилитационные меры), необходима оценка рискованного поведения [9].

Теоретической основой исследования являются взгляды Г.С. Абрамовой, Л.С. Выготского, В.С. Мухиной на возрастные особенности, а также работы современных исследователей цифровой социальности подростков (Е.П. Белинской, А.Е. Войскунского, Ю.П. Зинченко, Т.А. Нестика, Г.У. Солдатовой и др.).

Теоретическая часть

Согласно исследованиям в области ДРО, остро стоит вопрос о специфике этих отношений в результате воздействия цифровизации на поведение подростков и их родителей. Для современного социокультурного контекста наиболее характерны растущее предпочтение взаимодействия взрослых и детей в Интернете. В результате этого снижаются навыки общения и социализации, которые представляют собой важный этап в развитии личности, а также сокращается время, которое они проводят с семьями, что является важной проблемой, требующей решения.

Вопросы межличностных отношений, их природы и особенностей, а также роли в развитии личности и социальных групп всегда интересовали исследователей. Предметом часто становились межличностные отношения и дистанция в них, проблемы личности, социальное познание и др. Несмотря на большое количество исследований, вопрос психосоциальной дистанции в ДРО изучен недостаточно. Согласно О.И. Калмыковой, дистанция — это личностное образование, отражающее параметры суверенности личности, баланс между открытостью и закрытостью по отношению к окружающему миру и позволяющее осознанно развивать у личности личностный стиль. При этом степень развития этого стиля отражает уровень развития субъектности личности и качества системы её формирования. Психологическая дистанция — двусторонний социально-психологический феномен, который является регулятором взаимодействия и основная функция которого — структурирование коммуникативного поля в зависимости от степени психологической близости.

Дополнительно психологическая дистанция трактуется как «степень открытости по отношению к другим и степень защищённости от них» (В.А. Петровский), «средство сохранения целостности самовосприимчивости» (Б.Д. Парыгин), «необходимое условие развития личности» (Е.И. Кузьмина).

Интернет создаёт уникальную виртуальную культуру, в которой присутствуют свои ценности, определённый образ мышления, язык и многое другое. Всё это не может не оказывать влияния на восприятие реального мира, взаимодействие друг с другом и формирование новых общественных и семейных норм. Эта культура продолжает развиваться, что открывает новые возможности и ставит перед нами новые вызовы.

Для ДРО актуальны такие угрозы, как:

- зависимость от использования цифровых устройств и Интернета. Это проявляется в постоянной проверке уведомлений, игнорировании реального общения, вызывает проблемы с самооценкой, тревожностью и др.;
- нарушение вертикали в отношениях, происходит смена ролей — родители могут пребывать в инфантильной позиции, а дети — замещать их родительскую роль, что нарушает психоэмоциональный климат семьи;
- трансформация системы воспитательных практик, в том числе поощрений и наказаний;
- возникновение опасности увеличения конфликтов между родителями, прародителями и детьми;
- изменение родительского контроля, зачастую снижение их авторитета;
- в целом негативный информационный фон [10].

Таким образом, существующие теоретические положения подтверждают высокую актуальность исследуемой проблематики.

Методология, методы и материалы исследования

Методологическую основу исследования составили отечественные и зарубежные теории и концепции, обеспечивающие наиболее полное и целостное описание объекта и предмета исследования. Проведение настоящего исследования осуществляется преимущественно в рамках культурно-исторической концепции Л.С. Выготского [1], фундаментальность которой была ранее продемонстрирована

на разных возрастных группах применительно к ситуациям освоения культурных и социальных норм. Однако при этом осталась не до конца изученной роль внутренних условий личности, которые способствовали бы развитию субъектности подростков и их коммуникативных взаимодействий со значимыми взрослыми.

Использовался комплекс научно-обоснованных методов, надёжных и валидных методик, сгруппированных следующим образом:

- теоретический анализ литературных источников и общепсихологические методы, принципы планирования и проведения эмпирических исследований;
- методики диагностического и исследовательского типа: экспресс-опросник «Опросник изучения взаимодействия родителей с детьми» (И. Марковская), «Опросник проблемного использования социальных сетей» (Н.А. Сирота и др.), «Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орёл), «Методика диагностики агрессивности» (А. Басс, А. Дарки), «Шкала самооценки уровня тревожности» (Ч.Д. Спилбергер (адаптирована Ю.Л. Ханиным)), «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев);
- математико-статистические методы: процедуры описательной статистики, корреляционный анализ по Пирсону, дисперсионный анализ. Обработка данных и статистический анализ результатов проводились в системе IBM SPSS 25.0.

Базой исследования послужили учебные заведения Ярославля и Ярославской области. Степень соответствия эмпирических результатов общепризнанным научным стандартам была обеспечена, в том числе, благодаря репрезентативной выборке. В эмпирической части исследования приняли участие 300 испытуемых: 150 подростков в возрасте от 13 до 15 лет (учащиеся 7–8 классов) и их родители — 150 человек в возрасте от 35 до 52 лет.

Процедура исследования. Алгоритм эмпирического исследования по изучению ДРО в условиях цифровизации состоял

в следующем. Проведение исследования (с родителями и детьми) осуществлялось в группах в разных помещениях образовательного учреждения. Первоначально все испытуемые прошли тестирование. Общее время выполнения заданий на данном этапе составило 40–180 минут. Далее полученные данные подверглись статистической обработке и интерпретации.

Результаты и обсуждение

Результаты анализа обнаруженных взаимосвязей продемонстрировали определённые закономерности, важнейшие из которых описываются далее.

Установлена сильная прямая связь между эмоциональной дистанцией в отношениях и проблемным использованием социальных сетей (подростки ($r = ,134$; $p < 0,01$); родители ($r = ,223$; $p < 0,01$)). Чрезмерное, проблемное использование социальных сетей способствует увеличению эмоциональной дистанции в ДРО, которая осознаётся обеими сторонами. Это приводит к отдалению от реального общения друг с другом родителей и их детей-подростков, к негативным эмоциональным последствиям. Важной задачей родителей в данном случае становится необходимость найти смыслы в реальном общении, пригласить туда своего ребёнка и только после этого создавать условия, в которых могла бы развиваться цифровая компетентность (как взрослых, так и детей). При этом необходимо ограничивать время, проводимое в Интернете. Только так возможно сохранять и восстанавливать качественные межличностные отношения в семье, обеспечивать психологическое благополучие семейного климата.

Между эмоциональной дистанцией в отношениях и склонностью подростков к нарушению норм и правил также обнаружена сильная прямая связь ($r = ,432$; $p < 0,01$). Данный факт свидетельствует о том, что в группе подростков преобладает склонность к нарушению норм и правил. Высокий показатель по данному параметру подразумевает проявление вышеупомянутых тенденций: склонность противопоставлять нормы груп-

пы собственным нормам и ценностям, тенденция к «нарушению общественного порядка» и поиску непреодолимых трудностей. Всё это негативно сказывается на ДРО и на развитии личности подростков.

Между эмоциональной дистанцией в отношениях и тревожностью подростков также выявлена положительная связь ($r = ,418$; $p < 0,01$). Чем выше субъективная оценка родителями и подростками эмоциональной дистанции в их отношениях, тем выше показатели тревожности у подростков. Как правило, этот феномен объясняется возникновением конфликтных ситуаций и нежеланием или отказом их регулировать, что приводит к снижению психологической безопасности и эмоциональной поддержки между ребёнком и родителем. Переживания близости чередуются с переживаниями дистанции, что связано с фрустрацией в реализации необходимых переживаний близости и дистанции. Эти обстоятельства обуславливают то, как молодые люди оценивают отношения вне семьи. Дружеские отношения подростков из таких семей характеризуются поверхностностью, им свойствен высокий уровень конформизма, у многих имеется потребность завоевать внимание сверстников. Всё свидетельствует о неблагоприятной обстановке для развития социальных и коммуникативных компетенций подростков [6]. Необходимо учитывать, что при наличии гаджетов и захватывающего медиaprостранства у многих подростков потребность в близких отношениях со сверстниками утрачивается вовсе.

Обнаружена обратная связь между эмоциональной дистанцией в отношениях и общим показателем осмысленности жизни подростков ($r = ,344$; $p < 0,01$). Чем меньше подросток чувствует защищённость в ДРО от информационного, физического, социально-педагогического, психологического воздействия, тем больше у него задач на осмысление своего жизненного положения. В свою очередь, за неимением жизненного опыта, эмоциональных сил подросток просто не способен верно вы-

Таблица

Результаты дисперсионного анализа в группах подростков и их родителей

Исследуемые параметры	F-критерий	p-level
Нетребовательность — требовательность родителя	F = 11,25	p = 0,54
Мягкость — строгость родителя	F = 8,24	p = 0,655
Автономность — контроль по отношению к ребёнку	F = 10,47	p = 0,701
Эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребёнка к родителю	F = 12,8	p = 0,761
Отвержение — принятие ребёнка родителем	F = 21,09	p = 0,841
Отсутствие сотрудничества — сотрудничество	F = 6,342	p = 0,632
Непоследовательность — последовательность родителя	F = 15,212	p = 0,08
Удовлетворённость отношениями ребёнка с родителем	F = 2,322	p = 0,943
Тревожность личностная	F = 34,5	p = 0,045
Тревожность ситуативная	F = 6,534	p = 0,083
Общий индекс агрессивности	F = 2,348	p = 0,747
Общий показатель — осмысленность жизни	F = 12,289	p = 0,01
Склонность к преодолению норм и правил	F = 14,454	p = 0,05
Склонность к аддиктивному поведению	F = 18,252	p = 0,05
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	F = 14,348	p = 0,71
Склонность к агрессии и насилию	F = 6,844	p = 0,05
Волевой контроль эмоциональных реакций	F = 14,791	p = 0,001
Склонность к деликвентному поведению	F = 15,642	p = 0,2
Проблемность в использовании социальных сетей	F = 8,415	p = 0,041

строить жизненные цели и планы, учитывать значимых взрослых и других людей, что, безусловно, негативно сказывается на его развитии. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что существует высокая необходимость в создании особой поддерживающей среды, гармонизирующей психологическое состояние подростков, способствующей образованию предпосылок к согласованному и непротиворечивому развитию [7].

Целесообразно сделать вывод о том, что анализ проблемы психологических особенностей ДРО как субъектных детерминант социализации подростков в условиях цифровой реальности выявляет свойства подростков, которые проявляются и действуют целостно, как единая структура.

В ходе дисперсионного анализа результатов были выявлены различия между ис-

следуемыми группами подростков и их родителями. В таблице представлены результаты однофакторного дисперсионного анализа. Полученные данные позволяют определить наличие или отсутствие различий в исследуемых параметрах.

Наиболее важным результатом исследования является установление отсутствия различий между исследуемыми группами по параметру «Эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребёнка к родителю» ($F = 12,8$; $p = 0,761$) (рис. 1). В реальности родители и их дети-подростки воспринимают ДРО как эмоционально дистантные, где подросткам практически невозможно делиться самым сокровенным и важным с родителем. Это связано с тем, что родитель не делится сам, что является сигналом для подростка об отсутствии доверительных отношений со взрослым.

Ребёнок — это не только отдельная и уникальная личность, но и участник семейной системы. Доверительные отношения между родителями и детьми способствуют эмоциональной близости между ними, что является основой для здоровых — в эмоциональном и психологическом планах — отношений на протяжении всей жизни. Проявляя доверие к своим детям, родители могут способствовать развитию у них независимости, ответственности и самоконтроля. Учитывая современный цифровой мир, важно строить доверительные отношения с детьми, чтобы они могли развивать навыки критического мышления, управлять своим временем в Интернете и защищать себя от его опасностей. Необходимо, чтобы родители были готовы открыто обсуждать эти темы со своими детьми и создавать доверительную обстановку в доме. Взаимное доверие позволяет родителям поддерживать стремление своих детей к самореализации и развитию.

Обнаружено, что нет различий между группами по параметру «Удовлетворённость отношениями ребёнка с родителем» ($F=2,322$; $p=0,943$) (рис. 2). Этот факт является неблагоприятным, поскольку респонденты, отвечая на вопросы, иллюстрирующие данный диагностический параметр, сходны в мнении о том, что нет удовлетворённости в отношениях между родителями и детьми. Низкий уровень удовлетворённости свидетельствует о том, что подростки и их родители обеспокоены текущей семейной ситуацией. В отношениях ухудшается коммуникация, что является важной проблемой, которая негативно влияет на развитие детей и качество семейных связей. Основная причина кроется в переходе от традиционных форм общения к цифровым. Время, проведённое у экранов, часто заменяет живое взаимодействие. Отсутствие совместных активностей: игр, прогулок, семейных ужинов и др., снижает качество общения. Стресс и эмоциональное состояние также сказываются на ДРО. В современном обществе акцент на успех и до-

стижения приводит к тому, что родители меньше времени уделяют эмоциональной поддержке и общению с детьми.

Обобщая полученные результаты, отметим, что они связаны с ещё более широкой проблематикой, а именно, с особенностями главных подсистем психики: когнитивной, регулятивной и коммуникативной. Первые две подсистемы (когнитивная и регулятивная) и феномены, возникающие в них вследствие цифровизации — а именно, синдром снижения когнитивности и синдром снижения регулятивности — не исчерпывают представления о трансформациях психики в условиях цифровизации, хотя уже накоплен большой эмпирический материал [11]. Сущность этих трансформаций состоит в том, что цифровизация приводит к порождению двух указанных синдромов: снижения когнитивности и снижения регулятивности. Представленные результаты не только позволяют, но и заставляют сделать вывод, согласно которому цифровизация оказывает мощное по интенсивности и аналогичное по направленности с этими синдромами воздействие не только на указанные подсистемы (когнитивную и регулятивную), но и на третью — коммуникативную подсистему. Синергетическое воздействие двух факторов — влияния цифровизации и увеличения эмоциональной дистанции в ДРО — вызывает существенное снижение коммуникативности. Это порождает ещё одно важнейшее следствие цифровизации, которое можно обозначить как *синдром снижения коммуникативности*. Так, все три основные подсистемы психики подвергаются сходным по смыслу трансформациям, а между их деструктивными изменениями устанавливаются, по-видимому, и отношения синергии, что также усиливает степень негативности происходящих изменений. Безусловно, всё это сказывается и на детско-родительских отношениях. Для улучшения коммуникации в ДРО важно активно работать над созданием открытой и доверительной

атмосферы, выделять время для общения и использовать цифровые технологии как инструмент для сближения, а не как замену живому взаимодействию.

Заключение

Современные цифровые технологии оказывают значительное влияние на отношения между родителями и детьми. Цифровая культура, включающая не только цифровые устройства, технологии работы с ними, но и складывающиеся в результате их применения социальные практики, системы взаимоотношений, стала неотъемлемой составной частью современной мировой культуры. Цифровизация изменила способы общения и взаимодействия родителей с детьми, что привело к реорганизации ДРО. Цифровые технологии предлагают новые возможности для общения и обучения, но и приводят к отчуждению, непониманию в семье.

Семья по-прежнему остаётся важным объектом исследования, позволяющим глубже понять социальные процессы и изменения в обществе. Основой семьи принято считать ДРО как один из самых важных и фундаментальных элементов. От этих отношений зависит не только взаимодействие между родителями и детьми, но и развитие личности ребёнка, его будущее. В современном информационном обществе эти отношения значительно изменяются под влиянием различных тенденций. И хотя вопрос о воздействии информационных технологий на детство и ДРО является одним из актуальных и давно привлекает к себе внимание исследователей, он еще мало изучен. Гаджеты оказывают значительное воздействие на процесс становления социальных и коммуникативных компетентностей как детей, так и взрослых.

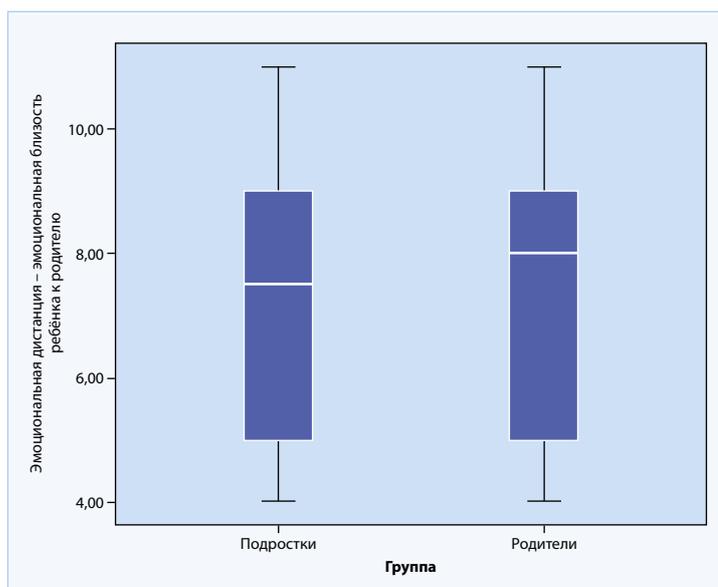

Рис. 1. Эмоциональная дистанция – эмоциональная близость ребёнка к родителю

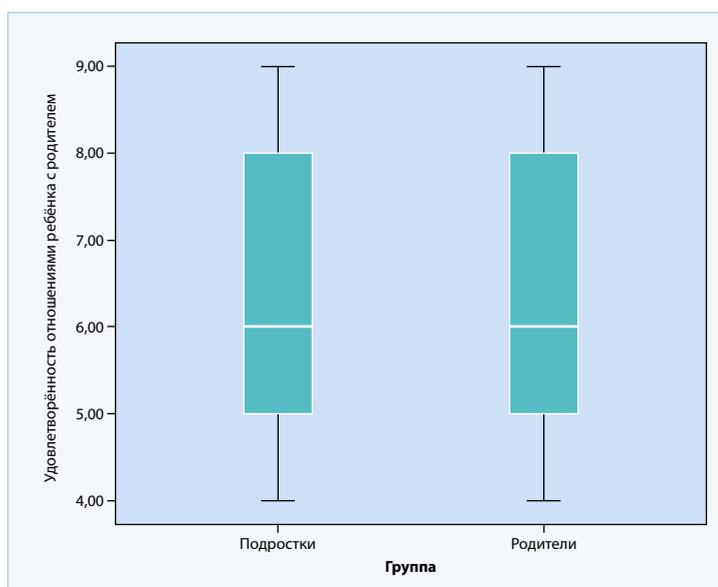

Рис. 2. Удовлетворённость отношениями ребёнка с родителем

Большинство детей проводят много времени за экраном своих устройств, что приводит к увеличению не только эмоциональной, но и коммуникативной дистанции между ними и родителями. Кроме того, родители могут испытывать тревогу и беспокойство по поводу безопасности своих детей в Интернете. В современных условиях перед детьми и родителями встают новые задачи и обязанности в семейной системе, кото-

рые связаны с использованием цифровых устройств [8].

Проведённое исследование подтверждает научную и практическую значимость рассматриваемых вопросов. При сложном взаимодействии традиционной деятельности с деятельностью в Интернете возникают новый образ жизни современного

ребёнка и новый тип ДРО, опосредованных использованием гаджетов в воспитании и социализации детей. Проведённое исследование может стать инструментом для профессионалов и родителей, который поможет им обучать и готовить детей к полноценной жизни в современном цифровом мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005.
2. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2004.
3. Зинченко Ю.П. Психология виртуальной реальности. М.: МГУ, 2011.
4. Карпов А.В. Методологические основы психологического анализа информационной деятельности / Государственная академия наук, Российская академия образования. Ярославль: Филигрань, 2021.
5. Карпов А.В., Башкин М.В., Карпова Е.В., Чемякина А.В. Цифровизация как детерминанта трансформаций когнитивной подсистемы психики // Перспективы развития науки и образования. 2024. № 3 (в печати).
6. Мешкова Л.Н. Современная цифровая среда как средство социокультурного становления личности подростка // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 4А. С. 23–32.
7. Реан А.А., Коновалов И.А., Кузьмин Р.Г. Анализ лучших практик поддержки семьи и детства в современной России: проблема доказанной эффективности // Педагогика. 2021. № 4 (85). С 47–59.
8. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
9. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Представления о реальном и виртуальном пространствах как часть актуальной картины мира подростков и родителей в цифровом обществе: возможности адаптации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. № 3. С. 226–248.
10. Янак А.Л. Дети и родители в информационном пространстве: взаимодействие, риски и стратегии обеспечения безопасности // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». 2021. Т. 21. Вып. 1. С. 64–71.
11. Karpov A.V., Karpov A.A., Volchenkova A.A. Transformation Patterns of the regulatory subsystem of the Psyche in the Context of Digitalization of the Society // Changing society and personality. Ekaterinburg, 2024. № 3 (in print).

Digitalization as a Determinant of Parent-Child Relationships

Anatoly Viktorovich Karpov — DSc (Psychology); Corresponding Member, Russian Academy of Education; Dean, Faculty of Psychology; Head of the Department of Industrial and Organizational Psychology, P.G. Demidov Yaroslavl State University.
E-mail: karpov@bio.uniyar.ac.ru

Anastasia Alexandrovna Volchenkova — PhD (Psychology); Associate Professor, Faculty of Psychology, P.G. Demidov Yaroslavl State University.
E-mail: 24crocus95@gmail.com

The influence of digitalization on the personal development of adolescents and their relationships with parents is considered. A conclusion is made about the significant influence of digitalization on the reduction of communicative functions of both children and parents, which in turn affects their relationships. Possible ways of facilitating communicative and social competencies of modern children and their parents are discussed. A new phenomenon, previously undescribed, has been established and interpreted – the syndrome of decreased communication skills under the influence of the digitalization factor. It complements the well-known syndromes of decreased cognitive ability and regulatory capacity and reveals its real, complex and significant influence on the developing psyche of a child and on the development of parent-child relationships. The practical significance of the results obtained in the study lies in the development, on their basis, of psychological tools for the prevention of deviant behavior in adolescents by educating parents on issues of harmonizing relationships.

Keywords: digitalization, parent-child relationships, communication decline syndrome, adolescents, communication

REFERENCES

1. Vygotskii L.S. *Psikhologiya razvitiya cheloveka*. M.: Smysl; Eksmo, 2005 (in Russian).
2. Zmanovskaya E.V. *Deviantologiya: (Psikhologiya otklonayushchegosya povedeniya): Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii*. M.: Akademiya, 2004 (in Russian).
3. Zinchenko Yu.P. *Psikhologiya virtual'noi real'nosti*. M.: MGU, 2011 (in Russian).
4. Karpov A.V. *Metodologicheskie osnovy psikhologicheskogo analiza informatsionnoi deyatelnosti / Gosudarstvennaya akademiya nauk, Rossiiskaya akademiya obrazovaniya*. Yaroslavl': Filigran', 2021 (in Russian).
5. Karpov A.V., Bashkin M.V., Karpova E.V., Chemyakina A.V. *Tsifrovizatsiya kak determinanta transformatsii kognitivnoi podsistemy psikhiki // Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2024. № 3 (*v pechaty*) (in Russian).
6. Meshkova L.N. *Sovremennaya tsifrovaya sreda kak sredstvo sotsiokul'turnogo stanovleniya lichnosti podrostka // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2021. T. 10. № 4A. S. 23–32 (in Russian).
7. Rean A.A., Konovalov I.A., Kuz'min R.G. *Analiz luchshikh praktik podderzhki sem'i i detstva v sovremennoi Rossii: problema dokazannoi effektivnosti // Pedagogika*. 2021. № 4 (85). S. 47–59 (in Russian).
8. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'*. M.: Smysl, 2017 (in Russian).
9. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V., Ilyukhina S.N. *Predstavleniya o real'nom i virtual'nom prostranstvakh kak chast' aktual'noi kartiny mira podrostkov i roditelei v tsifrovom obshchestve: vozmozhnosti adaptatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*. 2022. T. 12. № 3. S. 226–248 (in Russian).
10. Yanak A.L. *Deti i roditeli v informatsionnom prostranstve: vzaimodeistvie, riski i strategii obespecheniya bezopasnosti // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya «Sotsiologiya. Politologiya»*. 2021. T. 21. Vyp. 1. S. 64–71 (in Russian).
11. Karpov A.V., Karpov A.A., Volchenkova A.A. *Transformation Patterns of the regulatory subsystem of the Psyche in the Context of Digitalization of the Society // Shaping society and personality*. Ekaterinburg, 2024. № 3 (*in print*).

Индекс УДК 159.9.07

Код ГРНТИ 15.41.21

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-69-77

**А.А. РЕАН,
И.А. КОНОВАЛОВ***

Семья и брак в сознании молодёжи

Статья посвящена результатам сопоставительного исследования социальных представлений молодёжи, связанных с установками в отношении семьи и брака, индивидуальных перспектив и планов по созданию семьи, незарегистрированных браков и рождения детей в указанных союзах, представлений об основных причинах создания семьи и условиях благополучного брака. Проанализированы изменения, произошедшие в социальных представлениях подростков с 2017 по 2023 г. Описаны общие тенденции, характерные для социальных представлений молодёжи в указанный период. Показано, что большинство респондентов считают, что необходимо готовить человека к созданию семьи через обучение семейным ценностям. Также растёт доля заявивших о необходимости преподавания курсов основ семейной жизни в школах. Подавляющее большинство молодых людей планируют в будущем создать семью и иметь двоих детей. Однако отмечается тенденция к увеличению доли молодёжи, планирующей в будущем иметь одного ребёнка. Результаты исследования рассмотрены в контексте демографических тенденций и актуальных вопросов молодёжной политики.

Ключевые слова: молодёжь, социальная перцепция, образ, семья, брак, семейное образование

Вопрос о популяризации семейного образа жизни среди молодёжи является одним из наиболее обсуждаемых в молодёжно-политической повестке: как на федеральном, так и на региональном уровнях ведутся активные дискуссии о стратегиях популяризации перспектив создания молодёжных семей,

осуществляется активная работа по внедрению курсов семейного образования и основ семейной жизни для школьников [1] и студентов, появляются специализированные пособия, подготовленные различными авторскими коллективами [2–6]. Появление описанных выше инициатив является в некотором роде реакцией на ряд

* **Реан Артур Александрович** — академик РАО, доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодёжи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (ФНЦ ПМИ), председатель Научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства.

E-mail: profrean@yandex.ru

Коновалов Иван Александрович — кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодёжи ФНЦ ПМИ.

E-mail: iv.kononov@yandex.ru

проблемных тенденций, связанных, в частности, с динамикой как разводов [7], так и брачно-репродуктивного поведения молодёжи [8]. Наиболее важным индикатором значимости, своевременности и актуальности инициатив является фиксируемый в исследованиях «запрос» молодёжи на преподавание курсов по вопросам семьи и семейной жизни в образовательных учреждениях различных уровней, в частности школах [9].

Образ семьи в сознании молодёжи является значимым регулятором как последующего брачного поведения, так и выстраивания жизненной траектории в целом. Данный тезис относится как к образу родительской семьи, так и к планируемому образу будущей семьи. Во множестве исследований фиксируется специфика образов семьи, где у подростков имеются различного рода риски негативной социализации: алкоголизации [10], интернет-зависимости [11], агрессии и криминализации [12], социальных девиаций личности [13]. Образы семьи и готовность респондентов в будущем создать семью, похожую на родительскую, имеют свою специфику у различных групп подростков и молодёжи, в частности нормотипичных и девиантных [14].

Одной из целей настоящей статьи является анализ временной динамики специфики представлений подростков о феномене семьи. Коллектив исследователей под руководством А.А. Реана в 2017 г. реализовал масштабный проект, в том числе связанный с оценкой обобщённых социальных представлений подростков о семье и браке, с анализом индивидуальных установок в отношении родительской семьи и аспектов образа планируемой семьи, отношения к незарегистрированным бракам и рождению детей в таких союзах, оценкой необходимости преподавания курсов по основам семейной жизни. В 2023 г. указанный исследовательский блок был реплицирован на схожей по возрастному и гендерному составу выборке, что обуславливает возможность сделать ряд выводов о динамике обобщённых социальных представлений,

произошедших за последние шесть лет в сознании российской молодёжи.

Методы и выборка

Для оценки специфики и различных аспектов образов семьи, брака, а также временной динамики изменения представлений были проанализированы ответы респондентов на одинаковый набор вопросов, собранные в 2017 и 2023 гг. Выборка 2017 г. составила 5670 респондентов (58% — девушки), средний возраст — 16 лет (Mean = 16,34, Median=16, SD = 0,76). В выборку 2023 г. вошёл 1061 респондент (61% — девушки), средний возраст — 16 лет (Mean = 16,06, Median = 16, SD = 1,77). Оба исследования представляли собой анонимные онлайн-опросы, в 2017 г. — на платформе 1k.a.si, в 2023 — на платформе Yandex. forms. Выборки являются не связанными, однако сопоставимыми ввиду схожести основных характеристик распределений.

Основным методом выступил сопоставительный анализ частот ответов на вопросы анкеты, представленные в табл. 1–5.

Поскольку выборки 2017 и 2023 гг. значительно различались по объёму, то из большей выборки (2017 г.) случайным образом была извлечена подвыборка, равная объёму меньшей выборки (2023 г.). По каждому из рассматриваемых вопросов были сформированы таблицы сопряжённости (2×2 , 2×3 — в зависимости от специфики вопроса), статистическая значимость была оценена с помощью критерия Хи-квадрат Пирсона. По каждому из рассматриваемых вопросов описанная процедура (со случайным формированием равной по объёму подвыборки) была повторена 100 раз для оценки устойчивости эффекта, полученного с помощью критерия Хи-квадрат Пирсона. В табл. 1–5 четвёртый столбец «Доля результатов (из 100 повторных испытаний), где $p < 0,05$ » демонстрирует процент испытаний, в рамках которых был получен статистически значимый результат. Устойчивым будем считать результат, соответствующий более 95% положительных испытаний из 100.

Процедура обработки данных была реализована в RStudio (R version 4.3.1) [15, 16] с использованием следующих пакетов: readxl [17], dplyr [18], sur [19], psych [20].

Результаты

Рассмотрим полученные результаты по группам вопросов, связанных с общими представлениями и установками в отношении семьи и брака (табл. 1), индивидуальных перспектив и планов по созданию семьи (табл. 2), незарегистрированных браков и рождения детей в указанных союзах (табл. 3), представлений об основных причинах создания семьи (табл. 4) и условиях благополучного брака (табл. 5).

На вопрос «Нужно ли готовить человека к созданию семьи через обучение семейным ценностям?» распределение ответов респондентов, данных в 2017 и 2023 гг., оказалось схожим: большинство (66% и 64%) ответили положительно. Распределения отрицательных ответов и выбора варианта «не знаю» также сходны (см. табл. 1). Сопоставительный анализ с повторными измерениями уравненных выборок показал значимый результат только в трёх испытаниях из ста, что говорит о неустойчивом результате. Можно сделать вывод о том, что распределения значимо не отличаются друг от друга.

Согласно сопоставительному анализу с повторными испытаниями в отношении остальных вопросов из указанного блока можно сделать противоположный вывод: зафиксированы значимые различия в рассматриваемых распределениях. Так, по вопросам «Верно ли высказывание «Семья — основа любого государства, не будет семьи — не будет государства?»» и «Считаете ли Вы наличие семьи обязательным условием счастья?» в 2023 г. значимо меньшее число респондентов дало положительный ответ на указанные вопросы (см. табл. 1),

Таблица 1
Динамика общих представлений и установок молодёжи в отношении семьи и брака

	2017 г.	2023 г.	Доля результатов (из 100 повторных испытаний), где $p < 0,05$
<i>Как Вы считаете, нужно ли готовить человека к созданию семьи через обучение семейным ценностям?</i>			
Да	66%	64%	3%
Нет	15%	15%	
Не знаю	19%	21%	
<i>Верно ли высказывание «Семья — основа любого государства, не будет семьи — не будет государства?»</i>			
Да	78%	68%	100%
Нет	10%	13%	
Не знаю	12%	19%	
<i>Как Вы думаете, необходимо ли преподавание курса по вопросам семьи и семейной жизни в школах?</i>			
Да	38%	47%	100%
Нет	38%	27%	
Не знаю	24%	26%	
<i>Считаете ли Вы наличие семьи обязательным условием счастья?</i>			
Да	68%	48%	100%
Нет	20%	35%	
Не знаю	12%	17%	

увеличилось число «сомневающихся» при ответе на этот вопрос и число респондентов, давших отрицательный ответ на вопрос о наличии семьи как обязательного условия счастья.

Зафиксировано значимое изменение «запроса» на преподавание курса по вопросам семьи и семейной жизни в школах: практически половина респондентов в 2023 г. дали положительный ответ на рассматриваемый вопрос. Чуть более четверти респондентов ответили отрицательно и выбрали вариант «я не знаю», в 2017 г. распределения были несколько иными: положительный ответ дали чуть менее 40% респондентов (см. табл. 1).

Сопоставительный анализ с повторными испытаниями в отношении вопросов «Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?» и «Хотите ли Вы в будущем создать

Таблица 2

**Динамика индивидуальных установок молодёжи
в отношении перспектив создания семьи**

	2017 г.	2023 г.	Доля результатов (из 100 повторных испытаний), где $p < 0.05$
<i>Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?</i>			
Да	42%	43%	2%
Нет	34%	31%	
Не знаю	24%	26%	
<i>Хотите ли Вы в будущем создать семью?</i>			
Да	81%	77%	65%
Нет	7%	8%	
Не знаю	12%	15%	
<i>Сколько детей Вы хотели бы иметь в своей будущей семье?</i>			
Один	15%	24%	100%
Два	49%	48%	0%
Три	19%	11%	100%
Более трёх	8%	3%	100%
Ни одного	9%	13%	93%

семью?» не выявил значимых различий между распределениями 2017 и 2023 гг. Таким образом, относительное большинство респондентов дают положительный ответ на вопрос о «повторении сценария» родительской семьи, однако при этом велика доля ответивших отрицательно и сомневающимися. Абсолютное большинство респондентов как в 2017, так и в 2023 г. планируют в будущем создать семью. Доли ответивших негативно и нейтрально также практически одинаковы (табл. 2).

При этом можно утверждать, что установки в отношении планируемого числа детей в будущей семье изменились. Так, практически половина респондентов как в 2017, так и в 2023 г. хотели бы иметь в будущей семье двоих детей. При этом значимо вырос процент респондентов, заявивших о намерении иметь одного ребёнка. Обратная тенденция характерна для вариантов «Три» и «Более трёх»: доли респондентов, которые предпочли указанные варианты, значимо снизились в 2023 г. по сравнению с 2017 г. Указанные результаты устойчивы при проверке многократными повторными испытаниями с уравниванием выборок.

По результатам сопоставительного анализа с повторными испытаниями в отношении вопросов, представленных в табл. 3, зафиксированы значимые различия между распределениями 2017 и 2023 гг. по вопросу о рождении детей вне зарегистрированного брака: выявлена тенденция к «нормализации» данного явления (в 2023 г. — 46%, по сравнению с 36% — в 2017), негативное отношение, наоборот, уменьшилось с 35% до 22% (табл. 3).

По вопросу об отношении к гражданским бракам также существует некоторая тенденция к «нормализации» указанного явления, однако различия в распределениях по категориям не столь велики (см. табл. 3).

По результатам сопоставительного анализа с повторными испытаниями в ответах на вопрос «Что, по-Вашему, является основной причиной создания семьи?» выявлены два существенных изменения: в 2023 г. респонденты значимо реже выбрали вариант «Любовь» (57% — по сравнению с 64% в 2017 г.) и значимо чаще — «Взаимопонимание» (29% против 18%). Оба результата являются устойчивыми.

При ответе на вопрос «Каковы главные условия благополучного брака?» (табл. 5)

Таблица 3

**Динамика отношения молодёжи к незарегистрированным бракам
и рождению детей вне зарегистрированного брака**

	2017	2023	Доля результатов (из 100 повторных испытаний), где $p < 0.05$
<i>Как вы относитесь к гражданским бракам?</i>			
Это нормально	55%	59%	85%
Это недопустимо	17%	12%	
Затрудняюсь ответить	28%	29%	
<i>Как вы относитесь к рождению детей вне зарегистрированного брака?</i>			
Это нормально	36%	46%	100%
Это недопустимо	35%	22%	
Затрудняюсь ответить	29%	32%	

Таблица 4

Специфика представлений молодёжи об основных причинах создания семьи

	2017 г.	2023 г.	Доля результатов (из 100 повторных испытаний), где $p < 0.05$
<i>Что, по-Вашему, является основной причиной создания семьи?</i>			
Любовь	64%	57%	98%
Взаимопонимание	18%	29%	100%
Рождение и воспитание детей	7%	6%	1%
Решение материальных и бытовых проблем	2%	1%	0%
Страх одиночества	3%	2%	24%
Другие причины	6%	5%	16%

респонденты по-прежнему наиболее важной причиной называют «Любовь», далее идут «Взаимная поддержка» и «Умение идти на компромиссы».

По результатам сопоставительного анализа с повторными измерениями обнаружены значимые различия между выборками 2017 и 2023 гг. в контексте предпочтения таких вариантов ответа, как «Похожие ценности и взгляды» и «Наличие детей». Несмотря на крайне небольшой рост (с 39% до 42%), можно утверждать, что для респондентов из выборки 2023 г. условие «Похожие ценности и взгляды» является более значимым. При этом выбор «Наличия детей» как условия благополучного брака характеризуется обратной динамикой: в 2017 г. указанный вариант предпочёл 21% респондентов, по сравнению с 9% – в 2023 г.

Обсуждение

Полученные результаты отражают противоречивый образ семьи в сознании современной молодёжи. С одной стороны, зафиксированы проявления установки на индивидуализм, связанные с изменениями представлений о семье как условии счастья, некоторым сдвигом в вопросах отношения к рождению детей вне зарегистрированного брака, некоторым изменением репрезентации в сознании основных условий благополучного брака, увеличением доли молодёжи, планирующей в будущем иметь одного ребёнка. Отметим, что последнюю из обозначенных тенденций фиксируют также и демографы, отмечающие, в частности, что «отличительной особенностью современного брачного и репродуктивного поведения молодёжи в России являются

Таблица 5
**Специфика представлений молодёжи
 об условиях благополучного брака**

	2017 г.	2023 г.	Доля результатов (из 100 повторных испытаний), где $p < 0.05$
<i>Каковы главные условия благополучного брака?</i>			
Любовь	87%	83%	77%
Взаимная поддержка	79%	82%	43%
Умение идти на компромиссы	47%	53%	91%
Похожие ценности и взгляды	39%	42%	100%
Общие цели	25%	27%	15%
Наличие детей	21%	9%	100%

откладывание брачного и репродуктивного дебюта на более поздний возрастной этап, преимущественная ориентация на малодетный или среднететный образ жизни, при этом одной из основных характеристик первого этапа создания семьи выступает «добрачное сожительство» [8, с. 94]. В эту тенденцию напрямую «вписывается» и снижение роли наличия детей как условия благополучного брака в представлении молодёжи.

С другой стороны, можно сказать, что за последние шесть лет существенно возрос «запрос» со стороны подростков и молодёжи на необходимость преподавания курсов основ семейной жизни в школах (до 47% ответов) и значительно снизилась доля несогласных (до 27%). Очень важно отметить, что реализуемые в настоящий момент инициативы на федеральном уровне напрямую отвечают указанному «запросу».

Большинство тенденций, выявленных ранее, по итогам цикла исследований коллектива А.А. Реана (см. напр. [21]) сохранилось.

Отметим ещё один контекст, с позиций которого можно рассмотреть зафиксированные противоречивые тенденции, — переход к «эпохе глобальной нестабильности», затронувшей человечество в последние годы. Здесь уместно вспомнить цитату М.Г. Ярошевского: «Изменения в об-

щественном мнении, например, отражают глубинные социально-политические процессы, по отношению к которым индивидуальные установки не первичны, а производны... При опросе общественного мнения и аналогичных процедурах оценка установок отдельного лица используется не для выявления его своеобразного психологического облика, а для характеристики интересов, умонастроений, предубеждений, запросов той социальной группы, к которой принадлежит это лицо. Установка есть реальный факт внутренней, психической жизни субъекта. Она говорит о способе представленности

в организации этой жизни социальных связей и отношений» [22, с. 341]. В этом контексте ещё раз важно подчеркнуть противоречивость сохраняющихся установок в отношении позитивного образа семьи в сознании молодёжи с тенденциями к индивидуализму, проявляющимися в планировании личной семейной траектории. Как ни парадоксально, но усиление индивидуалистских тенденций может свидетельствовать о стремлении не только к удовлетворению эгоистических потребностей, но и к более осознанному принятию ответственности в период глобальной неопределённости. Однако указанный тезис нуждается в дополнительной проверке.

Заключение

В рамках статьи проанализированы результаты сопоставительного исследования социальных представлений молодёжи о семье и браке, индивидуальных перспективах и планах по созданию семьи, об отношении к незарегистрированным бракам и рождению детей в указанных союзах, о представлениях об основных причинах создания семьи и условиях благополучного брака.

Показано, что как в 2017, так и в 2023 г. большинство респондентов считают, что необходимо готовить человека к созда-

нию семьи через обучение семейным ценностям. Подавляющее большинство молодых людей планируют в будущем создать семью и иметь двоих детей. Наиболее «вескими» причинами создания семьи молодые люди считают любовь и взаимо-

понимание. К наиболее важным условиям благополучного брака молодые люди относят любовь и взаимную поддержку. Выявлено усиление «запроса» на преподавание курсов основ семейной жизни в школах.

ЛИТЕРАТУРА

1. С нового учебного года в школах будет введён курс внеурочных занятий «Семьеведение». – 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://edu.gov.ru/press/8303/s-novogo-uchebnogo-goda-v-shkolah-budet-vveden-kurs-vneurochnyh-zanyatyi-semevedenie/> (дата обращения: 25.07.2024).
2. Семьеведение (Основы семейной жизни) для учащихся 9–11 классов общеобразовательных учреждений: Учебно-методическое пособие / А.А. Реан, И.А. Коновалов, Н.Л. Москвичёва, М.А. Новикова; Под ред. А.А. Реана. М.: Арткитчен, 2019.
3. Семьеведение (Основы семейной жизни): Книга для учащихся 9–11 классов общеобразовательных учреждений / А.А. Реан, И.А. Коновалов, Н.Л. Москвичёва, М.А. Новикова; Под ред. А.А. Реана. М.: Арткитчен, 2021.
4. Азбука счастливой семьи: 30 уроков осознанного родительства / Д. Машкова. М.: Эксмо, 2021.
5. Карцева Л.В. Семьеведение: Книга для учителя: Учебно-методическое пособие / Под науч. ред. Л.В. Карцевой; 3-е изд-е, перераб. и доп. Казань: Казанский государственный институт культуры, 2016.
6. Реан А.А., Коновалов И.А. Современные практики преподавания основ семейной жизни в школе // Педагогика. 2018. № 8. С. 57–68.
7. Сивоплясова С.Ю. Влияние пандемии COVID-19 на брачность и разводимость в России // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2. С. 18–29. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.2; EDN: ZRIZXK.
8. Абдульязнов А.Р., Рустамова Г.М. Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодёжи // Народонаселение. 2024. Т. 27. № S1. С. 94–106. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106; EDN: RGQIRV.
9. Реан А.А. Отношение молодёжи к институту семьи и семейным ценностям // Национальный психологический журнал. 2016. № 1 (21). С. 3–8.
10. Алёхин А.Н., Локтева А.В., Дубинина Е.А. Образ родителей у подростков, склонных к алкоголизации // Тюменский медицинский журнал. 2014. № 1. С. 28–30.
11. Водяха Ю.Е. Сравнительный анализ образа отца и образа матери у подростков с интернет-зависимостью // Педагогическое образование в России. 2015. № 1. С. 119–123.
12. Реан А.А., Коновалов И.А. Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 60–80. DOI: 10.17759/sps.2018090205.
13. Реан А.А. Семья как фактор социальных девиаций личности // Российский психологический журнал. 2007. Т. 4. № 1. С. 25–29.
14. Реан А.А. Семья в представлении подростков с просоциальным и асоциальным поведением / А.А. Реан, И.А. Коновалов, М.А. Новикова // Мир психологии. 2018. № 1 (93). С. 75–88. EDN: XMPWDB.
15. R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. 2023. URL: <https://www.R-project.org/> (дата обращения: 25.07.2024).
16. Posit team. RStudio: Integrated Development Environment for R. Posit Software, PBC, Boston, MA. 2024. URL: <http://www.posit.co/> (дата обращения: 25.07.2024).
17. Wickham H., Bryan J. readxl: Read Excel Files. R package version 1.4.2, 2023. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=readxl> (дата обращения: 25.07.2024).

18. Wickham H., François R., Henry L., Müller K., Vaughan D. dplyr: A Grammar of Data Manipulation. R package version 1.1.2, 2023. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=dplyr> (дата обращения: 25.07.2024).
19. Harel D. sur: Companion to «Statistics Using R: An Integrative Approach». R package version 1.0.4, 2020. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=sur> (дата обращения: 25.07.2024).
20. Revelle W. psych: Procedures for Psychological, Psychometric, and Personality Research. Northwestern University, Evanston, Illinois. R package version 2.3.6, 2023. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=psych> (дата обращения: 25.07.2024).
21. Реан А.А. Семья в структуре ценностей молодёжи // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. №. 1. С. 62–76.
22. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Политиздат, 1971.

Young People's Attitude Towards Family and Marriage

Artur Alexandrovich Rean – Member of the Russian Academy of Education; DSc (Psychology); Head of the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression in Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research; Chairman, Coordinating Research Council on Families and Childhood, Russian Academy of Education.

E-mail: profrean@yandex.ru

Ivan Alexandrovich Konovalov – PhD (Psychology); Researcher, Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression in Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research.

E-mail: iv.konovalov@yandex.ru

The article discusses the results of a study on social representations among young people regarding attitudes towards family and marriage, individual prospects, plans for family creation, unregistered marriages, and childbirth in these unions. It also explores attitudes towards the reasons for starting a family and conditions for a successful marriage, as well as changes in social representations over time. The study analyzes trends in the general attitudes of young people towards these topics over a period of six years. It finds that most respondents believe it is necessary to prepare individuals for starting a family by teaching family values, and there is an increasing trend towards introducing courses on family life in schools. The vast majority of young people plan to start a family and have two children in the future. However, there is also a growing trend among young people to plan for having only one child. The results of this study are discussed in light of demographic trends and current issues in youth policy.

Keywords: youth, social perception, image, family, marriage, family studies

REFERENCES

1. S novogo uchebnogo goda v shkolakh budet vvedyon kurs vneurochnykh zanyatii «Sem'evdenie». – 2024. [Elektronnyi resurs] URL: <https://edu.gov.ru/press/8303/s-novogo-uchebnogo-goda-vshkolah-budet-vveden-kurs-vneurochnyh-zanyatij-semevedenie/> (data obrashcheniya: 25.07.2024) (in Russian).
2. Sem'evdenie (Osnovy semeinoi zhizni) dlya uchashchikhsya 9–11 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii: Uchebno-metodicheskoe posobie / A.A. Rean, I.A. Konovalov, N.L. Moskvichyova, M.A. Novikova; Pod red. A.A. Reana. M.: Artkitchen, 2019 (in Russian).

3. Sem'evdenie (Osnovy semeinoi zhizni): Kniga dlya uchashchikhsya 9–11 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii / A.A. Rean, I.A. Konovalov, N.L. Moskvicheva, M.A. Novikova; Pod red. A.A. Reana. M.: Artkitchen, 2021 (in Russian).
4. Azbuka schastlivoi sem'i: 30 urokov osoznannogo roditel'stva / D. Mashkova. M.: Eksmo, 2021 (in Russian).
5. Kartseva L.V. Sem'evdenie: Kniga dlya uchitelya: Uchebno-metodicheskoe posobie / Pod nauch. red. L.V. Kartsevoi; 3-e izd-e, pererab. i dop. Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2016 (in Russian).
6. Rean A.A., Konovalov I.A. Sovremennye praktiki prepodavaniya osnov semeinoi zhizni v shkole // Pedagogika. 2018. № 8. S. 57–68 (in Russian).
7. Sivoplyasova S.Yu. Vliyanie pandemii COVID-19 na brachnost' i razvodimost' v Rossii // Narodonaselenie. 2023. T. 26. № 2. S. 18–29. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.2; EDN: ZRIZXK (in Russian).
8. Abdul'zhanov A.R., Rustamova G.M. Brachnoe i reproduktivnoe povedenie sovremennoi rossiiskoi molodyozhi // Narodonaselenie. 2024. T. 27. № S1. S. 94–106. DOI: 10.24412/15617785-2024-S1-94-106; EDN: RGQIRV (in Russian).
9. Rean A.A. Otnoshenie molodyozhi k institutu sem'i i semeinym tsennostyam // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2016. № 1 (21). S. 3–8 (in Russian).
10. Alyokhin A.N., Lokteva A.V., Dubinina E.A. Obraz roditeli u podrostkov, sklonnykh k alkogolizatsii // Tyumenskii meditsinskii zhurnal. 2014. № 1. S. 28–30 (in Russian).
11. Vodyakha Yu.E. Sravnitel'nyi analiz obraza ottsa i obraza materi u podrostkov s internet-zavisimost'yu // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2015. № 1. S. 119–123 (in Russian).
12. Rean A.A., Konovalov I.A. Sotsial'no-pertseptivnyi obraz razlichnykh sotsial'nykh grupp v soznanii podrostkov // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2018. T. 9. № 2. S. 60–80. DOI: 10.17759/sps.2018090205 (in Russian).
13. Rean A.A. Sem'ya kak faktor sotsial'nykh devyatsii lichnosti // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal. 2007. T. 4. № 1. S. 25–29 (in Russian).
14. Rean A.A. Sem'ya v predstavlenii podrostkov s prosotsial'nym i asotsial'nym povedeniem / A.A. Rean, I.A. Konovalov, M.A. Novikova // Mir psikhologii. 2018. № 1 (93). S. 75–88. EDN: XMPWDB (in Russian).
15. R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. 2023. URL: <https://www.R-project.org/> (data obrashcheniya: 25.07.2024).
16. Posit team. RStudio: Integrated Development Environment for R. Posit Software, PBC, Boston, MA. 2024. URL: <http://www.posit.co/> (data obrashcheniya: 25.07.2024).
17. Wickham H., Bryan J. readxl: Read Excel Files. R package version 1.4.2, 2023. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=readxl> (data obrashcheniya: 25.07.2024).
18. Wickham H., François R., Henry L., Müller K., Vaughan D. dplyr: A Grammar of Data Manipulation. R package version 1.1.2, 2023. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=dplyr> (data obrashcheniya: 25.07.2024).
19. Harel D. sur: Companion to «Statistics Using R: An Integrative Approach». R package version 1.0.4, 2020. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=sur> (data obrashcheniya: 25.07.2024).
20. Revelle W. psych: Procedures for Psychological, Psychometric, and Personality Research. Northwestern University, Evanston, Illinois. R package version 2.3.6, 2023. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=psych> (data obrashcheniya: 25.07.2024).
21. Rean A.A. Sem'ya v strukture tsennosti molodyozhi // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal. 2017. T. 14. № 1. S. 62–76 (in Russian).
22. Yaroshevskii M.G. Psikhologiya v XX stoletii: teoreticheskie problemy razvitiya psikhologicheskoi nauki. M.: Politizdat, 1971 (in Russian).

Индекс УДК 159.99

Код ГРНТИ 15.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-78-85

**П.Н. ЕРМАКОВ,
И.В. АБАКУМОВА,
Е.В. ПЛЕШАКОВА***

Стратегии женщин при выборе брачного партнёра

В статье рассмотрены известные в предметном поле стратегии выбора брачного партнёра, их применимость к осуществлению данного выбора женщинами; установлены теоретические предпосылки к изучению уровня осознанности действий женщин, применяющих разные стратегии для выбора супруга. Проанализированы концепции отечественных и зарубежных авторов, являющиеся основанием для выделения существующих стратегий, и описаны различные критерии, на основе которых осуществляется выбор брачного партнёра. Рассмотрен также смысловой выбор как потенциальная стратегия выбора брачного партнёра. Установлено, что ценностно-смысловая сфера личности представляет собой некий общий знаменатель для известных критериев выбора супруга, поскольку определяет, какие критерии будут важны для женщины как отдельной личности. Проведённый анализ подтверждает невозможность разработки универсальной концепции выбора брачного партнёра в целом, поскольку формирование структур, определяющих главенствующие категории в выборе брачного партнёра, происходит на основе индивидуального жизненного пути личности.

Ключевые слова: выбор брачного партнёра, стратегии выбора супруга, осмысленность жизни, смысловой выбор, смысловые аспекты выбора

Переживание одиночества является поводом для активного поиска партнёра; однако, как отмечают А. Анцибор и А. Николау, препятствия в поиске брачного партнёра могут лишь усилить это переживание [1]. В целом

поиск и выбор брачного партнёра — тема, широко изученная в психологической науке. Авторы сформулировали разные стратегии этого выбора, объединённые в различные классификации. Изучены также факторы, препятствующие поиску

* **Ермаков Павел Николаевич** — академик РАО, доктор биологических наук, заведующий кафедрой психофизиологии и клинической психологии Южного федерального университета.
E-mail: paver@sfedu.ru

Абакумова Ирина Владимировна — академик РАО, доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей и консультативной психологии, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского государственного технического университета.
E-mail: ivabakumova@sfedu.ru

Плешакова Елена Валерьевна — ассистент кафедры общей и консультативной психологии Донского государственного технического университета.
E-mail: pleshakova_lenochka@mail.ru

партнёра и вступлению в брак, носящие как психологический (например, трудности в общении, невротизация личности и др.), так и объективный характер, связанный с современной жизнью (например увеличение численности населения, сужение круга общения жителя мегаполиса и др.). Это ставит проблему выбора брачного партнёра в ряд актуальных исследовательских тем современной психологии [2, 3].

Стратегии выбора брачного партнёра

Для исследования осознанности действий женщин с различными видами стратегий выбора брачного партнёра необходимо, во-первых, рассмотреть существующие в научном поле стратегии. Дело в том, что применение неэффективных стратегий или их неверное применение может стать препятствием на пути поиска брачного партнёра [4]. Известные стратегии базируются на различных теориях, сосредоточенных на выделении принципов, на основе которых человек принимает решение о том, подходит ли ему рассматриваемый человек для брачных отношений или нет. На данный момент существует два подхода к изучению выбора супруга у женщин: биологический и психологический [5].

Так, ряд теорий позволил выделить стратегию, согласно которой *выбор брачного партнёра осуществляется с точки зрения удовлетворения потребностей индивида*. Данная стратегия основана на ряде зарубежных теорий, рассматривающих удовлетворение потребностей индивида как основную цель взаимодействия с партнёром, например теория удовлетворения потребностей Р. Уинча [6], теория выбора брачного партнёра Дж. Эдвардса [7], инструментальная теория подбора супругов Р. Сентерса [8], теория обмена Дж. Хоманса [9]. Рассматриваемая стратегия является универсальной для обоих полов, однако Р. Сентерс отмечает, что наиболее важные потребности, удовлетворение которых индивиды ищут в партнёрах, разнятся для мужчин и женщин.

Теория выбора супруга Э. Уолстера и Э. Бершейда позволила сформулировать *стратегию выбора романтического партнёра, связанную с принципом равенства* [10]. Данная стратегия подразумевает поиск партнёра, готового вкладываться в отношения наравне с индивидом, поскольку, как утверждают авторы теории, только в случае соблюдения баланса «вкладываю – получаю» индивид и партнёр будут счастливы.

Психоаналитические теории выбора брачного партнёра предлагают нам *бессознательные стратегии, основанные на проекции образа родителя на потенциального партнёра, соответствии его внутреннему архаическому идеалу партнёра или самого индивида*. А.Р. Близнюк называет эти три принципа: «поиск Эдипа», «бессознательная привязанность» и «нарциссический поиск» [11].

Следующая теория, разработанная А. Керкгоффом, К. Дэвисом и Дж. Удри, породила так называемую *стратегию фильтров* [6]. Применяя данную стратегию, женщина отсеивает потенциальных брачных партнёров посредством оценивания их с помощью ряда фильтров. Эти фильтры вступают в силу поэтапно – от первого к последнему. При этом последний из них основывается на особенностях не только партнёра, но и самого индивида: например возраст готовности к заключению брака у мужчин и женщин различается (у мужчин это 27–28 лет, у женщин – 22–23 года), что также становится некоторым препятствием к осуществлению выбора брачного партнёра. В браке ровесников, с точки зрения Дж. Удри, инициаторами заключения брака являются женщины [12].

Особенности выбранной стратегии обуславливают критерии, по которым будет выбран подходящий брачный партнёр. Психологическая наука, а именно – семейная психология, давно и глубоко изучает критерии отбора потенциального супруга. Так, кросс-культурное исследование Д. Басса, эмпирическим объектом которого стали 10 тысяч мужчин и женщин со всего мира,

выявило, что наиболее важным критерием при выборе партнёра является взаимная любовь или привязанность, а также важны надёжность, приятный характер, эмоциональная устойчивость и зрелость [13]. При этом «приятность» характера партнёра, как и критерии надёжности, могут быть субъективны, и потому данный перечень, хоть и общ для большого числа людей, не может дать психологии ответ на вопрос «как человек выбирает человека?».

Критерии выбора брачного партнёра могут быть основаны на гендерной, культурной принадлежности и опираться на личностные особенности индивида. Так, С.А. Юнель с соавторами [14] выделили три кластера испытуемых по их характеристикам и критериям выбора супруга.

- *Профессионально ориентированные.* Обладают ориентацией на карьерный рост, внесемейные интересы и предпочитают видеть в партнёре заинтересованность в построении карьеры. Этот кластер скорее можно отнести к стратегии, связанной с принципом равенства.
- *Семейные.* Эмоционально стабильны, экстернальны, интровертированы, доверчивы, безразличны к своей внешности. При этом в партнёре они ищут жёсткости, волевого принятия решений, полного посвящения себя семье. Индивиды, относящиеся к данному кластеру, скорее будут прибегать к стратегии нарциссического поиска, выбирая партнёра с набором тех качеств, которыми они сами хотели бы обладать.
- *Независимые.* Данному типу присущи импульсивность, смелость, сдержанность и самодостаточность. При этом у них больше всего требований к партнёру.

Т.В. Ледовская, исследуя выбор брачного партнёра женщинами, установила различия в критериях, по которым этот выбор делают женщины разных возрастных категорий на основе своих ценностей [15] (табл.).

Всё вышеперечисленное отражает тот или иной механизм определения места потенциального партнёра в жизненной перспективе женщины. Это определённый

набор ожидаемых и запланированных событий, которые взаимосвязаны с индивидуальным смыслом жизни индивида [16–18]. Смысловая сфера личности в целом определяет психологическую готовность индивида к браку, внося свой вклад в выбор потенциального супруга, поскольку в соответствии со структурой личностных смыслов человек преобразует пространство объективной реальности, выбирая лишь то, в чём он усматривает смысл, что он им наделяет [19]. Рассмотренные критерии выбора брачного партнёра (предпочтения, установки, убеждения, неповторимый жизненный опыт, ценности) подводят к ещё одной стратегии, выделенной нами ранее, — смысловому выбору супруга женщиной [20].

Смысловой выбор брачного партнёра: стратегия или механизм?

Итак, в смысловом выборе, как мы выяснили ранее, проявляется уникальный порядок, которым характеризуется система ценностей индивида. «Мера такого порядка определяется соотношением между количественной выраженностью слабо функционально зависимых семейных ценностей у женщины в их совокупной значимости, которая ограничивается особенностями личности женщины и ситуацией вступления в брак (объективная возможность выбора, экономический и социальный статус, возраст женщины и т.д.)» [20, с. 7]. Принятие или отвержение межкультурного брака по сути является примером влияния системы ценностей на выбор брачного партнёра. Подобным примером может выступать и тот факт, что для женщин Индонезии при выборе мужа очень важны как принадлежность к семейному классу, так и образование [21].

В предыдущих наших исследованиях, проанализировав концептуальные модели смыслового выбора И.В. Абакумовой и Д.А. Леонтьева, мы ввели рабочее понятие «смысловой выбор супруга женщиной на этапе создания семьи», определив его как «выбор одной альтернативы из всей совокупности возможных, осуществлённый

Таблица

Изменения критериев выбора в зависимости от возраста женщины

Возраст женщины	Значимые критерии	Незначимые критерии
от 18 до 25 лет	Взаимная любовь, уважение и принятие со стороны партнёра, честность, привлекательность, уверенность в себе, верность, забота, умение оказать психологическую поддержку	Трудолюбие, чувство вкуса, зрелость, сексуальная совместимость, стрессоустойчивость, материальные возможности
от 26 до 39 лет	Привлекательность, взаимные чувства, материальные возможности, верность, интеллект, трудолюбие, сексуальная совместимость, способность мужчины быть хорошим отцом	Романтичность, идеализация отношений
от 40 до 59 лет	Трудолюбие, взаимные чувства, зрелость, способность мужчины быть хорошим семьянином, обеспечить семью, сексуальная совместимость, надёжность, взаимопонимание, доверие, общие интересы, внимательность к состоянию женщины	Чувство вкуса, идеализация отношений
от 60 лет	Зрелость, приятный характер, трудолюбие, сексуальная совместимость, интеллект, ухоженность, взаимопонимание, поддержка	–

женщиной на основе порядка в структуре её семейных ценностей и в условиях относительно высокой значимости этого выбора» [20, с. 8]. Согласно И.В. Абакумовой с соавторами, смысловой выбор отличается от логического тем, что является более трудным когнитивным процессом, который в первую очередь опирается на систему личностных смыслов [22]. Высокая значимость провоцирует оптимизацию числа критериев выбора [23].

При этом осмысленность жизни имеет непосредственное отношение к определению степени значимости альтернатив, из которых проводится выбор. Именно поэтому осмысленность жизни следует рассматривать как предиктор смыслового выбора потенциального брачного партнёра и изучать её особенности в связи со стратегиями и категориями выбора супруга. Она взаимосвязана с целями в жизни, трансцендентными ценностями и является мерой устойчивости направленности жизнедеятельности на определённый смысл. Смысл же выступает ориентиром в свободном выборе личности и её существовании в поле данного выбора.

Обсуждение и заключение

Проведённый анализ стратегий и критериев выбора брачного партнёра позволил обнаружить, что часть из них осуществляется бессознательно, а осознаваемые аспекты довольно поверхностны. Введение категории смысла и концепции смыслового выбора в изучение данного предметного поля позволяет внести ясность в существующие противоречия и отразить субъективность выбора супруга.

Выбор брачного партнёра является объектом многих как зарубежных, так и отечественных исследований. Этот факт подтверждает наличие большого числа моделей, теорий и концепций выбора супруга, породивших различные стратегии его осуществления. Так, В.В. Ребенок в подтверждение наших выводов отмечает, что выбор партнёра для романтических и брачных отношений как процесс является не только сложным и многоаспектным [24], но и индивидуальным, поскольку зависит не только от внешних условий и качеств предполагаемого партнёра, но и от личного опыта субъекта выбора. В него входят различные аспекты жизненного пути, такие

как особенности родительских отношений и детско-родительского взаимодействия, факторы, сформировавшие отношение субъекта к себе и окружающим, а также различные события и акты социального взаимодействия. В процессе жизненного пути личность приобретает индивидуальный набор ценностей [25] и смысловых образований, оказывающих влияние на её поведение в ситуации выбора и критерии, которыми она будет руководствоваться в ходе этого выбора, в том числе — в до-брачных отношениях.

Фактор выбора брачного партнёра Т.В. Ледовская определяет как некую движущую силу, причину, существенное обстоятельство, влекущее за собой принятие решения о вступлении в брак с определённым партнёром [15]. Рассмотрев известные концепции брачного выбора, мы можем заключить, что их можно классифицировать следующим образом:

1. Фильтры, через которые женщина отсеивает молодых людей, претендующих на роль супруга. Особенностью данной категории факторов является баланс негативных и позитивных черт обоих партнёров. Фильтры могут быть раз-

ными в зависимости от теории, на основе которой они выделяются, однако чаще всего такими фильтрами выступают либо стадии развития отношений, либо определённые ценности.

2. Удовлетворение потребностей субъекта выбора брачного партнёра. В данном случае выбранный партнёр дополняет субъекта выбора своими качествами, способностями и ресурсами.

3. Отбор партнёра по критериям, необходимым для максимизации качества брака. Здесь брак и семья выступают скорее как цель, как нечто, наделённое личностным смыслом для субъекта выбора. Также целью и ценностью в данном случае может выступать, например, рождение детей; и тогда высокосignимыми факторами выбора партнёра будут выступать генетические особенности и репродуктивные возможности, а также ресурсы для обеспечения благополучия потомства.

Таким образом, многие стратегии выбора брачного партнёра и отбора его по критериям граничат со смысловым выбором и осмысленностью жизни, где последняя выступает скорее предиктором, чем зависимой переменной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцибор Л., Николоау А. Теоретические подходы к проблеме выбора брачного партнёра // *Revistă Ştiinţifică a Universităţii de Stat din Moldova*. 2013. № 9 (69). С. 154–161.
2. Обозов Н.Н., Обозова А.Н. Три подхода к исследованию психологической совместимости // *Вопросы психологии*. 1981. № 6. С. 98–101.
3. Обозов Н.Н. Межличностные отношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979.
4. Елизаров А.Н. Психологическое консультирование семьи: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям и специальностям психологии. М.: Ось-89, 2004.
5. Близнюк А.Р. Критерии выбора брачного партнёра для создания будущей семьи // *Психология и педагогика в Крыму: пути развития*. 2019. № 1. С. 109–119.
6. Андреева Т.В. Психология современной семьи: Монография. СПб.: Речь, 2005.
7. Андреева Т.В. Семейная психология: Учебное пособие. СПб.: Речь, 2004.
8. Алешина Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. Изд. 2-е. М.: Независимая фирма «Класс», 1999.
9. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен. Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 82–91.
10. Berkowitz L. *Equity Theory: Toward a General Theory of Social Interaction*. USA: Academic Press Inc.; United Kingdom: Academic Press Inc. London, 1976.

11. Близнюк А.Р. Бессознательный выбор брачного партнёра // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2018. № 4. С. 220–227.
12. Kerckhoff A., Davis K. Value consensus and need complementary in mate selection // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. Pp. 295–303.
13. Басс Д. Стратегия выбора партнёра // Сексология: Хрестоматия. СПб.: Питер, 2001.
14. Юнель С.А., Балуюкова И.Б., Сушко А.С. Личностные особенности студентов, детерминирующие выбор брачного партнёра // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 2.
15. Ледовская Т.В. Факторы выбора брачного партнёра на разных возрастных этапах // Вестник ВятГУ. 2021. № 3. С. 131–138.
16. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
17. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2000.
18. Кроник А., Ахмеров Р. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2008.
19. Рябикина З.И. Семья как событие: ориентированность субъектности личности на поддержку приватности и личностной идентичности // От истоков к современности: 130 лет организации Психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 т. 2015. Т. 1. С. 154–156.
20. Плешакова Е.В. Проблема особенности смыслового выбора супруга женщиной на этапе создания семьи // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4. № 5. С. 79–86. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-79-86>.
21. Malhotra A. Gender and changing generational relations: Spouse choice in Indonesia. Demography. 1991. Vol. 28. № 4. Pp. 549–570. <https://doi.org/10.2307/2061422>.
22. Абакумова И.В., Годунов М.В., Гурцкой Д.А. Смысловой выбор как психологическая проблема // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2019. № 4. С. 413–420.
23. Плешакова Е.В. Структура субъективных критериев выбора супруга как фактор его осмысленности у женщин до и после подачи заявления в ЗАГС // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 6.
24. Ребенок В.В. Обзор влияния установок и элементов типажа на выбор романтического и брачного партнёра // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2022. Т. 5. № 1. С. 53–65. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-1-53-65>.
25. Любцова А.В. Ценностные ориентиры современной молодёжи в контексте формирования просоциального поведения // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17. № 4. С. 65–79. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.4.5>.

Women's Strategies for Choosing a Partner for Marriage

Pavel Nikolaevich Ermakov – Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Biological Sciences, Head of the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology of the Southern Federal University.

E-mail: paver@sfned.ru

Irina Vladimirovna Abakumova – Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychological Sciences, Head of the Department of General and Consultative Psychology, Dean of the Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology of the Don State Technical University.

E-mail: ivabakumova@sfned.ru

Elena Valerievna Pleshakova – Assistant of the Department of General and Consultative Psychology of the Don State Technical University.

E-mail: pleshakova_lenochka@mail.ru

This theoretical review is intended to consider the strategies of choosing a marriage partner known in the subject field, their applicability to the implementation of this choice by women and to establish theoretical prerequisites for studying the level of meaningfulness of women using different strategies for choosing a spouse. The article analyzes the concepts of Russian and foreign authors, which are the basis for highlighting existing strategies and describes various criteria based on which the choice of a marriage partner is carried out. Semantic choice is also considered as a potential strategy for choosing a marriage partner. It is established that the value-semantic sphere of personality represents a certain common denominator for the well-known criteria for choosing a spouse, since it determines which criteria will be important for a woman as an individual. The analysis confirms the impossibility of developing a universal concept of choosing a marriage partner in general, since the formation of structures that determine the dominant categories in choosing a marriage partner occurs because of an individual's life path.

Keywords: marriage partner choice, strategies for choosing a spouse, meaningful life, meaningful choice, aspects of personal life choices

REFERENCES

1. Antsibor L., Nikolau A. Teoreticheskie podkhody k probleme vybora brachnogo partnyora // Revistă Științifică a Universității de Stat din Moldova. 2013. № 9 (69). S. 154–161 (in Russian).
2. Obozov N.N., Obozova A.N. Tri podkhoda k issledovaniyu psikhologicheskoi sovместимости // Voprosy psikhologii. 1981. № 6. S. 98–101 (in Russian).
3. Obozov N.N. Mezhlchnostnye otnosheniya. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1979 (in Russian).
4. Elizarov A.N. Psikhologicheskoe konsul'tirovanie sem'i: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyam i spetsial'nostyam psikhologii. M.: Os'–89, 2004 (in Russian).
5. Bliznyuk A.R. Kriterii vybora brachnogo partnyora dlya sozdaniya budushchei sem'i // Psikhologiya i pedagogika v Krymu: puti razvitiya. 2019. № 1. S. 109–119 (in Russian).
6. Andreeva T.V. Psikhologiya sovremennoi sem'i: Monografiya. SPb.: Rech', 2005 (in Russian).
7. Andreeva T.V. Semeinaya psikhologiya: Uchebnoe posobie. SPb.: Rech', 2004 (in Russian).
8. Aleshina Yu.E. Individual'noe i semeinoe psikhologicheskoe konsul'tirovanie. Izd. 2-e. M.: Neza-visimaya firma «Klass», 1999 (in Russian).
9. Khomans Dzh. Sotsial'noe povedenie kak obmen. Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1984. S. 82–91 (in Russian).
10. Berkowitz L. Equity Theory: Toward a General Theory of Social Interaction. USA: Academic Press Inc.; United Kingdom: Academic Press Inc. London, 1976.
11. Bliznyuk A.R. Bessoznatel'nyi izbor brachnogo partnyora // Psikhologiya i pedagogika v Krymu: puti razvitiya. 2018. № 4. S. 220–227 (in Russian).
12. Kerckhoff A., Davis K. Value consensus and need complementary in mate selection // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. Pp. 295–303.
13. Bass D. Strategiya vybora partnyora // Seksologiya: Khrestomatiya. SPb.: Piter, 2001 (in Russian).
14. Yunel' S.A., Balyukova I.B., Sushko A.S. Lichnostnye osobennosti studentov, determiniruyushchie izbor brachnogo partnyora // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2020. № 2 (in Russian).
15. Ledovskaya T.V. Faktory vybora brachnogo partnyora na raznykh vozrastnykh etapakh // Vestnik VyatGU. 2021. № 3. 131–138 (in Russian).
16. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni. M.: Mysl', 1991 (in Russian).

17. Golovakha E.I. Zhiznennaya perspektiva i tsennostnye orientatsii lichnosti // Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov. SPb., 2000 (in Russian).
18. Kronik A., Akhmerov R. Kauxometriya: metody samopoznaniya, psikhodiagnostiki i psikhoterapii v psikhologii zhiznennogo puti. M.: Smysl, 2008 (in Russian).
19. Ryabikina Z.I. Sem'ya kak sobytie: orientirovannost' sub"ektnosti lichnosti na podderzhku privatnosti i lichnostnoi identichnosti // Ot istokov k sovremennosti: 130 let organizatsii Psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete: Sbornik materialov yubileinoi konferentsii: V 5 t. 2015. T. 1. S. 154–156 (in Russian).
20. Pleshakova E.V. Problema osobennosti smyslovogo vybora supruga zhenshchiny na etape sozdaniya sem'i // Innovatsionnaya nauka: psikhologiya, pedagogika, defektologiya. 2021. T. 4. № 5. S. 79–86. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-79-86> (in Russian).
21. Malhotra A. Gender and changing generational relations: Spouse choice in Indonesia. Demography. 1991. Vol. 28. № 4. Pp. 549–570. <https://doi.org/10.2307/2061422>.
22. Abakumova I.V., Godunov M.V., Gurtskoi D.A. Smyslovoi vybor kak psikhologicheskaya problema // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika». 2019. № 4. S. 413–420 (in Russian).
23. Pleshakova E.V. Struktura sub"ektivnykh kriteriev vybora supruga kak faktor ego osmyslennosti u zhenshchin do i posle podachi zayavleniya v ZAGS // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2022. T. 10. № 6 (in Russian).
24. Rebenok V.V. Obzor vliyaniya ustanovok i elementov tipazha na vybor romanticheskogo i brachnogo partnyora // Innovatsionnaya nauka: psikhologiya, pedagogika, defektologiya. 2022. T. 5. № 1. S. 53–65. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-1-53-65> (in Russian).
25. Lyubtsova, A.V. (2020). Value orientations of today's youth in the context of prosocial behavior. Russian Psychological Journal, 17(4), 65–79. DOI: 10.21702/rpj.2020.4.5.

Индекс УДК 159.9+316.6

Код ГРНТИ 15.31.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-86-96

**Л.А. ЦВЕТКОВА,
А.В. МИКЛЯЕВА,
С.А. БЕЗГОДОВА***

Ценностные предикторы актуальной и проспективной семейной идентичности у подростков с различными траекториями взросления

Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на определение ценностных предикторов актуальной и проспективной семейной идентичности у подростков с различными траекториями взросления. Участниками исследования стали 488 подростков 13–18 лет, демонстрирующих траектории уверенного, постмодернистского и инфантильного взросления, а также неопределённую траекторию взросления. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью методики «Кто Я? Двадцать предложений» М. Куна и Т. Макпартленда, краткой версии Ценностного опросника Ш. Шварца и модифицированной методики изучения самооценки Т.В. Дембо и С.Я. Рубинштейн. Установлено, что в структуре идентичности подростков актуальная семейная идентичность преобладает над проспективной. Ценность доброты является положительным предиктором показателей как актуальной, так и проспективной семейной идентичности. Ценность самостоятельности выступает негативным предиктором показателя актуальной семейной идентичности, ценность гедонизма — проспективной семейной идентичности; негативное влияние ценности самостоятельности на показатели актуальной семейной идентичности ярче всего наблюдается в подгруппе подростков с постмодернистской траекторией взросления, негативное влияние ценности гедонизма на показатели проспективной семейной идентичности — в подгруппе подростков с уверенным взрослением.

Ключевые слова: семейная идентичность, ценности, подростки, траектории взросления

* **Цветкова Лариса Александровна** — доктор психологических наук, профессор, академик РАО, вице-президент РАО.

E-mail: larac@mail.ru

Микляева Анастасия Владимировна — доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии Российского государственного педагогического университета (РГПУ) им. А.И. Герцена.

E-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Безгодова Светлана Александровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры профессиональной деятельности и ИТ в образовании РГПУ им. А.И. Герцена.

E-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

Семейная идентичность представляет собой результат осознания принадлежности к семейной группе, а также ассимиляции семейных ролей и связанных с ними образцов поведения [1], обеспечивая целостное понимание отношений, основанных на семейных ролях [2]. Этап наиболее интенсивного формирования семейной идентичности приходится на подростковый период [3], когда происходит становление идентичности в целом, развитие и соподчинение её различных компонентов, которые впоследствии продолжают развиваться в юношеском возрасте и в период ранней взрослости [4]. В подростковом возрасте происходит становление не только актуальной идентичности, являющейся результатом личностного самоопределения, но и перспективной идентичности, связанной с активным формированием временной перспективы [5] и интегрирующей представления о своих «будущих Я». Взаимодействие актуальной и перспективной идентичности в подростковом возрасте определяет характер взросления подростков, играя ключевую роль в укреплении мотивации к присвоению социальных ролей взрослого человека [6], составляющему атрибутивную характеристику взросления [7]. При этом по мере личностного созревания происходит изменение соотношения компонентов актуальной и перспективной идентичности в пользу усиления последней [8]. В ряде исследований показано, что между становлением семейной идентичности и временной перспективой личности существуют тесные взаимосвязи [9].

Становление актуальной семейной идентичности происходит в контексте взаимоотношений в родительской семье, в которые включён подросток; её модальность и содержание определяются, в первую очередь, степенью функциональности семейных отношений, проявляющейся в качестве коммуникации между членами семьи [10–12], в том числе межпоколенного взаимодействия [9]. Перспективная семейная идентичность, в свою очередь,

имеет значительно более сложную детерминацию и наряду с актуальной семейной ситуацией и образом родительской семьи [13] определяется также социальным опытом подростка [14] и широким спектром его личностных особенностей [15, 16]. Отдельно отмечаются ценностные предпосылки становления семейной идентичности [16–18].

Необходимо отметить, что актуальные семейные роли, составляющие содержание актуальной семейной идентичности, сопряжены с позицией «ребёнка» и содержат в себе потенциал противоречия с возрастными задачами развития подростков, в то время как перспективные семейные роли (супружеские и родительские), ассоциирующиеся с социальной ролью «взрослого», напротив, могут органично встраиваться в образ взрослости, определяющий характер взросления подростков [19]. Известно, что представления о семье в подростковом возрасте опосредованы психологическим возрастом [20]. Это даёт основания предполагать, что становление актуальной и перспективной идентичности взаимосвязано с траекториями взросления, реализуемыми подростками.

Траектории взросления – это аффективно окрашенные представления подростков о последовательности будущих событий и ролей в разных сферах жизни (в том числе в семейной), мотивирующие к освоению элементов роли взрослого человека и их последующей реализации в собственном поведении. Соотнесение двух ключевых показателей взросления – субъективно достигнутой взрослости и мотивации к взрослению – позволяет выделить четыре траектории взросления современных подростков: «уверенное взросление» (мотивированные к взрослению подростки с выраженной субъективной взрослостью), «инфантильное взросление» (немотивированные к взрослению подростки с низкими показателями субъективной взрослости), «постмодернистское взросление» (немотивированные к взрослению подростки

Таблица 1

Характеристика выборки

Подгруппы	Количество респондентов			Средний возраст
	Всего	В том числе юношей	В том числе девушек	
Уверенное взросление	99	45	54	16,22
Инфантильное взросление	21	8	13	16,79
Постмодернистское взросление	16	6	10	16,52
Запаздывающее взросление	3	2	1	16,26
Неопределённое взросление	349	170	179	16,31

Таблица 2

Ценностные профили подгрупп подростков, различающихся по показателям актуальной и проспективной семейной идентичности

Ценности	Актуальная семейная идентичность		F	Потенциальная семейная идентичность		F
	Да	Нет		Да	Нет	
Власть	3,90 ± 2,27	4,16 ± 2,35	1,17	4,30 ± 0,82	4,05 ± 2,34	0,33
Достижения	5,58 ± 2,09	5,68 ± 2,06	0,53	6,00 ± 1,83	5,64 ± 2,08	0,55
Гедонизм	5,72 ± 2,13	5,88 ± 2,15	0,76	5,20 ± 1,87	5,83 ± 2,15	0,92
Стимулирование	5,86 ± 1,94	5,76 ± 2,17	0,54	5,50 ± 1,84	5,81 ± 2,08	0,46
Самостоятельность	6,32 ± 1,90	6,38 ± 1,97	0,29	6,90 ± 1,73	6,34 ± 1,94	0,90
Универсализм	6,02 ± 1,96	5,82 ± 2,20	1,00	5,80 ± 1,75	5,90 ± 2,12	0,15
Доброта	6,21 ± 1,86	5,71 ± 2,17	2,61*	7,20 ± 1,55	5,88 ± 2,06	2,01*
Традиция	4,86 ± 2,28	4,49 ± 2,35	2,60*	5,30 ± 1,70	4,63 ± 2,34	0,91
Конформность	5,34 ± 2,15	4,98 ± 2,31	2,72*	6,20 ± 1,55	5,10 ± 2,26	1,53
Безопасность	6,10 ± 2,04	6,08 ± 2,10	0,08	6,40 ± 1,65	6,08 ± 2,08	0,48

Примечание: * – $p \leq 0,05$.

с выраженной субъективной взрослостью) и «запаздывающее взросление» (не мотивированные к взрослению подростки с низкими показателями субъективной взрослости) [6].

Имеющиеся в литературе данные показывают, что содержание проспективной семейной идентичности в подростковом возрасте во многом диффузно и противоречиво [18], что определяет необходимость изучения проспективной семейной идентичности подростков с различными траекториями взросления в контексте предположения о том, что неопре-

делённость содержания будущих семейных ролей может выступать фактором, затрудняющим освоение социальной роли взрослого человека. При этом данные о том, что представления о будущих семейных ролях в подростковом возрасте ценностно опосредованы [16–18], наряду со сведениями о ценностном опосредовании взросления [6], позволяют предположить, что взаимосвязи между семейной идентичностью и траекториями взросления могут различаться в зависимости от ценностных ориентаций подростка. Сказанное выше определило

Таблица 3

**Ценностные предикторы актуальной и проспективной семейной
идентичности у подростков**

Переменные	b*	SE b*	b	SE b	t	p
<i>Зависимая переменная: актуальная семейная идентичность (R² = 0,11)</i>						
Свободный член			0,35	0,09	3,95	0,00
Доброта	0,16	0,06	0,04	0,01	2,71	0,01
Самостоятельность	-0,11	0,06	-0,03	0,01	-1,99	0,05
<i>Зависимая переменная: проспективная семейная идентичность (R² = 0,09)</i>						
Свободный член			0,25	0,08	3,02	0,05
Доброта	0,14	0,06	0,01	0,00	2,37	0,02
Гедонизм	-0,09	0,06	-0,01	0,00	-1,61	0,11

цель представленного в статье эмпирического исследования, которая заключалась в определении ценностных предикторов актуальной и проспективной семейной идентичности у подростков с различными траекториями взросления.

Материалы и методы

Для оценки актуальной и проспективной семейной идентичности использовалась методика «Кто Я? Двадцать предложений» М. Куна и Т. Макпартленда, с помощью которой на основе результатов контент-анализа фиксировались упоминание респондентами актуальных («сын», «дочь», «брат», «сестра», «внук», «внучка» и т.д.) и проспективных («будущий муж», «будущая жена», «будущий отец», «будущая мать» и т.д.) семейных ролей, а также их позиция в структуре самоописания (3 балла – в первой трети самоописания, 2 балла – во второй трети, 1 балл – в последней трети, 0 баллов – роль не упоминалась). Ценностные ориентации подростков определялись с помощью краткой версии Ценностного опросника Ш. Шварца. Траектории взросления выявлялись на основе результатов модифицированной методики изучения самооценки Т.В. Дембо и С.Я. Рубинштейн на основании критериев, апробированных в нашем предыдущем исследовании [6].

В исследовании участвовали 488 старших подростков в возрасте 13–18 лет (52,7% девушек, 47,3% юношей), учащиеся общеобразовательных школ, учреждений среднего и высшего профессионального образования Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Совокупная выборка была разделена на пять подгрупп, различающихся демонстрируемыми траекториями взросления при сходном половозрастном составе (табл. 1). Подгруппа подростков, взросление которых было определено как «запаздывающее», была исключена из дальнейшего анализа в силу малочисленности.

Статистическая обработка эмпирических результатов проводилась с помощью пакета прикладных статистических программ Statistical10.0 и включала расчёт описательных статистик, дисперсионный, корреляционный и регрессионный анализы.

Результаты

Согласно полученным результатам, актуальные семейные роли встречаются в самоописаниях 39,3% опрошенных подростков. При этом в подгруппе, демонстрирующей инфантильное взросление, частота упоминания этих ролей в среднем в полтора раза выше, чем в остальных (уверенное взросление – 34,3%, постмодернистское взросление – 43,7%, неопределённая тра-

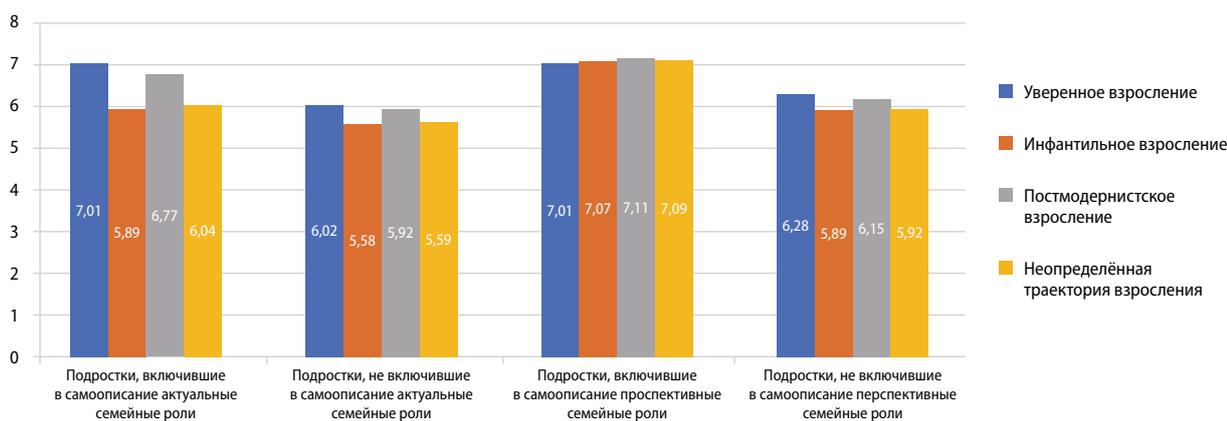

Рис. 1. Средние значения ценностного показателя «Доброта» в подгруппах подростков, демонстрирующих различные траектории взросления

ектория взросления – 39,2%), и составляет 52,3%. Будущие семейные роли (супружеские, родительские) подростки включали в самописания значительно реже – в 4,3% случаев. Причём чаще других их упоминали подростки с уверенным взрослением (11,1%), реже – подростки с неопределённой траекторией взросления (1,4%), подростки с инфантильной и постмодернистской траекториями взросления занимают промежуточное положение (4,7% и 6,3% соответственно).

Было обнаружено, что ценностный профиль подростков, упоминавших в самописании актуальные семейные роли, достоверно отличается от аналогичного профиля в группе сверстников, не включивших в их самописание, по параметрам «доброта», «традиции» и «комфортность», которые в их подгруппе продемонстрировали достоверно более высокие значения. Для подгрупп, выделенных по параметру «перспективные семейные роли в самописании», аналогичное различие было зафиксировано только по параметру «доброта» (табл. 2).

Согласно результатам регрессионного анализа (табл. 3), актуальная и перспективная семейная идентичность имеет общий ценностный предиктор – «доброта». Кроме того, отрицательный вклад в показатель актуальной семейной идентичности вносит ценностный предиктор «самостоятельность», а в показатель перспек-

тивной семейной идентичности – «гедонизм».

Дисперсионный анализ показал, что ценность «доброта» является универсальным предиктором показателей актуальной и перспективной семейной идентичности подростков независимо от демонстрируемой ими траектории взросления ($F = 0,41$ при $p = 0,74$ и $F = 0,34$ при $p = 0,70$ соответственно; рис. 1). Вместе с тем на уровне тенденции можно отметить более выраженный вклад ценности доброты в показатели актуальной семейной идентичности у подростков с уверенным и постмодернистским взрослением, по сравнению с подростками с инфантильным взрослением, а также с неопределённой траекторией взросления.

В отношении отрицательного вклада ценности «Самостоятельность» в показатели актуальной семейной идентичности можно отметить, что он наиболее очевиден в подгруппах подростков с постмодернистским и – в наибольшей степени – с инфантильным взрослением ($F = 3,44$ при $p = 0,04$; рис. 2). Для показателя «Гедонизм» выявлена статистическая тенденция ($F = 3,01$ при $p = 0,08$; рис. 3), согласно которой его наиболее заметный отрицательный вклад в показатели перспективной семейной идентичности наблюдается в подгруппах подростков с уверенным взрослением, а также с неопределённой траекторией взросления.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что подростки достоверно чаще упоминают в самоописаниях актуальные семейные роли, чем перспективные, в связи с чем можно констатировать, что в структуре семейной идентичности подростков компоненты, связанные с актуальными семейными ролями, существенно преобладают над ролями, присвоение которых прогнозируется в будущем. Эти данные соответствуют представленным в литературе сведениям о том, что в самоописаниях подростков число актуальных самоописаний существенно превышает количество характеристик «будущего Я» [8] и уточняет их применительно к такому компоненту идентичности подростков, как семейная идентичность.

Было установлено, что актуальные семейные роли включают в самоописания около 40% подростков, что, по нашему мнению, указывает на их относительную незначимость в структуре рефлекслируемых подростками собственных социальных ролей. При этом анализ данных с учётом характеристик взросления, демонстрируемых подростками, позволил установить, что актуальные семейные роли наиболее значимы для подростков, составивших подгруппу «инфантильное взросление», для которой характерно нежелание взрослеть на фоне низких показателей субъективной зрелости. Можно предполагать, что такие результаты обусловлены свойственной именно этим подросткам «детской» позицией в семейных отношениях [6], проявляющейся в принятии роли «ребёнка» («сына», «дочери», «внука», «внучки») в системе семейных отношений. Подростки, составившие остальные подгруппы, характеризуются более выраженными мотивацией к взрослению и/или субъективно

Рис. 2. Средние значения ценностного показателя «Самостоятельность» в подгруппах подростков, демонстрирующих различные траектории взросления

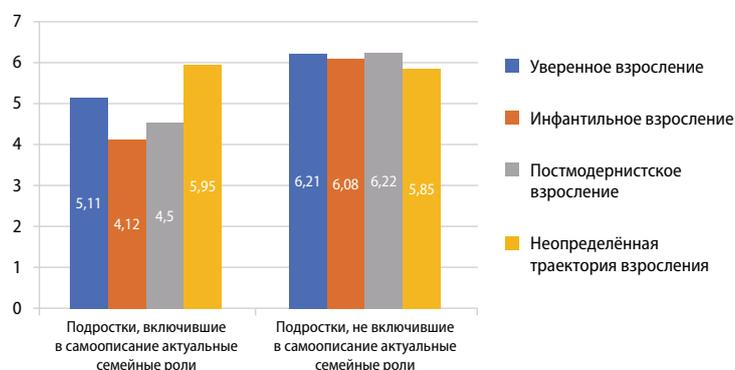

Рис. 3. Средние значения ценностного показателя «Гедонизм» в подгруппах подростков, демонстрирующих различные траектории взросления

достигнутой зрелостью, что, вероятно, приводит к снижению доли самоописаний в терминах актуальных семейных ролей как отражению эмансипационных тенденций, сопровождающих субъективное взросление.

Перспективные семейные роли упоминаются в самоописаниях подростков, т.е. примерно в 4% случаев в 10 раз реже, чем актуальные. Помимо отмеченного выше совпадения с общими тенденциями в преобладании в самоописаниях подростков актуальных ролей над перспективными, эти данные поддерживают представленные в литературе сведения о слабой выраженности перспективной семейной идентичности (в частности, родительской) в подростковом возрасте. Интересно, что достоверно чаще упоми-

вание перспективных семейных ролей встречалось в самоописаниях подростков, демонстрирующих уверенное взросление, для которых характерны выраженная мотивация к взрослению и высокий уровень субъективно достигнутой зрелости, что указывает на ассоциированность перспективной семейной идентичности подростков с успешным освоением роли взрослого человека. Поскольку уверенное взросление положительно взаимосвязано с личностной зрелостью подростков [6], можно говорить, что наши результаты косвенно подтверждают представленные в литературе сведения о том, что перспективная семейная идентичность в большей мере свойственна подросткам с наиболее высокими, по сравнению со сверстниками, показателями личностной зрелости [8]. Отметим, что наиболее редко будущие семейные роли упоминались подростками с неопределённой траекторией взросления, что можно интерпретировать как проявление своеобразного «моратория» (в терминах Дж. Марсия) во взрослении.

Сравнительный анализ показал, что подростки, в самоописания которых были включены актуальные семейные роли, дали более высокие оценки ценностям доброты, традиций и конформности, чем их сверстники, составившие противоположную по этому признаку подгруппу. Таким образом, включение в самоописания актуальных семейных ролей связано, в первую очередь, с социоцентрическими ценностями, ориентированными на поддержание имеющегося порядка и заботу о других. Ценность доброты также оказалась дифференцирующей для подгрупп подростков, упомянувших и не упомянувших в самоописаниях перспективные семейные роли. В совокупности эти данные косвенно сопоставимы с изложенными в литературе результатами, согласно которым конструктивные представления о будущих семейных ролях не поддерживаются эгоистическими ценностями [16]. В целом семейная идентичность в подростковом возрасте —

как актуальная, так и перспективная, судя по всему, поддерживается именно ценностями, имеющими социоцентрическую природу.

Сформулированное выше предположение о вкладе в показатели семейной идентичности подростков социоцентрических ценностей было подтверждено результатами регрессионного анализа, согласно которым универсальным положительным предиктором для показателей актуальной и перспективной семейной идентичности оказалась ценность доброты. Помимо этого, регрессионный анализ позволил обнаружить ценностные предикторы, различающиеся для актуальной и перспективной семейной идентичности: было показано, что отрицательный вклад в актуальную семейную идентичность вносит показатель самостоятельности, а в перспективную семейную идентичность — гедонизма. Эти результаты подтверждают сформулированные выше предположения о поддержке семейной идентичности подростков социоцентрическими ценностями и подчёркивают значимость для подростков, не включающих актуальные семейные роли в самописание, ценности самостоятельности, а также низкую значимость ценности гедонизма для подростков со сформированной перспективной семейной идентичностью.

На основе результатов дисперсионного анализа можно констатировать, что вклад ценности доброты в показатели актуальной и перспективной семейной идентичности подростков универсален и не зависит от демонстрируемых ими траекторий взросления, хотя на уровне тенденции можно отметить его несколько большую выраженность у подростков с уверенным и постмодернистским взрослением, которых объединяет выраженная мотивация к взрослению. Отрицательный вклад в показатели актуальной семейной идентичности оказался в наибольшей степени характерным для подростков с постмодернистским взрослением и в наименьшей — с инфантильным взрослением, которые

различаются по параметру субъективно достигнутой взрослости. Можно предполагать, что ценность «самостоятельность» негативно влияет на показатели актуальной семейной идентичности, в первую очередь, тех подростков, которые ощущают себя в достаточной степени взрослыми. Негативное влияние ценности гедонизма на показатели перспективной семейной идентичности, с учётом данных о том, что наиболее заметный отрицательный вклад в показатели перспективной семейной идентичности наблюдается в подгруппах подростков с уверенным взрослением, а также с неопределённой траекторией взросления, вероятно, связано с обеими характеристиками: и с субъективно достигнутой взрослостью, и с мотивацией к взрослению.

Результаты представленного исследования целесообразно учитывать в работе по психологическому сопровождению взросления подростков. В частности, создание условий для становления перспективной семейной идентичности, которое рассматривается в качестве одной из важнейших задач в контексте формирования готовности подростков к созданию собственной семьи и к родительству, целесообразно осуществлять в контексте поддержания и укрепления мотивации к освоению социальной роли взрослого человека, а также формирования ценностей, связанных с заботой о других людях. Актуальная семейная идентичность в этом контексте может рассматриваться как важнейшая предпосылка формирования перспективной идентичности в силу общности ценностного предиктора «доброта». Однако ориентированность подростков, включавших в самоописания актуальные семейные роли, на ценности сохранения может выступать фактором, затрудняющим освоение социальной роли взрослого. Вот почему особое внимание в системе сопровождения взросления целесообразно уделять работе по созданию условий для рефлексии подростками возможностей переноса значимых для них

традиций родительской семьи в свою будущую семью.

Заключение

На основе результатов эмпирического исследования, посвящённого определению ценностных предикторов актуальной и перспективной семейной идентичности у подростков с различными траекториями взросления, можно сделать ряд выводов.

- 1) Подростки достоверно чаще включают в самоописания актуальные семейные роли, чем будущие супружеские или родительские роли, что указывает на преобладание актуальной семейной идентичности над перспективной.
 - 2) Актуальная семейная идентичность наиболее выражена в подгруппе подростков, демонстрирующих инфантильное взросление, перспективная – у подростков с уверенным взрослением.
 - 3) Универсальным положительным ценностным предиктором для показателей актуальной и перспективной семейной идентичности является показатель доброты. Помимо этого, для показателей актуальной и перспективной семейной идентичности выявлены различные отрицательные предикторы – самостоятельность и гедонизм соответственно; при этом наиболее заметное негативное влияние ценности самостоятельности на показатели актуальной семейной идентичности наблюдается в подгруппе подростков с постмодернистской траекторией взросления, наиболее заметное негативное влияние ценности гедонизма на показатели перспективной семейной идентичности – в подгруппе подростков с уверенным взрослением.
- Перспективы исследования связаны с уточнением представлений о ценностном опосредовании становления перспективной семейной идентичности подростков с различными траекториями взросления, в частности, с изучением не только степени её выраженности, но также содержательных и модальных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.
2. Строкова С.С. Направления изучения семейной идентичности в психологии // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 3. С. 8–22.
3. Строкова С.С. Половозрастные особенности семейной идентичности подростков // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11. № 2. С. 22–29. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110203>.
4. Svensson Y., Frisén A. Dual-centric work/family identity in young adults // Self and Identity. 2021. Vol. 21 (7). Pp. 848–875. DOI: <https://doi.org/10.1080/15298868.2021.1950828>.
5. Белинская Е.П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. 2007. № 15. С. 237.
6. Микляева А.В., Королёва Н.Н., Безгодова С.А., Богдановская И.М., Рудыхина О.В., Углова А.Б., Панферов В.Н., Худяков А.И. Траектории взросления в постнеклассическую эпоху: психологические риски и возможности. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2023.
7. Выготский Л.С. Педология подростка. М.-Л.: ГУПИ, 1931.
8. Микляева А.В., Рудыхина О.В., Толкачёва А.С. Содержание образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» у подростков с различными характеристиками личностной зрелости // Интеграция образования. 2023. Т. 27 (1 (110)). С. 100–118.
9. Городилина М.В. Эмпирическое исследование семейной идентичности современной молодёжи в контексте биографической памяти поколений // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Т. 5. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/73PDMN517.pdf>.
10. Schrodtt P., Scruggs X. Young Adults' Shared Family Identity with Parents as a Function of Family Communication Patterns // Communication Reports. 2020. Vol. 34 (1). Pp. 14–25. <https://doi.org/10.1080/08934215.2020.1859573>.
11. Edirisingha P., Aitken R., Ferguson S. Setting up home: The role of domestic materiality in extended family identity formation // Journal of Business Research. 2022. Vol. 147. Pp. 1–15.
12. Phillips K.E., Soliz J. Reviewing family communication scholarship: toward a framework for conceptualizing a communicative perspective on family identity // Annals of the International Communication Association. 2020. Vol. 44. № 3. Pp. 258–272.
13. Карпова В.М., Филиппова Е.В. Представления о родительской и будущей семье в подростковом и юношеском возрасте // Психологическая наука и образование. 2013. Т. 18. № 4. С. 84–96.
14. Швецова М.Н., Томилина А.И. Образ будущей семьи в представлении подростков // Преподаватель XXI век. 2010. Т. 1. № 2. С. 189–192.
15. Зимина Н.А. Личностная зрелость молодёжи как критерий готовности к семейной жизни // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 1096–1100. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96136.htm>.
16. Лазаренко Г.А., Сафронова А.Д., Гапонова Г.И. Социально-психологические детерминанты представлений студенческой молодёжи о семье // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-2. С. 352–355.
17. Юнель С.А. Идеальный образ будущей семьи у юношей и девушек студенческого возраста // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/86PSMN623.pdf>.
18. Суворова О.В., Комиссарова Е.А., Егорова П.А. Представления старшеклассников о ключевых характеристиках будущей семьи // Нижегородский психологический альманах. 2018. № 1. С. 39–45.
19. Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. 1992. № 3–4. С. 7–13.

20. Горлова Е.Л. Представления о семье у подростков разного психологического возраста // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 24–32. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2018140203>.

Value Predictors of Current and Prospective Family Identity in Adolescents with Various Developmental Trajectories

Larisa Alexandrovna Tsvetkova – DSc (Psychology); Professor; Member of the Russian Academy of Education; Vice President, Russian Academy of Education.

E-mail: larac@mail.ru

Anastasia Vladimirovna Miklyaeva – DSc (Psychology); Professor, General and Social Psychology Department, Herzen University (Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen).

E-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Svetlana Alexandrovna Bezgodova – PhD (Psychology); Associate Professor, Department of Occupation and IT in Education, Herzen University.

E-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

The article presents the results of an empirical study aimed at searching the value predictors of current and prospective family identity in adolescents with different trajectories of transition to adulthood. The study participants were 488 adolescents aged 13–18, demonstrating trajectories of confident, postmodern and infantile transition to adulthood, as well as an uncertain trajectory of transition to adulthood. Empirical data was collected using the "Who am I? Twenty sentences" by M. Kuhn and T. McPartland, a short version of the Value Questionnaire of Sh. Schwartz and a modified methodology for studying self-esteem by T.V. Dembo and S.Ya. Rubinstein. The results suggest that in the structure of adolescent identity, the current family identity prevails over the prospective one. The value of benevolence is a positive predictor of indicators of both current and prospective family identity. The value of self-direction is a negative predictor of the indicator of current family identity, the value of hedonism is a prospective family identity. The negative impact of the value of self-direction on the current family identity is most clearly in the subgroup of adolescents with a postmodern trajectory of transition to adulthood, the negative impact of the value of hedonism on the prospective family identity is in the subgroup of adolescents with confident transition to adulthood.

Keywords: family identity, values, adolescents, trajectories of maturation

REFERENCES

1. Miklyaeva A.V., Rummyantseva P.V. Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2008 (in Russian).
2. Strokova S.S. Napravleniya izucheniya semeinoi identichnosti v psikhologii // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2014. № 3. S. 8–22.
3. Strokova S.S. Polovozrastnye osobennosti semeinoi identichnosti podrostkov // Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya. 2019. Т. 11. № 2. С. 22–29. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110203> (in Russian).
4. Svensson Y., Frisén A. Dual-centric work/family identity in young adults // Self and Identity. 2021. Vol. 21 (7). Pp. 848–875. DOI: <https://doi.org/10.1080/15298868.2021.1950828>.

5. Belinskaya E.P. Vremennye aspekty Ya-kontseptsii i identichnosti // Mir psikhologii. 2007. № 15. S. 237 (in Russian).
6. Miklyaeva A.V., Koroleva N.N., Bezgodova S.A., Bogdanovskaya I.M., Rudykhina O.V., Uglova A.B., Panferov V.N., Khudyakov A.I. Traektorii vzrosleniya v postneklassicheskuyu epokhu: psikhologicheskie riski i vozmozhnosti. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2023 (in Russian).
7. Vygotskii L.S. Pedologiya podrostka. M.-L.: GUPI, 1931 (in Russian).
8. Miklyaeva A.V., Rudykhina O.V., Tolkacheva A.S. Soderzhanie obrazov «Ya-seichas» i «Ya-vzroslyi» u podrostkov s razlichnymi kharakteristikami lichnostnoi zrelosti // Integratsiya obrazovaniya. 2023. T. 27 (1 (110)). S. 100–118 (in Russian).
9. Gorodilina M.V. Empiricheskoe issledovanie semeinoi identichnosti sovremennoi molodyozhi v kontekste biograficheskoi pamyati pokolenii // Internet-zhurnal «Mir nauki». 2017. T. 5. № 5. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/73PDMN517.pdf> (in Russian).
10. Schrodt P., Scruggs X. Young Adults' Shared Family Identity with Parents as a Function of Family Communication Patterns // Communication Reports. 2020. Vol. 34 (1). Pp. 14–25. <https://doi.org/10.1080/08934215.2020.1859573>.
11. Edirisingha P., Aitken R., Ferguson S. Setting up home: The role of domestic materiality in extended family identity formation // Journal of Business Research. 2022. Vol. 147. Pp. 1–15.
12. Phillips K.E., Soliz J. Reviewing family communication scholarship: toward a framework for conceptualizing a communicative perspective on family identity // Annals of the International Communication Association. 2020. Vol. 44. № 3. Pp. 258–272.
13. Karpova V.M., Filippova E.V. Predstavleniya o roditel'skoi i budushchei sem'e v podrostkovom i yunosheskom vozraste // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2013. T. 18. № 4. S. 84–96 (in Russian).
14. Shvetsova M.N., Tomilina A.I. Obraz budushchei sem'i v predstavlenii podrostkov // Prepodavatel' XXI vek. 2010. T. 1. № 2. S. 189–192 (in Russian).
15. Zimina N.A. Lichnostnaya zrelost' molodyozhi kak kriterii gotovnosti k semeinoi zhizni // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept». 2016. T. 15. S. 1096–1100. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96136.htm> (in Russian).
16. Lazarenko G.A., Safronova A.D., Gaponova G.I. Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty predstavlenii studencheskoi molodyozhi o sem'e // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2023. № 78-2. S. 352–355 (in Russian).
17. Yunel' S.A. Ideal'nyi obraz budushchei sem'i u yunoshei i devushek studencheskogo vozrasta // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. – 2023. T. 11. № 6. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/86PSMN623.pdf> (in Russian).
18. Suvorova O.V., Komissarova E.A., Egorova P.A. Predstavleniya starsheklassnikov o klyuchevykh kharakteristikakh budushchei sem'i // Nizhegorodskii psikhologicheskii al'manakh. 2018. № 1. S. 39–45 (in Russian).
19. El'konin B.D. Krizis detstva i osnovaniya proektirovaniya form detskogo razvitiya // Voprosy psikhologii. 1992. № 3–4. S. 7–13 (in Russian).
20. Gorlova E.L. Predstavleniya o sem'e u podrostkov raznogo psikhologicheskogo vozrasta // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2018. T. 14. № 2. S. 24–32. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2018140203> (in Russian).

СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Индекс УДК 159.922.736.3

Код ГРНТИ 15.31.00

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-97-109

**А.Н. ВЕРАКСА,
О.В. АЛМАЗОВА,
Д.А. БУХАЛЕНКОВА***

Вклад характера детско-родительских отношений в уровень развития регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте

Данное исследование направлено на изучение распределения типов привязанности к матери у современных российских детей и на выявление связи между типом привязанности к матери и уровнем развития регуляторных функций у старших дошкольников (N=439). Надёжный тип привязанности к матери определён у 52%, тревожно-амбивалентный — у 18%, тревожно-избегающий — у 22%, а дезорганизованный — у 8% детей. Оценки когнитивной гибкости и поведенческого торможения значимо выше у детей с надёжной привязанностью, чем с тревожно-амбивалентной и тревожно-избегающей. Оценки слухоречевой рабочей памяти значимо выше, а зрительной рабочей памяти значимо ниже у детей с тревожно-амбивалентным, чем у детей с тревожно-избегающим типом привязанности. При выполнении заданий на когнитивное торможение дети с тревожно-амбивалентным типом привязанности чаще прибегают к стратегии «избегания неудач», с избегающим — к стратегии «достижений». Дети с дезорганизованным типом привязанности к матери получили самые низкие оценки по всем заданиям на регуляторные функции.

* **Веракса Александр Николаевич** — академик РАО, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова.

E-mail: veraksa@yandex.ru

Алмазова Ольга Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: almaz.arg@gmail.com

Бухаленкова Дарья Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-78-30005).

Ключевые слова: привязанность к матери, дошкольный возраст, регуляторные функции, когнитивная гибкость, рабочая память, сдерживающий контроль

В рамках культурно-исторического подхода в психологии считается, что окружающие ребёнка условия играют принципиальную роль в его развитии (Л.С. Выготский, Л.А. Венгер, А.Н. Поддьяков, М.И. Лисина, А.В. Запорожец, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин, Е.О. Смирнова, Н.Е. Веракса и др.). Особенности социальной ситуации развития могут как способствовать психическому развитию ребёнка, так и негативно сказываться на нём. Период дошкольного детства – этап стремительного развития ребёнка, ключевую роль в котором играет его взаимодействие, в первую очередь, с близким взрослым, который, согласно Л.С. Выготскому [1], создаёт особые условия для освоения ребёнком культурного опыта. В дошкольном возрасте круг значимых отношений ребёнка расширяется, в него начинают включаться социальный взрослый (педагог дошкольного образовательного учреждения) и сверстник, прежде всего, как партнёр по играм. Сама образовательная среда становится важной основой для построения социальной ситуации развития ребёнка [2–4]. Изучение связи специфики социальной ситуации развития ребёнка дошкольного возраста с особенностями его психического развития (эмоционального, когнитивного, личностного и регуляторного) остаётся устойчивым направлением исследований в психологии [5, 6]. Одной из основных составляющих социальной ситуации развития дошкольника остаются детско-родительские и прежде всего детско-материнские отношения. Важной характеристикой детско-материнских отношений является тип привязанности ребёнка к матери [7].

Основные понятия теории привязанности

В середине прошлого века Дж. Боулби ввёл в психологию понятие «привязанность» как базовую онтогенетическую категорию. Хотя и до него психологи, начиная с З. Фрейда, предавали огромное значение ранним отношениям с матерью для последующего развития человека, именно Дж. Боулби при интерпретации этих отношений опирался на общую теорию систем, что позволило представить структуру привязанности как механизм внутренней регуляции поведения ребёнка начиная с самого раннего возраста [8]. Эта регуляторная система с рождения ориентирована на поиск защитной близости, контакта с матерью или заменяющим её взрослым в эмоционально сложной ситуации. У детей система привязанности быстро активизируется в ситуациях опасности, тревоги или просто ощущения дискомфорта. Контакт с матерью или заменяющим её взрослым снимает тревогу и даёт чувство защищённости. Это крайне важно, поскольку только после избавления от переживания опасности, тревоги или боли ребёнок способен переключить своё внимание на окружающий мир и решать задачи по его познанию и освоению, а значит, и своему развитию [8].

В связи с целым рядом условий привязанность приобретает у детей качественно разный характер. В классической теории привязанности принято различать четыре разных типа привязанности: надёжный тип, соответствующий наиболее гармоничному ходу развития ребёнка, два ненадёжных – тревожно-амбивалентный и тревожно-избегающий, а также дезорганизованный, который обычно встречается у детей с нарушениями развития. Первые три типа были выделены коллегой Дж. Боулби М. Эйнсворт, четвёртый – М. Мэйн [9, 10].

При надёжном (безопасном) (В) типе привязанности потребность ребёнка в безо-

требности ребёнка в безо-

пасности полностью удовлетворена, эмоциональный фон отношений с матерью позитивный, взаимодействия характеризуются близостью, теплотой и принятием, познавательная активность ребёнка высокая.

При *тревожно-избегающем* (А) типе привязанности ребёнок ожидает скорее не помощи, а отвержения со стороны взрослого. В связи с этим ребёнок зачастую использует стратегию «избегания». Познавательная активность снижена.

При *тревожно-амбивалентном* (С) типе привязанности ребёнок не уверен в получении помощи и поддержки со стороны взрослого, но в то же время не уверен и в том, что не получит помощи и поддержки. Это приводит к использованию стратегии «цепляния», когда ребёнок не отпускает от себя мать или заменяющего её взрослого. Познавательная активность снижена.

При *дезорганизованном* (D) типе привязанности ребёнок воспринимает мир как враждебный и угрожающий, его поведение можно описать как непредсказуемое и хаотичное.

У детей с первыми тремя типами привязанности (А, В, С) в большей или меньшей степени сформированы адаптивные схемы поведения и картина окружающего мира, в отличие от типа D (дезорганизованного), при котором у ребёнка нет таких схем [9, 11]. Типы А, С и D часто объединяют под одним названием «ненадёжная привязанность».

При изучении привязанности в аспекте культурных особенностей были обнаружены некоторые различия. Как пишет Н.Н. Авдеева: «Значение взаимоотношений привязанности и надёжности привязанности универсальны для всех культур, а культурные различия в классификации привязанностей показывают, как разнообразные тактики воспитания приводят к формированию того или иного вида привязанности. Дискуссионным является вопрос о том, что само понятие надёжной и ненадёжной привязанности варьирует от культуры к культуре» [12, с. 11].

По данным исследований, проведённых 20–30 лет назад, в России у детей с не-

надёжным типом привязанности чаще наблюдается тревожно-амбивалентная и реже тревожно-избегающая привязанность, чем к примеру, у американских и немецких детей [10]. При этом, что касается числа детей с надёжным типом привязанности, их в России не меньше, чем в Америке или Германии. По данным многих исследований доля детей с надёжным типом привязанности в России составляет от 50 до 60%. Вероятно, причина заключается в особенностях эмоционального взаимодействия с детьми. С одной стороны, ценность ребёнка очень высокая. С другой стороны, российские матери сильно фокусируются на социальных требованиях. Кроме того, у российских мам наблюдается определённая «ролевая перегрузка», что является причиной возникновения нехватки ресурсов (физических и эмоциональных), что, в свою очередь, может вызывать амбивалентность в привязанности. При этом мы можем отметить дефицит масштабных современных исследований привязанности к матери в нашей стране.

Регуляторные функции и тип привязанности к матери в старшем дошкольном возрасте

Убедительно показано, что регуляторные функции (РегФ) не только играют важную роль в познавательном и эмоциональном развитии дошкольников, но и являются значимым предиктором успешной адаптации и обучения детей в начальной школе (см., например, [13]).

В рамках исследования мы опирались на модель РегФ А. Мияке и его коллег [14]. РегФ авторы модели понимают как группу когнитивных навыков, которые способствуют целенаправленному решению человеком задач и помогают адаптироваться в разных ситуациях. Согласно модели А. Мияке, выделяются три основных компонента РегФ: 1) *рабочая память* (способность удерживать, обновлять и использовать для решения поставленной задачи информацию, которая уже не представлена в непосредственном восприятии (зрительная и слу-

ховая)); 2) *сдерживающий контроль*, или торможение (способность торможения доминирующих или импульсивных реакций в пользу требуемого ситуацией поведения); 3) *когнитивная гибкость* (способность переключаться между задачами, правилами, стимулами, мыслями, способами решения, взглядами на ситуацию и т.д.).

Важно заметить, что привязанность к матери изначально рассматривалась авторами как механизм эмоциональной саморегуляции [7, 8]. В связи с чем представляется закономерным предположение о связи типа привязанности к матери и регуляторных функций. Приведём примеры некоторых современных исследований.

На выборке из 62 полных семей с одним ребёнком изучалась связь между типом привязанности ребёнка к матери в 1–2 года и регуляторными функциями в 2–3 года [15]. Было установлено, что надёжная привязанность к матери связана с продуктивностью ребёнка при выполнении заданий на когнитивную гибкость и рабочую память. При этом тип привязанности оказался более сильным фактором, чем вербальные способности ребёнка, социально-экономический статус семьи и родительское поведение.

В другом исследовании на выборке из 120 детей в возрасте 9–13 лет были получены данные о типе привязанности к матери и об особенностях регуляторной сферы детей. Ненадёжность в привязанности к матери оказалась обратно связана с результатами диагностики регуляции детей. Добавление демографических ковариат к анализу существенно не изменило полученные эффекты [16].

В лонгитюдном исследовании А. Бернье с коллегами на выборке 105 диад мать–ребёнок было установлено, что у детей, у которых в возрасте 1,5 и 2 лет был определён надёжный тип привязанности к матери, в возрасте 5–6 лет, по оценкам педагогов, был выше уровень РегФ и меньше проблем в повседневных школьных ситуациях [17]. При этом тип привязанности к матери (надёжный/ненадёжный) имел большую

предсказательную силу уровня развития РегФ, чем социально-экономический статус семьи, возраст, пол и общий уровень когнитивного развития ребёнка.

В исследовании, проведённом на мультикультурной выборке 3349 детей из американских семей, изучалась связь между депрессивными симптомами матери, продиагностированными, когда детям было три года, и регуляторными функциями и поведенческими проблемами детей, измеренными, когда детям исполнилось четыре года [18]. У 36% выборки были выявлены признаки клинической депрессии. Показано, что теплота и привязанность в детско-материнских отношениях, а не другие из рассматриваемых факторов, поддерживают формирующуюся саморегуляцию детей и снижают вероятность раннего возникновения поведенческих проблем у детей в семьях, в которых у матерей наблюдаются депрессивные симптомы.

В большей части проведённых исследований акцент делался на анализе различий в развитии РегФ детей с надёжным и ненадёжным типами привязанности. Отдельно изучаются особенности детей с дезорганизованным типом привязанности, тогда как особенности регуляторного развития детей с тревожно-амбивалентным и тревожно-избегающим типами привязанности рассматриваются меньше.

Целями проведённого исследования выступили определение картины распределения детей с разными типами привязанности на современной российской выборке и проверка наличия связей между типом привязанности к матери и всеми компонентами РегФ (слухоречевая и зрительная рабочая память, когнитивная гибкость, поведенческое и когнитивное торможение) у старших дошкольников.

Методики

Для определения *типа привязанности* к матери была использована методика Н. Каплан [19]. В её основу положено задание составить рассказ, опираясь на серию из восьми картинок, изображающих ситуа-

цию разлуки ребёнка с матерью, улетающей на самолёте: 1) ребёнок с мамой направляются к самолёту; 2) мама стоит у самолёта, а ребёнок машет ей рукой; 3) ребёнок смотрит вслед улетающему самолёту; 4) ребёнок в одиночестве возвращается домой; 5) приходит почтальон и приносит ребёнку посылку; 6) ребёнок открывает посылку; 7) внутри посылки ребёнок обнаруживает игрушечный самолётик; 8) ребёнок грустит, почтальон стоит рядом.

Вначале ребёнку предлагается просто посмотреть на картинки, где нарисована история про одного мальчика (девочку), картинки раскладываются перед ним одна за другой. Далее предлагается рассказать историю по картинкам и объяснить, что происходит. После этого по каждой картинке ребёнка просят сказать, о чём здесь герой думает, какое у него настроение («что он тут чувствует?») и что собирается делать. Дополнительные вопросы: 1) если в посылке будет письмо, то что в нём будет написано; 2) что приснится ребёнку, когда он ляжет спать; 3) что будет, когда мама вернётся.

Для определения уровня развития регуляторных функций были использованы пять методик, показавшие свою эффективность на российской выборке [20]. Четыре из пяти методик являются субтестами нейропсихологического диагностического комплекса NEPSY-II [21], направленного на оценку психического развития детей в возрасте 3–16 лет.

Уровень развития *рабочей памяти* измерялся по двум методикам: субтесты NEPSY-II «Повторение предложений» и «Память на конструирование».

В субтесте «Повторение предложений» используются 17 предложений. Они располагаются в порядке увеличения сложности (предложения становятся и длиннее, и сложнее по структуре). В зависимости от числа ошибок при воспроизведении за каждое предложение ребёнок получает от 0 до 2 баллов. Максимальное число баллов за задание — 34.

При помощи субтеста «Память на конструирование» измерялись два аспекта

зрительной памяти: память на «образы» («Content score» — выбор картинок, как в образце, из массива похожих) и память на расположение («Spatial score» — выбор мест, где были расположены карточки в образце). В результате выполнения методики вычисляются оценки на образы, на расположение и на сочетание образов и расположение. Максимальное число баллов за методики — 120.

Переключение (когнитивная гибкость) и *торможение* диагностировались при помощи следующих методик: Сортировка карт по изменяемому признаку (Dimensional Change Card Sort [DCCS] [22]) и субтесты NEPSY-II «Торможение» и «Статуя».

Методика «Сортировка карт по изменяемому признаку» содержит три серии заданий. В первой ребёнок сортирует предложенные ему 6 карточек по цвету, во второй — 6 карточек по «форме», в третьей серии ребёнок должен, ориентируясь на внешний для цвета или формы стимул, раскладывать 12 карточек либо исходя из формы, либо исходя из цвета объекта на картинке. За каждую правильно разложенную карточку засчитывается 1 балл. Максимальное число баллов — 24.

Методика «Торможение» состоит из двух частей: называние и собственное торможение. Стимульный материал состоит из 40 геометрических фигур (квадратов и кругов) и 40 указателей направления (стрелочки вверх или вниз). На первом этапе ребёнка просят назвать все фигуры (и стрелки) в том порядке, в котором они находятся на карточках. На втором этапе, когда ребёнок видит «круг» он должен сказать «квадрат», а когда видит «квадрат» — «круг» (когда видит стрелку «вниз» сказать «вверх», если «вверх» — «вниз»). Фиксируются время, затраченное на выполнение задания, число допущенных ошибок и самоисправление. Чем меньше результаты по методике (время и ошибки), тем лучше ребёнок выполняет задание.

Методика «Статуя» предлагает ребёнку стоять с закрытыми глазами (держат флаг), сохраняя позу и молчание несмотря на отвлекающие стимулы, в течение 75 секунд. Фиксируются нарушения трёх видов (движения, вербализация и открытие глаз) в каждые 5 секунд. Максимальное число баллов – 30.

Выборка и процедура исследования

В исследовании приняли участие 439 детей (49,1% – мальчики) в возрасте от 5,8 до 7,0 лет ($M = 6,5$; $SD = 0,43$), посещающие подготовительные группы детских садов Москвы. 76,5% растут в семьях, мамы которых оценивают достаток семьи как средний. 71,1% мам имеют высшее образование.

Все задания выполнялись в тихом изолированном помещении в детском саду, в котором обучался ребёнок. С каждым ребёнком были проведены три встречи продолжительностью 15–20 минут. При выполнении ребёнком задания по методике Н. Каплан велась аудиозапись. После выполнения каждой пробы три эксперта независимо друг от друга по стенограмме делали вывод о типе привязанности ребёнка к матери. При необходимости эксперты обращались к аудиозаписям интервью.

Исследование было одобрено Этическим комитетом факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (№ 2023/18).

Результаты исследования

Тип привязанности ребёнка к матери

Со всеми вошедшими в выборку детьми были проведены исследования по методике Н. Каплан для определения типа привязанности к матери. Эксперты оценивали тип привязанности к матери, исходя из предложенной автором методики системы оценок:

Для детей с *надёжным* типом привязанности к матери (В) характерна способность к открытому выражению своей грусти, которая возникла из-за разлуки

с матерью; дети демонстрируют способы конструктивного совладания со сложной ситуацией (к примеру, занятие игрушками или прогулки), будущая встреча ребёнка с матерью представляется как радостная.

Для детей с *тревожно-амбивалентным* типом привязанности к матери (С) типичны проявления негативных чувств. Есть склонность обвинять маму, а также приписывать герою истории те или иные формы поведения, показывающего протест.

Рассказы и ответы детей с *тревожно-избегающим* типом привязанности к матери (А) отличаются тенденцией игнорировать содержание, связанное со сложной ситуацией разлуки с мамой. Если герою приписываются негативные эмоции, то их причины не связаны с разлукой с мамой.

У детей с *дезорганизованным* типом привязанности (D) проявляются признаки тревоги, опасений и ожиданий чего-то страшного, что может произойти с матерью или самим героем. Ребёнок зачастую говорит о том, что мама очень долго не вернётся или не вернётся совсем.

В случае несовпадения мнений экспертов (12 стенограмм) о типе привязанности они слушали запись проведения исследования и приходили к единому мнению.

В результате анализа интервью тип привязанности удалось определить у 403 детей. У 36 детей (8,2% от общей выборки) выявить тип привязанности оказалось невозможно, так как ответы этих детей были односложными, однотипными, неразборчивыми.

Распределение детей, у которых тип привязанности был определён, следующее: у 210 детей (52,1%) – надёжный, у 73 (18,1%) – тревожно-амбивалентный, у 87 (21,6%) – тревожно-избегающий и у 33 (8,2%) – дезорганизованный тип привязанности к матери.

В табл. 1 приведено распределение мальчиков и девочек по разным типам привязанности к матери.

При помощи критерия Хи-квадрат выявлено, что тип привязанности к матери и пол не связаны ($\chi^2 = 2,516$; $p = 0,313$; Cramer's $V = 0,094$).

Таблица 1

Распределение мальчиков и девочек по разным типам привязанности к матери

Пол / Тип привязанности	Надёжный (В)	Тревожно-амбивалентный (С)	Тревожно-избегающий (А)	Дезорганизованный (D)	Всего
Мальчики	101 (50,2%)	32 (15,9%)	49 (24,4%)	19 (9,5%)	201 (100,0%)
Девочки	109 (54,0%)	41 (20,3%)	38 (18,8%)	14 (6,9%)	202 (100,0%)
Всего	210 (52,1%)	73 (18,1%)	87 (21,6%)	33 (8,2%)	

Таблица 2

Средние и стандартные отклонения оценок разных аспектов РегФ у детей с разными типами привязанности к матери

Компонент РегФ / Тип привязанности к матери	Надёжный (В)		Тревожно-амбивалентный (С)		Тревожно-избегающий (А)		Дезорганизованный (D)	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Слухоречевая рабочая память	23,3	4,01	22,1	4,74	20,0	4,32	17,5	4,83
Зрительная рабочая память	95,6	16,51	72,4	14,34	93,4	18,03	67,9	13,06
Когнитивная гибкость	22,3	1,88	19,5	2,47	19,7	2,25	17,6	2,41
Торможение, неисправленные ошибки	2,5	3,85	2,9	6,43	3,9	5,21	5,2	6,37
Торможение, исправленные ошибки	4,0	4,03	4,2	2,75	3,6	2,76	4,5	2,65
Торможение, время	103,3	21,97	112,6	25,06	104,8	19,36	116,8	26,42
Поведенческое торможение	24,2	4,76	22,9	5,57	21,5	6,43	20,0	6,19

Особенности уровня развития регуляторных функций при разных типах привязанности к матери

В табл. 2 приведены средние и стандартные отклонения разных аспектов РегФ у детей с разными типами привязанности к матери. На рис. 1 приведены распределения оценок слухоречевой и зрительной рабочей памяти у детей с разными типами привязанности к матери.

Средние оценки детей с дезорганизованным типом привязанности к матери — самые низкие по всем методикам. В силу разного по численности состава групп детей с разными типами привязанности к матери мы не можем сравнить оценки детей с дезорганизованным типом привязанности с оценками детей с другими

типами привязанности. Однако отметим, что по всем методикам на оценку уровня развития РегФ не менее 70% детей с дезорганизованным типом привязанности к матери показывали результаты, входящие в 10% самых худших по всей выборке.

При помощи t-критерия для независимых выборок было проведено сравнение оценок РегФ двух сопоставимых по численности групп детей:

- детей с надёжным типом привязанности с детьми с тревожно-амбивалентным и тревожно-избегающим типами привязанности;
- детей с тревожно-амбивалентным — с детьми с тревожно-избегающим типом привязанности к матери.

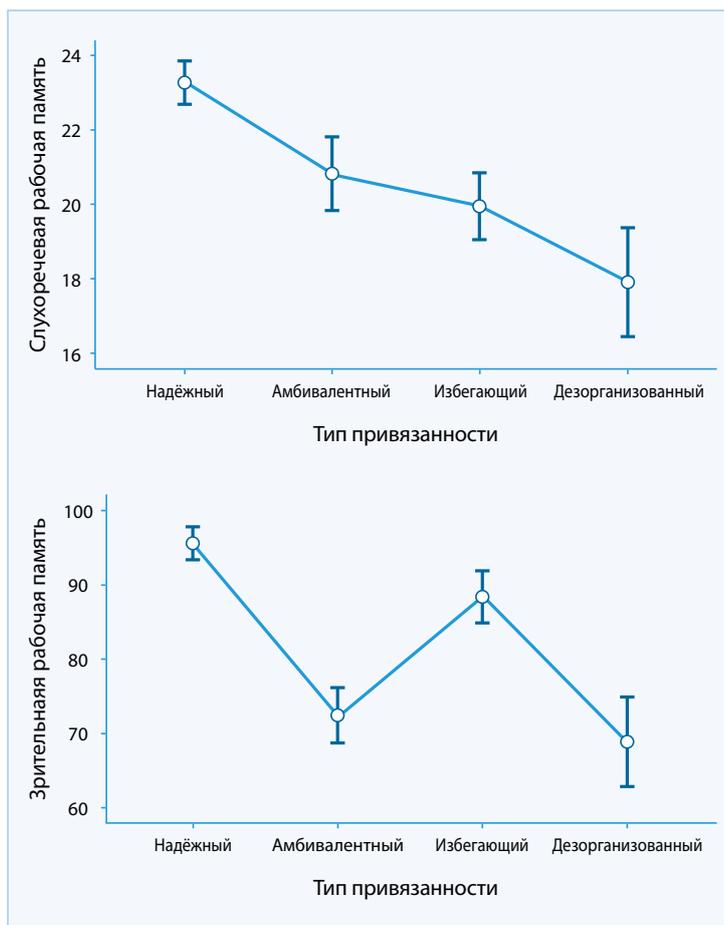

Рис. 1. Распределение оценок рабочей памяти (сверху – слухоречевой, снизу – зрительной) у детей с разными типами привязанности к матери

В табл. 3 приведены результаты этих сравнений.

Дети с надёжным типом привязанности значительно отличаются от детей с тревожно-амбивалентным и тревожно-избегающим типами привязанности оценками когнитивной гибкости, слухоречевой рабочей памяти и поведенческого торможения.

У детей с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери значительно выше оценки слухоречевой рабочей памяти и значительно ниже оценки зрительной рабочей памяти, чем у детей с тревожно-избегающим типом привязанности к матери. Кроме того, дети с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери тратят значительно больше времени и допускают значительно меньше ошибок в заданиях на когнитивное торможение,

чем дети с тревожно-избегающим типом привязанности к матери.

Обсуждение результатов

Одной из задач исследования было получение картины распределения типов привязанности к матери (надёжный, тревожно-амбивалентный, тревожно-избегающий и дезорганизованный) у современных российских дошкольников. У 8,2% детей не удалось определить тип привязанности к матери. Среди детей, у которых тип привязанности был установлен у 52,1% – надёжный, у 18,1% – тревожно-амбивалентный, у 21,6% – тревожно-избегающий и у 8,2% – дезорганизованный тип привязанности к матери.

Причины, по которым у 8,2% детей не удалось определить тип привязанности к матери, скорее всего, следующие: недостаточный словарный запас, непонимание сюжета истории или просто недостаточная включённость в задание. В разных исследованиях с применением этой методики не удавалось определить тип привязанности к матери у 7–12% детей старшего дошкольного возраста [19, 23].

Распределение детей по разным типам привязанности несколько отличается от того, которое описывали российские авторы 10–15 лет назад (см., например, [8, 12, 23]). Так, наблюдается увеличение числа детей с тревожно-избегающим и уменьшение числа детей с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери, что может быть связано, к примеру, с большей ориентацией современных матерей на профессиональную карьеру, а не семейную жизнь [24].

Классическим и полученным во множестве предыдущих исследований (см., например, [8]) является отсутствие значимых различий в распределении привязанности к матери у мальчиков и девочек. При этом

Таблица 3

**Результаты сравнения оценок компонент РегФ у детей
с разными типами привязанности к матери**

Компонент РегФ / Тип привязанности к матери	Надёжный (В) (N=210) / Тревожно-амбивалентный (С) и Тревожно-избегающий (А) (N=160)			Тревожно-амбивалентный (С) (N=73) / Тревожно-избегающий (А) (N=87)		
	t	p	Коэф d	t	p	Коэф d
Слухоречевая рабочая память	2,617	0,009	0,28	1,748	0,035	0,42
Зрительная рабочая память	0,795	0,446	0,08	-5,997	<0,001	-0,97
Когнитивная гибкость	12,352	<0,001	1,30	-0,478	0,633	-0,08
Торможение, неисправленные ошибки	-0,885	0,395	-0,09	-1,687	0,043	0,37
Торможение, исправленные ошибки	-0,261	0,794	-0,03	0,381	0,704	0,07
Торможение, время	-0,984	0,366	-0,10	1,837	0,015	0,54
Поведенческое торможение	2,798	0,005	0,29	1,548	0,124	0,23

у мальчиков с ненадёжным типом привязанности прослеживается склонность иметь тревожно-избегающий, а у девочек – тревожно-амбивалентный тип привязанности к матери.

Основной целью проведённого исследования была проверка связи между типом привязанности к матери и РегФ в старшем дошкольном возрасте.

Дети с дезорганизованным типом привязанности показали самые низкие результаты по методикам, направленным на диагностику РегФ, что ещё раз подчёркивает важность специального психолого-педагогического сопровождения этих детей.

Если говорить о различиях в уровне развития РегФ у детей с надёжным и двумя ненадёжными (тревожно-амбивалентным и тревожно-избегающим) типами привязанности, то полученные данные показывают, что у детей с надёжной привязанностью когнитивная гибкость и поведенческое торможение развиты лучше, чем у детей с остальными нормативными типами привязанности. В основе когнитивной гибкости лежит способность к «децентрации», т.е. к преодолению

познавательного эгоцентризма, что является одной из центральных, можно сказать, определяющих, линий развития дошкольников ([25] и др.). Полученные нами данные согласуются с результатами исследований, в которых изучалась роль привязанности к матери и близким к ней конструктам в развитии РегФ в старшем дошкольном возрасте [например 15, 26]. Отсутствие различий в оценках рабочей памяти объясняется тем, что мы проводили сравнение после исключения из выборки с ненадёжной привязанностью детей с дезорганизованным типом привязанности к матери.

Интересными представляются различия, полученные при сравнении РегФ детей с тревожно-амбивалентным и тревожно-избегающим типами привязанности к матери. Так, у детей с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери значительно лучше развита слухоречевая и значительно хуже – зрительная рабочая память, чем у детей с тревожно-избегающим типом привязанности к матери. Это позволяет предположить, что дети с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери, используя

стратегию «цепляния», сильно ориентируются на речь значимых взрослых, очень «настроены» на неё, что позволяет им лучше развивать слухоречевую рабочую память. Тогда как дети с тревожно-избегающим типом привязанности к матери, реализуют стратегию «избегания», начинают сильнее ориентироваться на зрительные стимулы.

Полученные результаты позволяют говорить ещё и о разных стратегиях выполнения заданий на торможение. Так, дети с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери затрачивают значимо больше времени на выполнение заданий, но допускают при этом значимо меньше неисправленных ошибок, чем дети с тревожно-избегающим типом привязанности к матери, что говорит о тенденции одних детей использовать стратегию «избегания неудач», а других — стратегию «достижений».

Все дети, принявшие участие в исследовании, — воспитанники подготовительных групп детского сада, т.е. подавляющее большинство из них посещают дошкольное образовательное учреждение не менее трёх лет. Несмотря на систематическое обучение и нахождение в группе сверстников и с педагогом (социальным взрослым) на протяжении этого времени, выявлены различия в уровне развития РerФ у детей с разными типами привязанности к матери. Это ещё раз показывает важность более раннего воз-

раста и необходимость учёта типа привязанности к матери для построения индивидуальных образовательных маршрутов детей, способствующих гармоничному развитию.

Ограничения исследования

Одним из основных ограничений исследования является его «срезовой» характер. Безусловно, выводы, полученные в данном исследовании, необходимо подтвердить с помощью лонгитюдного исследования.

Ещё одним ограничением исследования является не учёт дополнительных характеристик (состав семьи, sibлингвая позиция, качество образовательной среды, посещение дополнительных занятий, особенности взаимодействий с цифровыми устройствами и т.д.).

В России растёт число семей, где отец становится либо основным родителем, занимающимся воспитанием ребёнка, либо с первых дней жизни ребёнка начинает выполнять те же функции, что и мать. Поэтому необходимо определять тип привязанности и к одному, и к другому родителю, чтобы получить более полную картину влияния этого конструкта на дальнейшее развитие человека.

Все указанные ограничения можно рассматривать как направления дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983.
2. Veraksa A.N., Sidneva A.N., Aslanova M.S., Plotnikova V.A. Effectiveness of Different Teaching Resources for Forming the Concept of Magnitude in Older Preschoolers with Varied Levels of Executive Functions // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2022, 15 (4), 62. DOI: 10.11621/pir.2022.0405.
3. Bukhalenkova D., Almazova O., Aslanova M. Similarities and differences between CLASS and ECERS-R estimates of educational environment quality // *Front. Psychol.*, 2023, 14, 1253154. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1253154.
4. Якшина А.Н. Разновозрастные группы в детском саду: возможности и риски для развития дошкольников // *Современное дошкольное образование*. 2022. № 1 (109). 4. DOI: 10.24412/1997-9657-2022-1109-4-14.
5. Веракса А.Н., Куриленко В.Б., Новикова И.А. Феноменология детства в современных контекстах // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 3. 419. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-3-419-430.

6. Карабанова О.А. Современное детство и дошкольное образование – на защите прав ребёнка: к 75-летию со дня рождения Е.О. Смирновой // Национальный психологический журнал. 2022. № 3 (47), 60. DOI: 10.11621/npj.2022.0308.
7. Микулинджер М., Шейвер Ф.Р. Привязанность у взрослых: структура, динамика и изменения. СПб.: ООО «Диалектика», 2023.
8. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарика, 2003.
9. Ainsworth M.D.S., Blehar M.C., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, N.J., Erlbaum, 1978.
10. Main M., Cassidy J. Categories of response to reunion with the parent at age 6: predictable from infant attachment classifications and stable over a 1-month period // Developmental Psychology, 1988. 24, 415.
11. Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности: от теории к практике. М.: Когито-Центр, 2014.
12. Авдеева Н.Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2, 7.
13. Mattera S., Rojas N.M., Morris P.A., Bierman K. Promoting EF With Preschool Interventions: Lessons Learned From 15 Years of Conducting Large-Scale Studies // Front. Psychol., 2021, 12, 640702. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.640702.
14. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis // Cognitive Psychology, 2000. 41, 49.
15. Bernier A., Carlson S.M., Deschênes M., Matte-Gagné C. Social factors in the development of early executive functioning: a closer look at the caregiving environment // Developmental science. 2012. 15 (1), 12–24. DOI: 10.1111/j.1467-7687.2011.01093.x.
16. Heylen J., De Raedt R., Verbruggen F., Bosmans G. Attachment and self-regulation performance in preadolescence // Journal of Social and Personal Relationships. 2017. 36 (2). DOI: 10.1177/0265407517742531.
17. Bernier A., Beauchamp M.H., Carlson S.M., Lalonde G. A secure base from which to regulate: Attachment security in toddlerhood as a predictor of executive functioning at school entry // Developmental Psychology. 2015. 51 (9). 1177. DOI: 10.1037/dev0000032.
18. Baker C.E., Brooks-Gunn J., Gouskova N. Reciprocal Relations Between Maternal Depression and Child Behavior Problems in Families Served by Head Start // Child Development. 2020. 91, 1563. DOI: 10.1111/cdev.13344.
19. Jacobsen T., Edelstein W., Hofmann V.A. Longitudinal Study of the Relation Between Representations of Attachment in Childhood and Cognitive Functioning in Childhood and Adolescence // Developmental Psychology. 1994. 30 (1), 112. DOI: 10.1037/0012-1649.30.1.112.
20. Веракса А.Н., Алмазова О.В., Бухаленкова Д.А., Якупова В.А. Развитие саморегуляции у дошкольников: Методическое пособие. 5–7 лет. М.: Мозаика-Синтез, 2019.
21. Korkman M., Kirk U., Kemp S.L. NEPSY II. Administrative manual. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 2007.
22. Zelazo P.D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children // National Protocols, 2006, 1, 297.
23. Бурменская Г.В. Методики диагностики привязанности к матери в дошкольном и младшем школьном возрасте // Психологическая диагностика. 2005. № 4, 5.
24. Sobkin V., Kalashnikova E.A. New Ideas in Child and Educational Psychology. 2023. 3 (1–2). 3–26. DOI: 10.11621/nicser.2023.0401.
25. Веракса Н.Е., Алмазова О.В., Тарасова К.С. Диалектическое и формально-логическое мышление старших дошкольников // Российский психологический журнал, 2022, № 19 (2), 129. DOI: 10.21702/rpj.2022.2.10.
26. Руднова Н.А., Корниенко Д.С., Гаврилова М.Н., Шведчикова Ю.С. Родительские убеждения как фактор когнитивного и социально-эмоционального развития ребёнка // Вестник Московского университета. Серия XIV. Психология. 2024. № 47 (2). 134. DOI: 10.11621/LPJ-24-18.

The Contribution of the Character of Child-parent Relationships to the Level of Development of Regulatory Functions in Senior Preschool Age

Alexander Nikolaevich Veraksa – DSc (Psychology); Head of the Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (MSU).

E-mail: veraksa@yandex.ru

Olga Viktorovna Almazova – PhD (Psychology); Associate Professor, Department of Developmental Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (MSU).

E-mail: almaz.arg@gmail.com

Daria Alexeyevna Bukhalenkova – PhD (Psychology); Associate Professor, Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (MSU).

E-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru

This study aims to examine the distribution of attachment types to the mother in modern Russian children and to identify the relationship between the type of attachment to the mother and the level of development of executive functions (EF) in older preschoolers (N=439). A secure type of attachment to the mother was determined in 52%, anxious-ambivalent – in 18%, anxious-avoidant – in 22%, and disorganized – in 8% of children. Assessments of cognitive flexibility and behavioral inhibition are significantly higher in children with secure than with anxious-ambivalent and anxious-avoidant attachment. Assessments of verbal working memory are significantly higher, and visual working memory are significantly lower in children with anxious-ambivalent than in children with anxious-avoidant attachment to mother. When performing tasks on cognitive inhibition, children with anxious-ambivalent attachment more often resort to the strategy of "avoidance of failures", while with avoidant – to the strategy of "achievements". Children with a disorganized type of attachment to their mother received the lowest scores on all tasks for regulatory functions.

Keywords: attachment to mother, preschool age, self-regulation, cognitive flexibility, working memory, self-control

REFERENCES

1. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: V 6 t. T. 3: Problemy razvitiya psikhiki. M.: Pedagogika, 1983 (in Russian).
2. Veraksa A.N., Sidneva A.N., Aslanova M.S., Plotnikova V.A. Effectiveness of Different Teaching Resources for Forming the Concept of Magnitude in Older Preschoolers with Varied Levels of Executive Functions // Psychology in Russia: State of the Art, 2022, 15 (4), 62. DOI: 10.11621/pir.2022.0405.
3. Bukhalenkova D., Almazova O., Aslanova M. Similarities and differences between CLASS and ECERS-R estimates of educational environment quality // Front. Psychol., 2023, 14, 1253154. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1253154.
4. Yakshina A.N. Raznovozrastnye gruppy v detskom sadu: vozmozhnosti i riski dlya razvitiya doskol'nikov // Sovremennoe doskol'noe obrazovanie. 2022. № 1 (109). 4. DOI: 10.24412/19979657-2022-1109-4-14 (in Russian).
5. Veraksa A.N., Kurilenko V.B., Novikova I.A. Fenomenologiya detstva v sovremennykh kontekstakh // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2023. T. 20. № 3. 419. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-3-419-430 (in Russian).

6. Karabanova O.A. Sovremennoe detstvo i doshkol'noe obrazovanie – na zashchite prav rebyonka: k 75-letiyu so dnya rozhdeniya E.O. Smirnovoi // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2022. № 3 (47), 60. DOI: 10.11621/npj.2022.0308 (in Russian).
7. Mikulindzher M., Sheiver F.R. Privyazannost' u vzroslykh: struktura, dinamika i izmeneniya. SPb.: OOO «Dialektika», 2023 (in Russian).
8. Boulbi Dzh. Privyazannost'. M.: Gardarika, 2003 (in Russian).
9. Ainsworth M.D.S., Blehar M.C., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, N.J., Erlbaum, 1978.
10. Main M., Cassidy J. Categories of response to reunion with the parent at age 6: predictable from infant attachment classifications and stable over a 1-month period // Developmental Psychology, 1988. 24, 415.
11. Brish K.Kh. Terapiya narushenii privyazannosti: ot teorii k praktike. M.: Kogito-Tsentr, 2014 (in Russian).
12. Avdeeva N.N. Teoriya privyazannosti: sovremennye issledovaniya i perspektivy // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2017. T. 6. № 2, 7 (in Russian).
13. Mattera S., Rojas N.M., Morris P.A., Bierman K. Promoting EF With Preschool Interventions: Lessons Learned From 15 Years of Conducting Large-Scale Studies // Front. Psychol., 2021, 12, 640702. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.640702.
14. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis // Cognitive Psychology, 2000. 41, 49.
15. Bernier A., Carlson S.M., Deschênes M., Matte-Gagné C. Social factors in the development of early executive functioning: a closer look at the caregiving environment // Developmental science. 2012. 15 (1), 12–24. DOI: 10.1111/j.1467-7687.2011.01093.x.
16. Heylen J., De Raedt R., Verbruggen F., Bosmans G. Attachment and self-regulation performance in preadolescence // Journal of Social and Personal Relationships. 2017. 36 (2). DOI: 10.1177/0265407517742531.
17. Bernier A., Beauchamp M.H., Carlson S.M., Lalonde G. A secure base from which to regulate: Attachment security in toddlerhood as a predictor of executive functioning at school entry // Developmental Psychology. 2015. 51 (9). 1177. DOI: 10.1037/dev000032.
18. Baker C.E., Brooks-Gunn J., Gouskova N. Reciprocal Relations Between Maternal Depression and Child Behavior Problems in Families Served by Head Start // Child Development. 2020. 91, 1563. DOI: 10.1111/cdev.13344.
19. Jacobsen T., Edelstein W., Hofmann V.A. Longitudinal Study of the Relation Between Representations of Attachment in Childhood and Cognitive Functioning in Childhood and Adolescence // Developmental Psychology. 1994. 30 (1), 112. DOI: 10.1037/0012-1649.30.1.112.
20. Veraksa A.N., Almazova O.V., Bukhalenkova D.A., Yakupova V.A. Razvitie samoregulyatsii u doshkol'nikov: Metodicheskoe posobie. 5–7 let. M.: Mozaika-Sintez, 2019 (in Russian).
21. Korkman M., Kirk U., Kemp S.L. NEPSY II. Administrative manual. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 2007.
22. Zelazo P.D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children // National Protocols, 2006, 1, 297.
23. Burmenskaya G.V. Metodiki diagnostiki privyazannosti k materi v doshkol'nom i mladshem shkol'nom vozraste // Psikhologicheskaya diagnostika. 2005. № 4, 5 (in Russian).
24. Sobkin V., Kalashnikova E.A. New Ideas in Child and Educational Psychology. 2023. 3 (1–2). 3–26. DOI: 10.11621/nicep.2023.0401.
25. Veraksa N.E., Almazova O.V., Tarasova K.S. Dialekticheskoe i formal'no-logicheskoe myshlenie starshikh doshkol'nikov // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal, 2022, № 19 (2), 129. DOI: 10.21702/rpj.2022.2.10 (in Russian).
26. Rudnova N.A., Kornienko D.S., GavriloVA M.N., Shvedchikova Yu.S. Roditel'skie ubezhdeniya kak faktor kognitivnogo i sotsial'no-emotsional'nogo razvitiya rebyonka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XIV. Psikhologiya. 2024. № 47 (2). 134. DOI: 10.11621/LPJ-24-18 (in Russian).

Индекс УДК 159.923

Код ГРНТИ 15.31.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-110-119

**Н.А. РУДНОВА,
Д.С. КОРНИЕНКО***

Свойства темперамента ребёнка и родительские практики как предикторы качества сна в дошкольном возрасте

Сон в дошкольном возрасте имеет важное значение для физического, когнитивного, регуляторного и эмоционального развития ребёнка; при этом индивидуальные особенности ребёнка и характеристики семейной среды оказывают существенное влияние. Цель настоящего исследования – выявление связи качества сна дошкольников со свойствами их темперамента и родительскими практиками. Выборка состоит из 244 матерей в возрасте от 23 до 49 лет ($M = 35.27$, $SD = 5.97$), возраст детей – от 62 до 92 месяцев ($M = 78.21$, $SD = 4.32$), 49% – мальчики. Методики сбора данных: «Опросник детского поведения, очень краткая форма», анкета родительских практик и анкета качества сна. Результаты: позитивными предикторами качества сна являются высокий произвольный контроль как свойство темперамента и теплота как эмоциональная родительская практика. Негативными предикторами стали сургенсия/экстраверсия, негативная реактивность и родительские практики, направленные на стимуляцию когнитивного развития.

Ключевые слова: качество сна, произвольный контроль, сургенсия/экстраверсия, негативный аффект, родительские практики, теплота, когнитивная стимуляция

* **Руднова Наталья Александровна** — кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований.

E-mail: rudnova.na@yandex.ru

Корниенко Дмитрий Сергеевич — доктор психологических наук, научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований.

E-mail: dscorney@mail.ru

Исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом (проект № 23-78-30005).

Сон качественно отличается у детей и взрослых. По мере взросления снижается общая длительность сна: с 18 часов в сутки у младенцев до 10–13 часов, включая дневной сон, — у дошкольников. Сон новорождённого начинается с активной фазы, а у взрослого человека — с медленной. Хотя основное изменение соотношения фаз сна происходит, как правило, на протяжении первого года жизни, различные трансформации протекают вплоть до подросткового возраста [1].

Особенности сна в дошкольном возрасте и их связь с показателями детского развития

Дошкольный возраст характеризуется увеличением продолжительности цикла сна (достигает 90 минут к пяти годам), ростом эффективности сна, снижением доли быстрого сна и ночных пробуждений [1]. Сон всё больше обуславливается социализацией ребёнка и зависит от организации распорядка дня (например, посещения детского сада), а также от отношения взрослых (родителей или опекунов) к этому аспекту жизни. При этом именно в этом возрасте учащаются сообщения о нарушениях сна у детей: сопротивление укладыванию, затруднения при засыпании, снохождение, ночные пробуждения, кошмары — порядка 30% родителей сообщают о подобных особенностях [2].

Причины данных нарушений продолжают исследоваться, но снохождение и спутанные пробуждения связывают с задержкой созревания структур головного мозга, при которой отсутствует синхронизация их электрической активности — в одних участках мозга фиксируется медленно-волновой сон, в то время как в других — бодрствование, что и позволяет ребёнку двигаться [3]. Сопротивление засыпанию связывают с сепарационной тревогой — тревогой из-за вероятности разлуки или фактической разлуки с близким взрослым [2]. Обычно сепарационная тревога проявляется в конце первого года жизни и значительно снижается к трём годам, но может снова

проявиться в старшем дошкольном возрасте, с приближением перехода из детского сада в школу, что сказывается на качестве дневного и ночного сна.

Сон в детском возрасте имеет большое значение для созревания мозговых структур, обеспечения их пластичности [3]. Установлены краткосрочные и долгосрочные последствия недостатка сна в дошкольном возрасте для физического, когнитивного, регуляторного, а также социально-эмоционального развития. Так, недостаток сна связан с изменением уровня лептина и грелина — «гормонов голода и сытости», что приводило к повышенному аппетиту и ожирению [4].

Дети, у которых успешно прошла консолидация сна в раннем возрасте (т.е. сокращение дневного и увеличение ночного сна) демонстрируют более высокие показатели абстрактного мышления, формирования понятий, навыков решения задач, исполнительных функций. Дети с хроническим недостатком сна имеют более низкие показатели вербальных и невербальных способностей, а также гиперактивность [1].

Длительность сна дошкольников связана с высоким уровнем социальных навыков, пониманием эмоций и отношением со сверстниками, а недостаток сна — с раздражительностью, плохим настроением и истериками, агрессивностью, сложностью с подавлением импульсов и эмоций [4]. При этом увеличение длительности и повышение качества сна у детей в возрасте с 3 до 7 лет снижает число поведенческих проблем [1].

Исследования, посвящённые анализу различных факторов, влияющих на детский сон, показали, что наиболее значимое влияние на особенности сна детей в дошкольном возрасте оказывают индивидуальные особенности ребёнка и семейная среда [1].

Методы изучения сна у детей дошкольного возраста

В некоторых предыдущих исследованиях для изучения сна использовались объективные показатели, полученные

от электроэнцефалографии (ЭЭГ), актиграфов или акселерометров [3]. Инструментальный подход к изучению сна всегда представлял малодоступный для широкого научного сообщества метод, и в современных исследованиях активно используются субъективные оценки. Например, оценка родителями поведения ребёнка при укладывании, во время сна и утреннего пробуждения и др. Хотя имеются некоторые расхождения, сведения, полученные от родителей, в целом соответствуют данным, полученным от акселерометров [2]. Для получения этой информации могут использоваться как дневники сна, так и стандартизированные методики. В настоящее время известно достаточно большое число таких опросников, однако переведены на русский язык лишь некоторые [5].

Поскольку качество сна является более значимым показателем для качества жизни, чем его количество [1], в данном исследовании использован только показатель качества сна, основанный на родительских оценках. Для выявления выраженности качества сна рассмотрены наиболее часто встречающиеся в опросниках неклинические нарушения сна у детей дошкольного возраста: засыпание более 20 минут, отказ от засыпания без родителей, отказ от засыпания без света (ночника); а также особенности ночного сна: частота ночных пробуждений, эмоциональные пробуждения (с плачем).

Темперамент ребёнка и качество сна

Темперамент у детей дошкольного возраста рассматривается как индивидуальные особенности ребёнка, которые имеют биологическую основу, проявляются в раннем детстве, являются стабильными на протяжении жизни и характеризуют эмоциональные и динамические аспекты поведения [6].

В рамках психобиологического подхода М. Ротбарт темперамент детей исследуется через выявление выраженности его отдельных свойств. Две наиболее круп-

ные характеристики — регуляция и реактивность — могут быть описаны через три свойства: произвольный контроль, негативную регуляцию (негативный аффект) и позитивную регуляцию (позитивный аффект или экстраверсию/сургенсию), которые также объединяют некоторые, более частные параметры [6].

Исследования связи характеристик сна дошкольников с различными свойствами темперамента установили, что, например, эмоциональность связана с большим количеством проблем со сном [7]. В раннем возрасте проблемы со сном чаще демонстрируют дети с более высокой моторной активностью, негативной эмоциональностью, низкими экстраверсией/сургенсией и устойчивостью внимания. Меньшая длительность сна свойственна детям с высокой моторной активностью и низкой выраженностью тормозящего контроля, а к более раннему подъёму склонны дети с низким уровнем устойчивости внимания и экстраверсии/сургенсии [7].

Влияние семейной среды и родительских практик на качество сна детей дошкольного возраста

Развитие в дошкольном возрасте в значительной степени зависит от особенностей семейной среды, с которой связаны особенности сна ребёнка. В частности, более низкие уровни образования матери и социально-экономического статуса семьи связаны с меньшей вероятностью вовлечения родителя в вечерние ритуалы, с более поздним временем засыпания ребёнка, меньшей длительностью и большим числом нарушений сна [8].

Родительские практики как совокупность различных воспитательных воздействий также оказались связаны с некоторыми характеристиками сна детей. Так, эмоциональные практики по налаживанию благоприятной атмосферы в семье выступили предикторами более высокого качества сна детей, а дети родителей, которые вовлечены в жизнь ребёнка, имеют меньше нарушений сна (например, [2]). Практики, свидетельствующие

как о чрезмерно строгом стиле воспитания, так и о родительской непоследовательности, наоборот, свидетельствовали о наличии больших проблем со сном [7].

Практически отсутствуют сведения о связи качества сна ребёнка с родительскими практиками стимуляции развития ребёнка. Поскольку реализация подобных практик свидетельствует скорее о высокой вовлечённости родителей, можно предположить, что родительские практики когнитивной стимуляции будут положительно связаны с качеством сна ребёнка. Хотя имеются данные о негативной роли высокой интеллектуальной нагрузки, нужно отметить, что эта закономерность выявлена на выборке детей школьного возраста [9] и проверка связи данных показателей в группе дошкольников не проводилась.

Поведение родителей и родительские практики могут стать посредником во взаимосвязи свойств темперамента ребёнка с особенностями сна: дети с высокой негативной реактивностью могут провоцировать менее последовательное поведение родителей, что может привести к сокращению длительности и снижению качества сна дошкольников [7]. Способность ребёнка управлять своим поведением и его общая активность, наоборот, способствуют как родительским практикам, так и более высокому качеству сна.

Организация исследования

Выборка и процедура сбора данных

В исследовании приняли участие 244 женщины – матери дошкольников в возрасте от 23 до 49 лет ($M = 35,27$, $SD = 5,97$). Высшее образование имеют 70% и 70% состоят в браке. Почти 19% имеют одного ребёнка, 46% – двоих детей, а остальные – троих и более. Возраст детей – от 62 до 92 месяцев ($M = 78,21$, $SD = 4,32$), 49% – мальчики.

Исследование реализовано в рамках комплексного исследовательского проекта «Растём вместе». Сбор данных проводился в онлайн-формах: респонденты получали ссылку на онлайн-анкету. Участие было добровольным, респонденты предоставили

согласие на участие в исследовании, заполнение анкеты занимало менее 20 минут.

Методы

«Опросник детского поведения, очень краткая форма» (Children's Behavior Questionnaire, very short form) [10] использовался для исследования свойств темперамента детей на основе родительских (материнских) оценок. Анкета включает 36 пунктов, которые образуют три шкалы: Сургенсии/экстраверсии, Негативного аффекта, Произвольного контроля. Первая шкала описывает позитивную реактивность – общую активность, импульсивность, низкую застенчивость и стремление к удовольствию от интенсивных стимулов (альфа Кронбаха – 0,60). Вторая шкала включает склонность переживать гнев, дискомфорт, печаль, страх (альфа Кронбаха – 0,66). Третья шкала описывает способность ребёнка концентрировать внимание, перцептивную чувствительность, стремление к удовольствию низкой интенсивности (альфа Кронбаха – 0,81). Шкала ответов соответствует шкале от 1 («абсолютно неверно») до 7 («абсолютно верно»).

Анкета родительских практик [11] позволяет выявить выраженность практик демонстрации близости и теплоты между родителем и ребёнком (Теплота) и когнитивной стимуляции развития ребёнка (Когнитивная стимуляция). Шкала теплоты включает четыре пункта, которые оцениваются по шкале от 1 («никогда») до 4 («каждый день»). Шкала когнитивной стимуляции (чтение книг, чтение стихов, рисование, пение) оценивается по шкале от 1 («никогда») до 7 («несколько раз в день»). Альфа Кронбаха для эмоциональных практик – 0,79, а для когнитивной стимуляции – 0,85.

Анкета качества сна основана на экспертных оценках родителей и включает вопросы о трудностях, с которыми сталкиваются дети при засыпании, и особенностях протекания сна. Анкета состоит из 7 пунктов, которые оцениваются по шкале 0 – «да» и 1 – «нет». Общий показатель рассчитывался как сумма баллов (альфа Кронбаха – 0,54), где вы-

Таблица 1

Описательные статистики исследуемых показателей

Показатели	Ср. ар.	Ст. откл.	Мода	Медиана	Мин.	Макс.
Качество сна	3,97	1,18	5,00	5,00	1,00	5,00
Сургенсия	4,45	0,67	4,25	4,42	1,91	6,33
Негативный аффект	4,16	0,76	3,83	4,16	1,00	6,75
Произвольный контроль	4,78	0,79	4,67	4,69	1,92	6,75
Теплота	3,69	0,39	4,00	3,75	1,75	4,00
Когнитивная стимуляция	3,23	1,42	2,75	3,25	0	7,00

Примечания: Ср. ар. – среднее арифметическое, ст. откл. – стандартное отклонение, мин. – минимум, макс. – максимум.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа (N = 244)

Показатели	1	2	3	4	5
1. Качество сна	–				
2. Сургенсия	–0,07	–			
3. Негативный аффект	–0,18***	–0,09	–		
4. Произвольный контроль	0,09	0,18**	0,29***	–	
5. Теплота	0,20**	0,08	–0,11	0,17**	–
6. Когнитивная стимуляция	–0,09	0,15*	–0,09	0,19**	0,02

Примечания: * $p < ,05$; ** $p < ,01$; *** $p < ,001$; M – среднее арифметическое; SD – стандартное отклонение.

сокий балл свидетельствовал о более высоком качестве сна.

Результаты

Предварительный анализ выявил, что показатель Качества сна ($M = 3,97$) достаточно высок, при этом большинство родителей указывают на отсутствие каких-либо проблем со сном у детей. Среди показателей свойств темперамента наименее выражен Негативный аффект ($M = 4,16$), наиболее – Произвольный контроль ($M = 4,78$). При этом для оценки свойств темперамента практически не используются предложенные минимальные (за исключением Негативного аффекта) и максимальные баллы. Средний показатель Теплоты близок к максимально возможному ($M = 3,69$ при максимальном 4), а выраженность показателя Когнитивной стимуляции – умеренная ($M = 3,23$ при максимальном 7) (табл. 1).

Анализ выраженности проблем со сном показал, что чаще родители указывают на проблемы с засыпанием, например, 23% родителей сообщили, что ребёнку требуется более 20 минут для засыпания, 16% – что он отказывается засыпать один, а 13% – что он просит не выключать свет. Реже встречаются частые пробуждения ночью (4%), пробуждения с криком или плачем либо другие проблемы (1 и 3% соответственно).

Сравнительный анализ установил, что в группе родителей, сообщивших об отсутствии нарушений сна у детей, Негативный аффект ниже ($M = 4,04$, $U = 6047,5$, $p < 0,05$), а Теплота ($M = 3,76$) выше, чем в группе родителей, дети которых имеют проблемы со сном ($M = 4,29$ и $M = 3,62$ соответственно, $U = 8526,5$, $p < 0,05$).

Корреляционный анализ показал, что Качество сна детей положительно связано

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа (N = 244)

Предикторы	b	Ст. ош.	Beta	t	pp
		3,77	1,70		2,22
Пол ребёнка	-0,16	0,15	-0,07	-1,04	0,30
Возраст матери	0,01	0,02	0,02	0,28	0,78
Сургенсия	-0,22	0,11	-0,13	-1,96	0,05
Негативный аффект	-0,39	0,11	-0,25	-3,69	< .001
Произвольный контроль	0,29	0,10	0,19	2,81	0,01
Теплота	0,44	0,19	0,15	2,31	0,02
Когнитивная стимуляция	-0,11	0,05	-0,13	-2,06	0,04

Примечания: Ст. ош. – стандартная ошибка.

Таблица 4

Результаты анализа медиации

	B	SE	CI
Произвольный контроль → Качество сна (прямой)	0,09	0,09	[-0,096; 0,273]
Произвольный контроль → Теплота → Качество сна	0,05*	0,02	[0,001; 0,094]
Произвольный контроль → Качество сна (общий)	0,14	0,09	[-0,05; 0,321]

Примечания: * $p < ,05$; R2 для Теплоты = 0,03, R2 для Качества сна = 0,04.

с Теплотой ($r = 0,20$, $p < 0,01$, CI [0,07; 0,32]) и отрицательно – с Негативным аффектом ($r = -0,18$, $p < 0,001$, CI [-0,30; -0,06]). Теплота положительно связана с Произвольным контролем ($r = 0,17$, $p < 0,01$, CI [0,05; 0,29]), а Когнитивная стимуляция – с Сургенсией/экстраверсией ($r = 0,15$, $p < 0,05$, CI [0,03; 0,28]) и Произвольным контролем ($r = 0,19$, $p < 0,01$, CI [0,06; 0,31]) (табл. 2).

В регрессионной модели зависимой переменной стал показатель Качества сна, а показатели возраста матери, пола детей, родительских практик и свойств темперамента – как независимыми. Доля объяснимой дисперсии – 12% (табл. 3).

Позитивными предикторами Качества сна выступили Произвольный контроль ($b = 0,29$, $p < 0,01$) и Теплота ($b = 0,44$, $p < 0,05$), негативными – Сургенсия/экстраверсия ($b = -0,22$, $p < 0,05$), Негативный аффект ($b = -0,39$, $p < 0,001$) и Когнитивная стимуляция ($b = -0,11$, $p < 0,05$).

Далее была проведена проверка опосредования родительскими практиками связи между темпераментом ребёнка и качеством сна с использованием бутстрэппинга (метода многократного извлечения подвыборок из эмпирического распределения) с 5000 итераций и 95% доверительными интервалами (табл. 4).

В результате выявлено, что Когнитивная стимуляция не вносит значимого вклада в рассматриваемые взаимосвязи, а Теплота опосредует только одну – между Произвольным контролем и Качеством сна: значимым выступает только косвенный эффект ($b = 0,047$, $p < 0,05$, SE = 0,094, CI [0,001; 0,097]).

Обсуждение

Анализ особенностей сна дошкольников показал, что большая часть родителей дошкольников склонна оценивать качество сна детей как очень высокое, а проблемы

касаются скорее засыпания: дети могут долго засыпать, оказываются от самостоятельного засыпания и просят родителей остаться с ними или не выключать свет. В целом это соответствует информации о том, что только треть родителей сообщают как о значительных клинических проблемах (инсомнии и др.) [12], так и о неклинических сложностях с засыпанием. Подобные сложности могут быть вызваны сепарационной тревогой, которая повышается в дошкольном возрасте, или детскими страхами одиночества или темноты.

Качество сна детей связано с низким негативным аффектом и с высокой родительской теплотой, хотя предикторами выступили все свойства темперамента и родительские практики. Таким образом, реактивность ребёнка отрицательно связана с качеством сна (например, [13]). Подобная связь объясняется чувствительностью таких детей к различным стимулам, что затрудняет и процесс засыпания, и ночной сон и в целом снижает качество сна. Однако не ясно, становится ли причиной проблем интенсивная реакция ребёнка на стимулы в течение дня или ребёнок восприимчив к ним как днём, так и ночью. С одной стороны, режим сна и бодрствования может изменяться под влиянием интенсивных воздействий [14], с другой – свойства темперамента ребёнка стабильны и проявляются схоже в широком спектре ситуаций [6]. Таким образом, однородность данных об отрицательной связи реактивности ребёнка и качества сна пока не имеет однозначного объяснения. Позитивный вклад произвольного контроля в качество сна поддерживает данные о том, что дети с высокой регуляцией ложатся спать раньше и спят дольше, меньше сопротивляются засыпанию [1]. Вероятно, способность ребёнка переключать внимание способствует более плавному переходу от активных действий к вечерним ритуалам и быстрому засыпанию [15].

Теплота как демонстрация родителями близости и её телесных выражений (объятий, поглаживаний и т.д.) позитивно ска-

зывается на качестве сна [16] и опосредует связь произвольного контроля и качества сна. Вероятно, дети, которые лучше управляют своим поведением, получают от родителей больше поддержки [17], что снижает их напряжение и уменьшает различные нарушения сна. Практики когнитивной стимуляции продемонстрировали отрицательный вклад. Хотя реализация подобных практик свидетельствует о вовлечённости родителя в жизнь ребёнка, подобная интеллектуальная активность может приводить к перевозбуждению или переутомлению и провоцировать трудности при засыпании [18]. Ввиду отсутствия корреляционной связи между этими показателями подобная интерпретация должна использоваться с осторожностью и нуждается в дополнительной эмпирической проверке.

Заключение

Проведённое исследование установило связи между качеством сна дошкольников, свойствами их темперамента и родительскими практиками. Полученные результаты подтверждают значимую для качества сна роль индивидуальных особенностей ребёнка и характеристик семейной среды.

Несмотря на значимые для понимания предикторов качества сна детей результаты, реализованное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, информация о свойствах темперамента детей получена от родителей и может быть подвержена социальной желательности, о чём косвенно свидетельствует преобладание высоких оценок произвольного контроля и низких – негативного аффекта. Для преодоления данного ограничения в будущих исследованиях возможно привлечение второго родителя (отца) либо стороннего эксперта-наблюдателя. Во-вторых, связь когнитивной стимуляции и реактивности с качеством сна нуждается в дополнительной проверке, например, при учёте физической и интеллектуальной активности в дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schlieber M., Han J. The Role of Sleep in Young Children's Development: A Review // Journal of Genetic Psychology. 2021. 182 (4). 205. DOI: 10.1080/00221325.2021.1908218.
2. Корабельникова Е.А., Акинкина Я.М. Влияние детско-родительского эмоционального взаимодействия на сон детей раннего возраста // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2021. 66 (2). 92. DOI: 10.21508/1027-4065-2021-66-2-92-100.
3. Кельмансон И.А. Сон ребёнка в онтогенезе и использование стандартизованного опросника для оценки поведения детей во время сна // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2017. 62 (3). 37. DOI: 10.21508/1027-4065-2017-62-3-37-52.
4. Liu J., Ji X., Pitt S., Wang G., Rovit E., Lipman T., Jiang F. Childhood sleep: physical, cognitive, and behavioral consequences and implications // World Journal of Pediatrics. 2024. 20 (2). 122. DOI: 10.1007/s12519-022-00647-w.
5. Spruyt K., Gozal D. Pediatric sleep questionnaires as diagnostic or epidemiological tools: a review of currently available instruments // Sleep Medicine Reviews. 2011. 15 (1). 19. DOI: 10.1016/j.smr.2010.07.005.
6. Руднова Н.А., Корниенко Д.С. Контекстуальный подход к описанию характеристик темперамента дошкольника: роль образовательной среды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. 13 (4). 475. DOI: 10.21638/spbu16.2023.403.
7. Shetty J., Newton A.T., Reid G.J. Parenting Practices, Bedtime Routines, and Consistency: Associations with Pediatric Sleep Problems // Journal of Pediatric Psychology. 2022. 47 (1). 49. DOI: 10.1093/jpepsy/jsab072.
8. Carroll A.J., Appleton J., Harris K.M. Child sleep problems, maternal sleep and self-efficacy: Sleep's complicated role in maternal depression // Journal of Sleep Research. 2024. 33 (2). e14005. DOI: 10.1111/jsr.14005.
9. Liu B., Gao F., Zhang J., Zhou H., Sun N., Li L., Liang L., Ning N., Wu Q., Zhao M. Sleep Quality of Students from Elementary School to University: A Cross-Sectional Study // Nature and Science of Sleep. 2020. 12. 855. DOI: 10.2147/NSS.S266493.
10. Putnam S.P., Rothbart M.K. Development of short and very short forms of the Children's Behavior Questionnaire // Journal of personality assessment. 2006. 87 (1). 102. DOI: 10.1207/s15327752jpa8701_09.
11. Cumming M.M., Poling D.V., Patwardhan I., Ozenbaugh I.C. Executive function in kindergarten and development of behavioral competence: The moderating role of positive parenting practices // Early Child Res Q. 2022. 60. 161. DOI: 10.1016/j.ecresq.2022.01.008.
12. Блох М.Е., Кизино П.А. Связь нарушений сна у детей младенческого возраста с характеристиками материнского отношения // Кавказский журнал медицинских и психологических наук. 2023. 1 (1). 28.
13. Caravale B., Sette S., Cannoni E., Marano A., Riolo E., Devescovi A., De Curtis M., Bruni O. Sleep Characteristics and Temperament in Preterm Children at Two Years of Age // Journal of Clinical Sleep Medicine. 2017. 13 (9). 1081. DOI: 10.5664/jcsm.6728.
14. Гордеев А.Д., Бочкарев М.В., Коростовцева Л.С., Заброта Е.Н., Амелина В.В., Осипенко С.И., Свиричев Ю.В., Алёхин А.Н. Реактивность сна к стрессу и инсомния: показатели сна и молекулярные маркеры // Артериальная гипертензия. 2023. 29 (1). 91. DOI: 10.18705/1607-419X-2022-28-6-91-99.
15. Clifford S., Doane L.D., Breitenstein R., Grimm K.J., Lemery-Chalfant K. Effortful Control Moderates the Relation Between Electronic-Media Use and Objective Sleep Indicators in Childhood // Psychological science. 2020. 31 (7). 822. DOI: 10.1177/0956797620919432.
16. Морозюк С.Н., Морозюк Ю.В., Кузнецова Е.С. Патогенная рефлексия матери как фактор неблагоприятия в детско-родительских отношениях // Современное дошкольное образование. 2022. 1 (109). 48. DOI: 10.24412/1997-9657-2022-1109-48-55.

17. Acar I.H., Ahmetoğlu E., Özer İ.B., Yağlı Ş.N. Direct and indirect contributions of child difficult temperament and power assertive parental discipline to Turkish children's behaviour problems // Early Child Development and Care. 2021. 191 (14). 2232. DOI: 10.1080/03004430.2019.1698561.
18. Qin L., Chen S., Luo B., Chen Y. The Effect of Learning Burnout on Sleep Quality in Primary School Students: The Mediating Role of Mental Health // Healthcare (Basel, Switzerland). 2022. 10 (10). 2076. DOI: 10.3390/healthcare10102076.

Children's Temperament and Parenting Practices as Sleep Quality Predictors in Preschoolers

Natalia Alexandrovna Rudnova – PhD (Psychology); Researcher, Department of Educational Psychology and Pedagogy, Lomonosov Moscow State University (MSU); Researcher, Laboratory for Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research. E-mail: rudnova.na@yandex.ru

Dmitriy Sergeevich Kornienko – DSc (Psychology); Researcher, Department of Educational Psychology and Pedagogy, Lomonosov Moscow State University (MSU); Senior Researcher, Laboratory for Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research. E-mail: dscorney@mail.ru

Sleep in preschool age is important for physical, cognitive, regulatory and emotional development of the child; at the same time, individual characteristics of the child and characteristics of the family environment have a significant impact. The aim of this study is to identify the relationship between the quality of sleep of preschoolers, their characteristics of temperament and parental practices used by their mothers. The sample consists of 244 mothers aged 23 to 49 years ($M = 35.27$, $SD = 5.97$), the age of children is from 62 to 92 months ($M = 78.21$, $SD = 4.32$), 49% are boys. Data collection methods: Child Behavior Questionnaire – Very Short Form, Parental Practices Questionnaire and Sleep Quality Questionnaire. Results: effortful control and warmth as an emotional parenting practice are positive predictors of sleep quality. Negative predictors are surgency, negative reactivity, and parental practices aimed at stimulating cognitive development.

Keywords: sleep quality, effortful control, surgency/extraversion, negative affect, parenting practices, warmth, cognitive stimulation

REFERENCES

1. Schlieber M., Han J. The Role of Sleep in Young Children's Development: A Review // Journal of Genetic Psychology. 2021. 182 (4). 205. DOI: 10.1080/00221325.2021.1908218.
2. Korabel'nikova E.A., Akinkina Ya.M. Vliyanie detsko-roditel'skogo emotsional'nogo vzaimodeistviya na son detei rannego vozrasta // Rossiiskii vestnik perinatologii i pediatrii. 2021. 66 (2). 92. DOI: 10.21508/1027-4065-2021-66-2-92-100 (in Russian).
3. Kel'manson I.A. Son rebyonka v ontogeneze i ispol'zovanie standartizovannogo oprosnika dlya otsenki povedeniya detei vo vremya sna // Rossiiskii vestnik perinatologii i pediatrii. 2017. 62 (3). 37. DOI: 10.21508/1027-4065-2017-62-3-37-52 (in Russian).
4. Liu J., Ji X., Pitt S., Wang G., Rovit E., Lipman T., Jiang F. Childhood sleep: physical, cognitive, and behavioral consequences and implications // World Journal of Pediatrics. 2024. 20 (2). 122. DOI: 10.1007/s12519-022-00647-w.

5. Spruyt K., Gozal D. Pediatric sleep questionnaires as diagnostic or epidemiological tools: a review of currently available instruments // *Sleep Medicine Reviews*. 2011. 15 (1). 19. DOI: 10.1016/j.smrv.2010.07.005.
6. Rudnova N.A., Kornienko D.S. Kontekstual'nyi podkhod k opisaniyu kharakteristik temperameta doshkol'nika: rol' obrazovatel'noi sredy // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*. 2023. 13 (4). 475. DOI: 10.21638/spbu16.2023.403 (in Russian).
7. Shetty J., Newton A.T., Reid G.J. Parenting Practices, Bedtime Routines, and Consistency: Associations with Pediatric Sleep Problems // *Journal of Pediatric Psychology*. 2022. 47 (1). 49. DOI: 10.1093/jpepsy/jsab072.
8. Carroll A.J., Appleton J., Harris K.M. Child sleep problems, maternal sleep and self-efficacy: Sleep's complicated role in maternal depression // *Journal of Sleep Research*. 2024. 33 (2). e14005. DOI: 10.1111/jsr.14005.
9. Liu B., Gao F., Zhang J., Zhou H., Sun N., Li L., Liang L., Ning N., Wu Q., Zhao M. Sleep Quality of Students from Elementary School to University: A Cross-Sectional Study // *Nature and Science of Sleep*. 2020. 12. 855. DOI: 10.2147/NSS.S266493.
10. Putnam S.P., Rothbart M.K. Development of short and very short forms of the Children's Behavior Questionnaire // *Journal of personality assessment*. 2006. 87 (1). 102. DOI: 10.1207/s15327752jpa8701_09.
11. Cumming M.M., Poling D.V., Patwardhan I., Ozenbaugh I.C. Executive function in kindergarten and development of behavioral competence: The moderating role of positive parenting practices // *Early Child Res Q*, 2022. 60. 161. DOI: 10.1016/j.ecresq.2022.01.008.
12. Blokh M.E., Kizino P.A. Svyaz' narushenii sna u detei mladencheskogo vozrasta s kharakteristikami materinskogo otnosheniya // *Kavkazskii zhurnal meditsinskikh i psikhologicheskikh nauk*. 2023. 1 (1). 28 (in Russian).
13. Caravale B., Sette S., Cannoni E., Marano A., Riolo E., Devescovi A., De Curtis M., Bruni O. Sleep Characteristics and Temperament in Preterm Children at Two Years of Age // *Journal of Clinical Sleep Medicine*. 2017. 13 (9). 1081. DOI: 10.5664/jcsm.6728.
14. Gordeev A.D., Bochkarev M.V., Korostovtseva L.S., Zabroda E.N., Amelina V.V., Osipenko S.I., Sviryaev Yu.V., Alyokhin A.N. Reaktivnost' sna k stressu i insomniya: pokazateli sna i molekulyarnye markery // *Arterial'naya gipertenziya*. 2023. 29 (1). 91. DOI: 10.18705/1607-419X-202228-6-91-99 (in Russian).
15. Clifford S., Doane L.D., Breitenstein R., Grimm K.J., Lemery-Chalfant K. Effortful Control Moderates the Relation Between Electronic-Media Use and Objective Sleep Indicators in Childhood // *Psychological science*. 2020. 31 (7). 822. DOI: 10.1177/0956797620919432.
16. Morozyuk S.N., Morozyuk Yu.V., Kuznetsova E.S. Patogennaya refleksiya materi kak faktor neblagopoluchiya v detsko-roditel'skikh otnosheniyakh // *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie*. 2022. 1 (109). 48. DOI: 10.24412/1997-9657-2022-1109-48-55 (in Russian).
17. Acar I.H., Ahmetoğlu E., Özer İ.B., Yağlı Ş.N. Direct and indirect contributions of child difficult temperament and power assertive parental discipline to Turkish children's behaviour problems // *Early Child Development and Care*. 2021. 191 (14). 2232. DOI: 10.1080/03004430.2019.1698561.
18. Qin L., Chen S., Luo B., Chen Y. The Effect of Learning Burnout on Sleep Quality in Primary School Students: The Mediating Role of Mental Health // *Healthcare (Basel, Switzerland)*. 2022. 10 (10). 2076. DOI: 10.3390/healthcare10102076.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЁЖИ И ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И РОЛЬ СЕМЕЙНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Индекс УДК 316.6

Код ГРНТИ 15.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-120-132

**В.С. СОБКИН,
Е.А. КАЛАШНИКОВА***

Академическая успешность школьников и социокультурный капитал семьи

В статье представлен анализ результатов масштабного социологического исследования мнений 149 169 родителей учащихся начальной, основной и старшей школы об их отношении к образованию своего ребёнка. Опрос был проведён с помощью специально разработанной анкеты практически во всех российских регионах в 2021/22 учебном году при поддержке Министерства просвещения РФ. В данной работе рассматриваются вопросы, касающиеся требований родителей к задачам и результатам школьного обучения: к содержанию образования, к получению необходимых социальных навыков, к формированию желательных личностных образцов выпускника школы. С учётом влияния образовательного статуса родителей, возраста ученика и его академической успешности охарактеризованы особенности участия родителей в образовательном процессе своего ребёнка: их личная помощь в подготовке домашних заданий, предоставление ребёнку возможностей получения дополнительного образования. Специальное внимание уделено анализу характера изменений взаимосвязей между требованиями родителей к задачам школьного обучения и их участием в поддержке образовательного процесса своего ребёнка.

Ключевые слова: учащиеся, родители, ценностно-целевые образовательные ориентиры, дополнительное образование, социокультурный капитал семьи, возраст ребёнка, академическая успешность ребёнка

* **Собкин Владимир Самуилович** — академик РАО, доктор психологических наук, руководитель лаборатории «Центр социокультурных проблем современного образования» Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (ФНЦ ПМИ).

E-mail: sobkin@mail.ru

Калашникова Екатерина Александровна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории «Центр социокультурных проблем современного образования» ФНЦ ПМИ.

E-mail: 5405956@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей взаимосвязи социокультурного капитала семьи и академической успешности ребёнка на разных этапах его обучения в школе. Согласно общепринятым представлениям, социокультурный капитал является важным ресурсом, влияющим на образовательные достижения учащихся. Причём его эффективность обусловлена, в первую очередь, теми ценностными ориентирами, которые определяют как отношение родителей к образованию, так и их непосредственное участие в образовательном процессе ребёнка [11, 12]. С одной стороны, решение этой проблемы родители видят в приобщении ребёнка к системе дополнительного образования, предоставляя ему тем самым более широкий круг возможностей и для развития способностей, и для определения ориентиров своей дальнейшей профессиональной деятельности. С другой – повышение качества образования предусматривает привлечение дополнительных профессиональных педагогических ресурсов (занятия с репетитором и т.п.) [13].

В наших работах, начатых ещё в 1990-х гг., мы используем комплекс из трёх групп показателей, которые характеризуют образовательный процесс как единство обучения и воспитания. Во-первых, к ним относятся значимость тех или иных личностных образцов выпускника школы, а также требования к тем результатам обучения и социальным навыкам, которые должен приобрести ребёнок в процессе учёбы в школе. Во-вторых, особенности отношения родителей к приобщению детей к системе дополнительного образования: включённость ребёнка в систему дополнительного образования и его мотивация, привлечение репетиторов. В-третьих, особенности непосредственного участия родителей в обучении своего ребёнка [14–19].

Статья основана на данных анонимного анкетного опроса 149 169 родителей учащихся 1–11-х классов общеобразовательных школ, который мы провели в 85

регионах РФ в 2021/22 учебном году при поддержке Министерства просвещения РФ в рамках проекта «Мониторинг фактического объёма учебной и внеучебной нагрузки обучающихся».

Обработка материалов опроса проводилась с использованием статистического пакета программ SPSS 21 и StatSoft Statistica 7.0. Все обсуждаемые в статье различия в ответах респондентов на вопросы анкеты статистически значимы на уровне $p \leq 0.05$. Для исследования взаимосвязей между ответами применялся метод факторного анализа (метод выделения Главных компонент с вращением осей по критерию Варимакс Кайзера).

Анализ ответов родителей проводился как относительно общих данных – $N = 149\ 169$, так и возраста ребёнка (учебные параллели: начальная школа 1–4 классы – $N = 63\ 207$, основная школа 5–9 классы – $N = 74\ 638$, старшая школа – $N = 11\ 324$).

Для сравнения специально выделялись две подвыборки родителей с разной академической успешностью ребёнка (преобладают «пятёрки» – $N = 33\ 129$ или «тройки» – $N = 9\ 333$). Для анализа уровня образования родителей были выделены две подвыборки: только с общим средним образованием – $N = 15\ 176$ и только с высшим образованием – $N = 74\ 472$; в данном случае из анализа исключена подвыборка родителей со средним специальным и незаконченным высшим образованием – $N = 59\ 521$.

Ценностно-целевые ориентиры родителей, касающиеся их отношения к образованию своего ребёнка

Рассмотрим ответы родителей на три вопроса с фиксированными формулировками ответов: «Что должна давать ребёнку школа?», «Какие социальные навыки, по Вашему мнению, в первую очередь должна сформировать у ребёнка школа?» и «Кого, с Вашей точки зрения, в первую очередь должна готовить школа?». При

ответе на каждый закрытый вопрос респонденты могли выбрать не более трёх вариантов ответа.

Требования, предъявляемые родителями к результатам школьного образования («Что должна давать ребёнку школа?»). Анализ распределения ответов родителей учащихся на данный вопрос показал, что выраженную лидирующую позицию занимает ответ «прочные знания» (81.5% от числа всех 149 169 опрошенных родителей). На втором по значимости месте стоит ответ «возможность развития способностей» (51.3%). Далее следуют «подготовка к поступлению в вуз» (42.9%) и «опыт социального общения и взаимодействия» (42.6%). Практически каждый третий-четвёртый выбрал такие формулировки, как «опыт участия в общественной жизни и деятельности» (28.0%), «достаточный культурный уровень» (26.0%) и «воспитание позитивных личностных качеств учащихся» (26.0%). Наименее же значимым оказался ответ «хорошая предпрофессиональная подготовка» (16.8%).

По мере перехода ребёнка из начальной в основную и старшую школы значимость для родителей практически всех отмеченных выше требований последовательно снижается. И явно увеличивается доля выбора ответа о «необходимой подготовке к поступлению в вуз»: 34.4% родителей учащихся начальной школы, 47.2% родителей основной и 60.8% – старшей школы.

Это позволяет сделать вывод, что с возрастом ребёнка явно актуализируется требование родителей к школе относительно его подготовки к продолжению обучения в системе высшего образования. Характерно, что подобное требование ведёт к явному сужению представлений родителей о других задачах школы как *социального института*.

На родительские требования к образованию влияет и *академическая успешность ребёнка*. Родители «отличников», по сравнению с родителями «троечников», чаще отмечают такие аспекты, как «необходимая подготовка для поступле-

ния в вуз» (соответственно 46.3% и 37.3%) и «опыт социального взаимодействия» (45.8% и 37.7%). Родители же «троечников», по сравнению с родителями «отличников», чаще ожидают от школы «хорошей предпрофессиональной подготовки» (21.1% и 16.8%).

Влияет и *образовательный статус родителей*. Родители с высшим образованием, по сравнению с родителями со средним образованием, в своих требованиях к школе чаще ориентированы на такие аспекты, как развитие способностей ребёнка (54.7% и 48.6%), получение социального опыта (50.5% и 27.1%), поступление в вуз (48.9% и 31.6%), повышение культурного уровня (28.0% и 21.7%), развитие у ребёнка позитивных личностных качеств (27.9% и 20.9%). Родители же со средним образованием, по сравнению с родителями с высшим, чаще обращают внимание на хорошую предпрофессиональную подготовку (18.9% и 13.2%). Можно сделать вывод, что родители с высшим образованием более склонны видеть в школе *многофункциональный социальный институт* воспитания и развития личности ребёнка.

Мнения родителей школьников о необходимых социальных навыках. Общее распределение ответов родителей приведено в табл. 1.

Из приведённых в табл. 1 данных видно, что среди ответов родителей явно доминирует мнение о том, что школа, в первую очередь, должна сформировать у ребёнка знание своих гражданских прав и обязанностей, умение отстаивать их в конфликтных ситуациях. Весьма высока и доля тех родителей, кто считает необходимым формирование у ребёнка умения находить общий язык с людьми других национальностей и культур. Необходимость прививать детям навык заботы о своём здоровье отмечает каждый второй.

При сравнении ответов в подвыборках в зависимости от *академической успеваемости* ребёнка наиболее показательные различия выявлены лишь по отношению

к значимости компьютерной грамотности. Данный вариант ответа чаще отмечают родители «отличников», по сравнению с родителями «троечников» (39.5% и 33.4%).

Анализ зависимости от образовательного статуса показал, что для родителей с высшим образованием, по сравнению с теми, кто имеет среднее образование, более значимы знание ребёнком своих гражданских прав и обязанностей (83.1% и 73.6%), а также компьютерная грамотность (42.4% и 26.3%).

В целом приведённые данные показывают, что главным для родителей являются правовая и юридическая грамотность, освоение культуры межнационального общения, а также навыки здоровьесбережения.

Представления родителей учащихся о желаемой модели выпускника школы. Общее распределение ответов приведено в табл. 2.

В ответах родителей явно доминирует личностная модель «культурный, образованный человек».

Анализ возрастной динамики показал, что целый ряд личностных образцов не теряет для родителей своей значимости в течение всего периода обучения ребёнка в школе: «добросовестный дисциплинированный работник», «культурный образованный человек», «творческий, квалифицированный специалист». В то же время последовательно увеличивается значимость такого целевого воспитательного ориентира школьного образования, как «критически мыслящий человек, берущий на себя ответственность»: в начальной школе – 29.7% респондентов, в старшей – уже 39.0%.

Анализ в подвыборках в зависимости от академической успеваемости показал, что родители «троечников», по сравнению с родителями «отличников», чаще выбира-

Таблица 1

Значимость социальных навыков, которые, по мнению родителей, должна формировать у ребёнка школа (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Знать свои гражданские права и обязанности, уметь отстаивать их в конфликте (правовая и юридическая грамотность)	82.0
Находить общий язык с людьми других национальностей и культур (коммуникативная грамотность)	61.5
Заботиться о своём здоровье (навыки здоровьесбережения)	52.2
Эффективно и безопасно использовать компьютер и Интернет (цифровые технологии) (компьютерная грамотность)	36.9
Применять в повседневной жизни знания о сохранении экологии (экологическая грамотность)	31.4
Распоряжаться своими деньгами, не попадаться на уловки мошенников (финансовая грамотность)	23.3
N	149169

Таблица 2

Значимость различных личностных моделей выпускника школы для родителей учащихся (%)

Варианты ответов	%
Культурный, образованный человек	72.8
Творческий, квалифицированный специалист	41.8
Человек, добивающийся в жизни своего	38.6
Добросовестный, дисциплинированный работник	32.6
Критически мыслящий человек, берущий на себя ответственность	31.6
Человек, способный обеспечить своё благосостояние	31.3
Надёжный защитник своей страны	18.7
Человек, способный создать крепкую семью	16.8
Человек, тонко чувствующий прекрасное	3.1
Принципиальный человек, не идущий на компромиссы	2.5
Романтик и энтузиаст	1.2
N	149169

ют такие образцы, как «надёжный защитник своей страны» (22.7% и 16.4%), «человек, добивающийся в жизни своего» (42.7% и 37.2%). Для родителей же «отличников» более значимыми, по сравнению с «троечниками», оказываются такие модели, как «культурный, образованный человек (76.7% и 67.4%), «творческий, квалифицированный

Рис. 1. Значимость личностных моделей выпускника школы среди родителей в зависимости от уровня их образования (%)

специалист» (45.7% и 36.2%) и «критически мыслящий человек, берущий на себя ответственность» (35.8% и 26.8%).

И, наконец, сравнительный анализ данных в зависимости от образовательного статуса родителей показал, что родители со средним образованием чаще указывают на такие личностные образцы выпускника школы, как «человек, добивающийся в жизни своего», «добросовестный, дисциплинированный работник», «надёжный защитник страны». Для родителей же с высшим образованием гораздо более значимы качества «культурный, образованный человек», «творческий, квалифицированный специалист», «человек, способный обеспечить своё благосостояние» и «критически мыслящий человек, берущий на себя ответственность» (рис. 1).

Приведённые на рис. 1 данные свидетельствуют о том, что родители с разным образовательным статусом принципиально отличаются в своих требованиях к результатам личностного развития ребёнка.

В целом приведённые в разделе материалы исследования свидетельствуют о том, что образовательный статус родителей является важнейшим фактором, влияющим на их требования и к содержанию обучения, и к значимости тех или иных воспитательных функций школы, и к целевым личностным ориентирам образовательного процесса.

Участие родителей в образовательном процессе своего ребёнка

Оказание родителями личной помощи своему ребёнку в учебной деятельности. Полученные результаты показывают, что каждый четвёртый из опрошенных родителей (25.4%) отметил своё «постоянное» участие в подготовке ребёнком домашних заданий. Каждый седьмой, напротив, указал, что «никогда» не помогает своему ребёнку. Большинство же (60.2%) зафиксировало своё эпизодическое участие.

С переходом в старшие возрастные параллели школы увеличивается доля тех родителей, кто «никогда» не оказывает личной помощи своему ребёнку в подготовке домашних заданий (в начальной школе – 3.8%, в основной – 18.1%, а в старшей – 46.4%). При этом последовательно снижается процент родителей, постоянно участвующих в выполнении домашних заданий своего ребёнка (41.7%, 14.2% и 5.2%).

Особый интерес представляет анализ ответов родителей с учётом академической успешности ребёнка на разных возрастных этапах его обучения в школе. Если среди родителей «отличников», которые обучаются в начальной школе, доля «не помогающих» составляет 6.3%, то среди родителей «троечников» таких существенно меньше – 1.8%. На этапе основной школы этот разрыв существенно увеличивается: среди

родителей «отличников» – 26.2%, а среди родителей «троечников» – 12.5%. В старшей же школе – 56.0% и 31.2% (разрыв составляет уже 24.8%). Если предположить, что отказ ребёнка от помощи родителей в подготовке домашних заданий свидетельствует о его самостоятельности как *субъекта учебной деятельности*, то можно сделать вывод о том, что данная тенденция фиксирует и более высокий уровень сформированности у «отличников» способности быть субъектом своей учебной деятельности (т.е. уметь ставить учебные задачи, обладать средствами их решения и уметь контролировать (оценивать) достигнутый результат).

Поскольку приведённые различия статистически значимы на всех этапах обучения ребёнка в школе, то можно сделать вывод о том, что *субъектность* в учебной деятельности у «отличников» проявляется значительно чаще уже на этапе обучения в начальной школе, и с возрастом она становится всё более отчётливой.

Обсуждая проблему личной включённости родителей в учебную деятельность своего ребёнка, представляется важным учесть и такой показатель, как их образовательный уровень. Так, в начальной школе родители с высшим образованием гораздо чаще оказывают ребёнку постоянную помощь при подготовке домашних заданий в ситуации его низкой академической успешности. Если две трети (68.9%) родителей с высшим образованием оказывают «троечникам» постоянную помощь, то родители со средним образованием подобную постоянную личную поддержку ребёнку «троечнику» оказывают значительно меньше (53.8%).

С одной стороны, это свидетельствует о стремлении родителей с высшим образованием отслеживать учебную успешность своего ребёнка, оперативно включаясь в его учебную деятельность, желая тем самым устранить более серьёзные проблемы с учёбой уже на раннем этапе школьного обучения. С другой – здесь проявляется значение социокультурно-

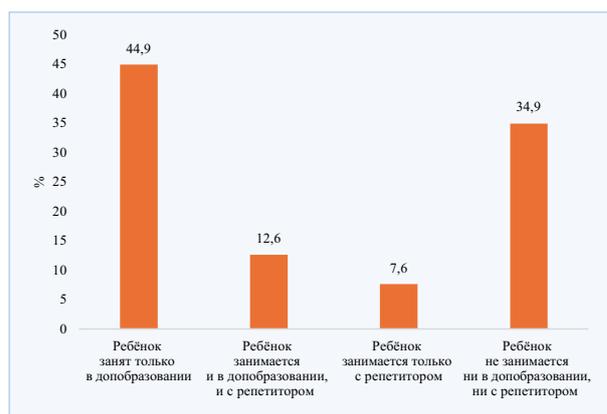

Рис. 2. Распределение подвыборок родителей в зависимости от предоставления ребёнку дополнительных образовательных возможностей в зависимости от уровня их образования (%)

го ресурса (капитала), поскольку высшее образование позволяет родителям оказывать помощь ребёнку по более широкому кругу учебных предметов, используя собственные знания и расширяя тем самым кругозор ребёнка.

В старшей же школе ситуация оказывается прямо противоположной и во многом парадоксальной. Здесь, напротив, родители со средним образованием гораздо чаще оказывают постоянную помощь в подготовке домашних заданий своему ребёнку «троечнику». Среди родителей со средним образованием у старшеклассников «троечников» доля таких составляет 15.3%, а среди родителей с высшим образованием – всего 6.5%.

В чём причина подобных различий? На наш взгляд, в основе лежит установка родителей со средним уровнем образования на *вертикальную образовательную мобильность*, которая связана с их планами дать своему ребёнку более высокий, чем у них самих, уровень образования.

Особенности ориентаций родителей на предоставление ребёнку возможности получения дополнительного образования. Ответы на задаваемые родителям вопросы позволили сформировать четыре подвыборки респондентов: родители, чьи дети занимаются только в системе дополнительного образования; родители, чьи дети занимаются только с репетитором; роди-

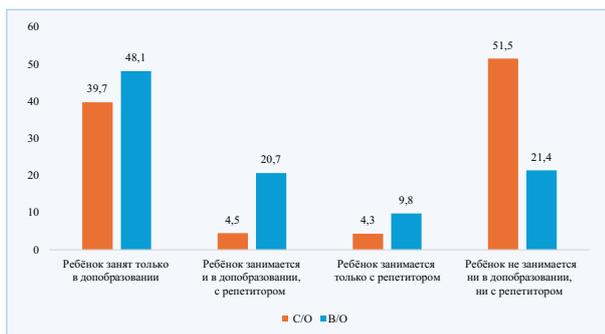

Рис. 3а. Распределение ответов родителей о предоставлении ребёнку дополнительных образовательных возможностей в зависимости от уровня их образования (%)

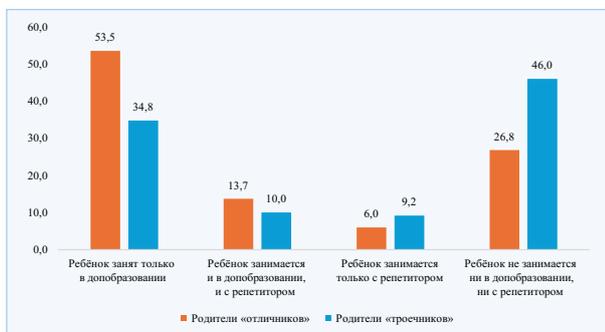

Рис. 3б. Распределение ответов родителей о предоставлении ребёнку дополнительных образовательных возможностей в зависимости от уровня их образования (%)

тели, чьи дети занимаются и в системе дополнительного образования, и с репетитором; родители, чьи дети не занимаются ни в системе дополнительного образования, ни с репетитором. Распределение этих подвыборок приведено на рис. 2.

Из приведённых данных видно, что доля родителей, чьи дети не получают дополнительных образовательных услуг, составляет около трети (34,9%). В целом с репетитором занимается каждый пятый (20,2%). Только в системе дополнительного образования занимается чуть меньше половины (44,9%).

Анализ с учётом возрастной динамики показал, что с переходом ребёнка в старшие возрастные параллели школы снижается доля родителей, чьи дети занимаются только в системе дополнительного образования (с 51,9% — в начальной школе до 29,7% — в старшей). Параллельно увеличивается

доля тех, чьи дети занимаются только с репетитором (с 4,8% до 17,8%). Заметим, что доля родителей, предоставляющих ребёнку возможность заниматься одновременно и в системе дополнительного образования, и с репетитором, с возрастом также увеличивается в два раза (с 10,4% до 21,8%).

Анализ ответов с учётом социально-стратификационных факторов показал, что образовательный статус родителей и уровень академической успеваемости ребёнка существенно дифференцируют ответы респондентов (рис. 3а, 3б).

На рис. 3а отчётливо видно, что родители с высшим образованием чаще фиксируют занятия своего ребёнка в системе дополнительного образования. Активнее они обращаются и к помощи репетиторов: суммарная доля подобных ответов составляет 30,5% (доля родителей со средним образованием, чьи дети занимаются с репетитором, почти в четыре раза ниже — 8,8%).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что родители с высоким уровнем образования в гораздо большей степени ориентированы на предоставление своему ребёнку более качественного образования. В этом отчётливо проявляется влияние *социокультурного капитала семьи*.

Из приведённых на рис. 3б данных видно, что родители «отличников» также предоставляют ребёнку больше дополнительных образовательных возможностей, по сравнению с теми, чьи дети имеют слабую академическую успеваемость. Это позволяет сделать вывод о том, что занятия в системе дополнительного образования в целом играют позитивную роль в учебной успешности ребёнка.

Различия в образовательных стратегиях родителей с высшим и средним уровнем образования в зависимости от возраста ребёнка и его академической успешности

В качестве *гипотезы* предположим, что структурные изменения во взаимосвязях между требованиями родителей к различным аспектам школьного образова-

ния и теми дополнительными «вкладами», которые они осуществляют при поддержке образовательного процесса своего ребёнка, в существенной степени зависят не только от уровня образования самих родителей, но также от возраста и академической успешности ребёнка.

Для проверки этого предположения использовалась процедура факторного анализа полученных эмпирических материалов. Была сформирована матрица первичных данных с общей размерностью 26 × 24 (строки × столбцы), где в строках содержались ответы на вопросы анкеты, а столбцы представляли подвыборки родителей с высшим и средним образованием учащихся 1, 4, 5, 7, 9 и 11-х классов с высокой (отличники – «О») и низкой (троечники – Т») академической успешностью. В ячейках матрицы указывался процент выбора варианта ответа в соответствующей подвыборке. По результатам факторного анализа были выделены пять факторов, объясняющих 86.7% общей суммарной дисперсии (табл. 3).

Из приведённых в табл. 3 данных видно, что наиболее мощным является первый фактор, вклад которого в общую суммарную дисперсию составляет 45.7%. На положительном полюсе он объединяет комплекс, состоящий из четырёх желаемых родителями личностных характеристик выпускника школы: «творческий, квалифицированный специалист», «критически мыслящий человек, берущий на себя ответственность», «культурный человек» и «человек, способный обеспечить своё благосостояние». Эти характеристики определяют такие личностные качества, как независимость, самостоятельность, творчество и стремление к социальному успеху. В целом этот комплекс можно обозначить как *стремление к самореализации в широком социокультурном контексте*.

На отрицательном полюсе в качестве содержательных доминант выступают три личностные характеристики: «добросовестный, дисциплинированный работник», «надёжный защитник своей страны» и «человек, добивающийся в жизни свое-

го». Здесь доминируют добросовестность, дисциплинированность, коммуитарность и стремление добиться своего. Если положительный полюс ценностно ориентирован на свободу самовыражения, то отрицательный – на актуализацию ограничительной, охранительной нормативной позиции, т.е. *самореализацию в более узком контексте*.

Таким образом, можно сделать первый вывод о том, что этот фактор чётко определяет социокультурную оппозицию в предпочтениях родителей: *«социокультурная самореализация, независимость, готовность к изменениям – самоограничение, прагматизм, защита»*.

Второй важный вывод касается взаимосвязи желаемой личностной модели выпускника школы с приобретением конкретных социальных навыков. Положительный полюс в представлениях родителей связан с формированием у ребёнка таких социальных навыков, как приобретение опыта социального общения и взаимодействия; знание своих гражданских прав и обязанностей, умение отстаивать их в конфликте; эффективное и безопасное использование компьютера и Интернета. Иными словами, здесь проявляются и особые требования к школе как институту *социального развития ребёнка*.

Напротив, ориентация родителей на комплекс личностных характеристик, определяющих отрицательный полюс первого фактора, вообще не предполагает развития у ребёнка каких-либо характерных социальных навыков. Таким образом, можно сделать вывод о том, что родители, ориентированные на формирование у ребёнка ограничительных, охранительных нормативных установок, не предъявляют особых требований к школе в плане социального развития ребёнка. Здесь задача школы видится скорее в формировании навыков *следования заданной норме*. Причём родители в данном случае пассивны и готовы принять те цели, которые предлагает школа.

Весьма характерен и третий момент, который касается конкретных требований

Таблица 3

**Содержание выделенных факторов, фиксирующих взаимосвязь
различных показателей отношения родителей к образованию своего ребёнка
(процент вклада в общую суммарную дисперсию и весовые нагрузки показателей)**

Содержание выделенных факторов	% в общей суммарной дисперсии и весовые нагрузки показателей
F1 (+/-) социокультурная самореализация, независимость, готовность к изменениям – самоограничение, прагматизм, защита	45.7%
Опыт социального общения и взаимодействия	.970
Творческий, квалифицированный специалист	.947
Эффективное и безопасное использование компьютера и Интернета (цифровые технологии)	.912
Критически мыслящий, берущий на себя ответственность человек	.907
Культурный, образованный человек	.886
Знание своих гражданских прав и обязанностей, умение отстаивать их в конфликте	.878
Ребёнок занят в допобразовании и занимается с репетитором	.811
Возможность развития своих способностей	.757
Воспитание позитивных личностных качеств учащихся	.700
Достаточный культурный уровень	.692
Человек, способный обеспечить своё благосостояние	.680
Необходимая подготовка для поступления в ВУЗ	.666
Добросовестный, дисциплинированный работник	-.923
Ребёнок НЕ занят в допобразовании и НЕ занимается с репетитором	-.910
Надёжный защитник своей страны	-.871
Хорошая предпрофессиональная подготовка	-.702
Человек, добивающийся в жизни своего	-.607
F2 (+/-) помощь ребёнку, значимость семейных отношений – отсутствие помощи	16.9%
Да, постоянно помогаю	.907
Человек, способный создать крепкую семью	.668
Нет, никогда не помогаю	-.892
F3 (+/-) прочные знания – финансовая грамотность	10.20%
Прочные знания	.718
Умение распоряжаться своими деньгами, не попадаться на уловки мошенников	-.888
F4 (+) экологическая и коммуникативная грамотность	7.6%
Умение применять в повседневной жизни знания о сохранении экологии	.877
Умение находить общий язык с людьми других национальностей и культур	.569
F5 (+) опыт участия в общественной жизни и деятельности	6.2%
Опыт участия в общественной жизни и деятельности	.937

к школьному обучению. Так, положительный полюс данного фактора определяют возможность развития своих способностей, воспитание позитивных личностных качеств учащихся, приобретение достаточного культурного уровня и необходимая подготовка к поступлению в вуз. Отрицатель-

ный же полюс фиксирует лишь одно требование: хорошая предпрофессиональная подготовка, что соответствует ориентации на среднее профессиональное образование.

Заметим, что оппозиция, заданная первым фактором, касающаяся личностных особенностей выпускника школы, его спо-

собностей и социализации, проявляется и в отношении родителей к возможности получения ребёнком дополнительного образования. Если положительный полюс фактора определяет чёткую ориентацию родителей на приобщение ребёнка к системе дополнительного образования, то отрицательный, напротив, фиксирует отсутствие включённости ребёнка в систему дополнительного образования.

Таким образом, первый фактор содержит сложную многоуровневую структуру ценностных оппозиций в отношении родителей к школьному образованию, что позволяет интерпретировать его как фундаментальный фактор, дифференцирующий два *социокультурных типа развития* современного ребёнка в процессе школьного образования.

Биполярный фактор F2 (16.9%) дифференцирует две разные стратегии родителей относительно помощи ребёнку в выполнении домашних заданий. Его положительный полюс характеризует родителей, постоянно участвующих в подготовке домашних заданий, а также фиксирует значимость межличностных отношений в семье – «*взаимопомощь*». Успешность учёбы ребёнка значима для родителей. Отрицательный же полюс данного фактора характеризует тех родителей, кто никогда не оказывает помощи ребёнку в выполнении домашних заданий. В целом данный фактор можно задать через оппозицию «*помощь ребёнку, значимость семейных отношений – отсутствие помощи*».

Остальные факторы достаточно просты по своей структуре и малоинформативны по вкладу в общую суммарную дисперсию. Так, биполярный фактор F3 (10.2%) обозначает оппозицию «*прочные знания – финансовая грамотность*». Униполярный фактор F4 (7.6%) фиксирует взаимосвязь между получением в процессе обучения в школе навыков экологической и коммуникативной грамотности. И, наконец, фактор F5 (6.2%) включает лишь один параметр, касающийся необходимости приобретения ребёнком в процессе школьного

обучения опыта участия в общественной жизни и деятельности.

Основные выводы

1. Уровень образования родителей определяет своеобразие их отношения к школе как к многофункциональному социальному институту воспитания и развития личности ребёнка. Родители с разным образовательным статусом принципиально отличаются в своих требованиях к результатам школьного обучения, которые касаются личностного развития ребёнка.

Исследование позволило зафиксировать сложную многоуровневую структуру ценностных оппозиций в отношении родителей с разным уровнем образования к обучению их ребёнка в школе, что позволяет интерпретировать полученные результаты как *два социокультурных типа развития современного ребёнка в процессе школьного образования*.

2. Существенно отличаются стратегии участия родителей с разным уровнем образования относительно предоставления ребёнку дополнительных образовательных возможностей. Родители с высшим образованием более активны в предоставлении ребёнку возможностей получения как дополнительного образования, так и в привлечении профессионального педагогического ресурса. Родители же со средним образованием в большей степени ориентируются на получение ребёнком хорошей предпрофессиональной подготовки.

3. Полученные материалы о личностной включённости родителей в процесс подготовки ребёнком домашних заданий в зависимости от его академической успешности позволили зафиксировать характерную тенденцию формирования субъектности в учебной деятельности на разных возрастных этапах школьного образования. Эта тенденция проявляется значительно чаще среди учащихся «отличников» уже на этапе их обучения в начальной школе и с возрастом

становится всё более отчётливой. Подобная субъектность ребёнка в учебной деятельности фиксирует и определён-

ный аспект формирования у него *собственного социокультурного капитала в процессе школьного обучения.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Арамачева Л.В. Анализ консультационных запросов современных родителей, воспитывающих подростков 13–15 лет // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2023. № 1 (63). С. 110–118.
2. Белоусов К.Ю., Матюшкина М.Д. Участие родителей в образовании своих детей и в образовательной политике школы // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 222–245. DOI: 10.32744/pse.2020.5.16.
3. Варызгина А.А., Куликова А.В., Михайлова В.В. Образовательные стратегии семей: почему родители вкладывают деньги в дополнительное образование детей? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1 (69). С. 131–137.
4. Дубровина И.В. Школьное детство в пространстве современного образования // Проблемы школьной неуспешности детей и пути её преодоления. Книга для учителя / Авт.-сост. В.С. Басюк. М.: Просвещение, 2023. С. 125–138.
5. Эрлих О.В., Виноградов В.Н., Цыганкова Н.И., Попова А.В. Развитие готовности родителей к оказанию помощи ребёнку, испытывающему трудности в обучении // Человек и образование. 2022. № 1 (70). С. 91–99. DOI: 10.54884/S181570410019976-8.
6. Лосева Е.С. Роль воспитания в формировании индивидуальной образовательной траектории обучающегося // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 351–354. DOI: 10.26140/anip-2019-0801-0087.
7. Собкин В.С., Калашникова Е.А. К вопросу о репетиторстве: мнение учащихся, учителей и родителей // Педагогика. 2019. № 6. С. 39–56.
8. Брей М., Ликинз Ч. Теневое образование: частное дополнительное обучение и его вызовы органам государственного управления в сфере образования стран Азиатского региона: Монография / Пер. с англ. В.Н. Демченко, Э.И. Печерица; Под общ. ред. Е.Л. Рудневой, М.П. Пальянова, А.Б. Ефременкова, О.Т. Лойко; Юргинский технологический институт. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/327841/shadow-education-ru.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).
9. Бугакова М.В., Игнатович В.К., Игнатович С.С., Курочкина В.Е. Семья в ситуации выбора индивидуальной образовательной траектории ребёнка // Педагогика: история, перспективы. 2020. Т. 3. № 6. С. 19–30. DOI: 10.17748/2686-9969-2020-3-6-19-30.
10. Шуклина Е.А. Образовательная политика в оценках родителей «успешных» и «неуспешных» школьников // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2020. № 3. С. 22–43. DOI: 10.15593/2224-9354/2020.3.2.
11. Война А.О. Психолого-педагогическое сопровождение развития личности в образовательном пространстве мегаполиса // Педагогическое образование. 2020. Т. 1. № 1. С. 11–16.
12. Собкин В.С., Калашникова Е.А. Отношение к дополнительному образованию учащихся основной и старшей школы: социально-психологические аспекты // Национальный психологический журнал. 2018. № 1 (29). С. 62–75.
13. Собкин В.С., Калашникова Е.А. Подросток в системе дополнительного образования: социально-психологические аспекты // Психолого-педагогический поиск. 2016. № 2 (38). С. 43–68.
14. Собкин В.С., Калашникова Е.А. Ученик основной школы: отношение к дополнительному образованию // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 16–26.
15. Лазарев В.С., Писарский П.С., Сельцер Р.М., Собкин В.С. Российская школа на рубеже 90-х: социологический анализ / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 1993.

16. Собкин В.С., Адамчук Д.В. Учитель о включённости родителей в образовательный процесс // Человек и образование. 2015. № 3 (44). С. 102–112.
17. Собкин В.С., Калашникова Е.А. Социология школьной отметки // Педагогика. 2011. № 3. С. 8–20.
18. Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ. Москва – Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. М.: Центр социологии образования РАО, 1994.
19. Собкин В.С., Писарский П.С. Типы региональных образовательных ситуаций в Российской Федерации. Труды по социологии образования. М.: Центр социологии образования РАО, 1998. Т. IV. Вып. V.

Academic Success of Schoolchildren and Family Social and Cultural Capital

Vladimir Samuilovich Sobkin – Member of the Russian Academy of Education; DSc (Psychology); Head of the Center for Sociocultural Problems of Modern Education, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research.

E-mail: sobkin@mail.ru

Yekaterina Alexandrovna Kalashnikova – PhD (Psychology); Leading Researcher, Center for Sociocultural Problems of Modern Education, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research.

E-mail: 5405956@mail.ru

The article presents an analysis of the results of a large-scale sociological study of the opinions of 149 169 parents of primary, secondary and high school students about their attitude to their child's education. Using a specially designed questionnaire, the survey was conducted with the support of the Ministry of Education of the Russian Federation in almost all Russian regions in the 2021/22 academic year. This paper examines issues related to parental requirements for the tasks and results of school education: content requirements, necessary social skills, desired personal characteristics of a school graduate. Taking into account the influence of the educational status of the parents, the age of the child and his academic success, the features of the participation of parents in the educational process are characterized: their personal assistance in preparing homework, providing the child with opportunities to receive additional education. Special attention is paid to the analysis of the nature of changes in the relationship between the value-goal orientations of parents regarding school education and the participation of parents in supporting the educational process of their child.

Keywords: students, parents, educational values and targets, supplementary education, family social and cultural capital, age, academic performance

REFERENCES

1. Aramacheva L.V. Analiz konsul'tatsionnykh zaprosov sovremennykh roditelei, vospityvayushchikh podrostkov 13–15 let // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva. 2023. № 1 (63). С. 110–118 (in Russian).
2. Belousov K.Yu. Matyushkina M.D. Uchastie roditelei v obrazovanii svoikh detei i v obrazovatel'noi politike shkoly // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2020. № 5 (47). С. 222–245. DOI: 10.32744/pse.2020.5.16 (in Russian).

3. Varyzgina A.A., Kulikova A.V., Mikhailova V.V. Obrazovatel'nye strategii semei: pochemu roditeli vkladyvayut den'gi v dopolnitel'noe obrazovanie detei? // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2023. № 1 (69). S. 131–137 (in Russian).
4. Dubrovina I.V. Shkol'noe detstvo v prostranstve sovremennogo obrazovaniya // Problemy shkol'noi neuspeshnosti detei i puti eyo preodoleniya. Kniga dlya uchitelya / Avt.-sost. V.S. Basyuk. M.: Prosveshchenie, 2023. S. 125–138 (in Russian).
5. Erlikh O.V., Vinogradov V.N., Tsygankova N.I., Popova A.V. Razvitie gotovnosti roditeli k okazaniyu pomoshchi rebyonku, ispytyvayushchemu trudnosti v obuchenii // Chelovek i obrazovanie. 2022. № 1 (70). S. 91–99. DOI: 10.54884/S181570410019976-8 (in Russian).
6. Loseva E.S. Rol' vospitaniya v formirovanii individual'noi obrazovatel'noi traektorii obuchayushchegosya // Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya. 2019. T. 8, № 1 (26). S. 351–354. DOI: 10.26140/anip-2019-0801-0087 (in Russian).
7. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. K voprosu o repetitorstve: mnenie uchashchikhsya, uchitelei i roditelei // Pedagogika. 2019. № 6. S. 39–56 (in Russian).
8. Brei M., Likinz Ch. Tenevoe obrazovanie: chastnoe dopolnitel'noe obuchenie i ego vyzovy organam gosudarstvennogo upravleniya v sfere obrazovaniya stran Aziatskogo regiona: Monografiya / Per. s angl. V.N. Demchenko, E.I. Pecheritsa; Pod obshch. red. E.L. Rudnevoi, M.P. Pal'yanova, A.B. Efremenkova, O.T. Loiko; Yurginskii tekhnologicheskii institut. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2016. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/327841/shadow-education-ru.pdf> (data obrashcheniya: 10.02.2024) (in Russian).
9. Bugakova M.V., Ignatovich V.K., Ignatovich S.S., Kurochkina V.E. Sem'ya v situatsii vybora individual'noi obrazovatel'noi traektorii rebyonka // Pedagogika: istoriya, perspektivy. 2020. T. 3. № 6. S. 19–30. DOI: 10.17748/2686-9969-2020-3-6-19-30 (in Russian).
10. Shuklina E.A. Obrazovatel'naya politika v otsenkakh roditeli «uspeshnykh» i «neuspeshnykh» shkol'nikov // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2020. № 3. S. 22–43. DOI: 10.15593/2224-9354/2020.3.2 (in Russian).
11. Voina A.O. Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie razvitiya lichnosti v obrazovatel'nom prostranstve megapolisa // Pedagogicheskoe obrazovanie. 2020. T. 1. № 1. S. 11–16 (in Russian).
12. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. Otnoshenie k dopolnitel'nomu obrazovaniyu uchashchikhsya osnovnoi i starshei shkoly: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2018. № 1 (29). S. 62–75 (in Russian).
13. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. Podrostok v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty // Psikhologo-pedagogicheskii poisk. 2016. № 2 (38). S. 43–68 (in Russian).
14. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. Uchenik osnovnoi shkoly: otnoshenie k dopolnitel'nomu obrazovaniyu // Voprosy psikhologii. 2013. № 4. S. 16–26 (in Russian).
15. Lazarev V.S., Pisarskii P.S., Sel'tser R.M., Sobkin V.S. Rossiiskaya shkola na rubezhe 90-kh: sotsiologicheskii analiz / Pod red. V.S. Sobkina. M.: Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO, 1993 (in Russian).
16. Sobkin V.S., Adamchuk D.V. Uchitel' o vkluyuchyonnosti roditeli v obrazovatel'nyi protsess // Chelovek i obrazovanie. 2015. № 3 (44). S. 102–112 (in Russian).
17. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. Sotsiologiya shkol'noi otmetki // Pedagogika. 2011. № 3. S. 8–20 (in Russian).
18. Sobkin V.S., Pisarskii P.S. Zhiznennye tsennosti i otnoshenie k obrazovaniyu: krosskul'turnyi analiz. Moskva – Amsterdam. Po materialam sotsiologicheskogo oprosa uchitelei, uchashchikhsya i roditeli. M.: Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO, 1994 (in Russian).
19. Sobkin V.S., Pisarskii P.S. Tipy regional'nykh obrazovatel'nykh situatsii v Rossiiskoi Federatsii. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. M.: Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO, 1998. T. IV. Vyp. V (in Russian).

Индекс УДК 159.99

Код ГРНТИ 15.31.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-133-141

**Р.Р. МУСЛУМОВ,
А.А. ПЕЧЕРКИНА,
Э.Э. СЫМАНИУК***

Особенности семейного воспитания подростков с разным уровнем школьной тревожности

В статье приводятся результаты исследования взаимосвязи особенностей семейного воспитания и показателей школьной тревожности подростков в возрасте 11–15 лет. Установлено, что существует значимая связь между нарушениями стиля воспитания и уровнем школьной тревожности. Среди особенностей семейного воспитания подростков, демонстрирующих высокий уровень школьной тревожности, выделены гиперопека, чрезмерность требований-запретов, неустойчивость стиля воспитания. Охарактеризована роль эмоциональной поддержки семьи в формировании положительного эмоционального состояния подростков и способности справляться с академическим стрессом.

Полученные результаты могут быть использованы как при работе с подростками, при разработке программ их психологического сопровождения, так и при разработке программ поддержки родителей и информирования их о возможных стилях воспитания, их влиянии на эмоциональное состояние и академическую успеваемость детей.

Ключевые слова: семейное воспитание, подростки, школьная тревожность, гиперпротекция, гипопротекция, неустойчивость стиля воспитания

В условиях возрастающих образовательных требований и ожиданий социального окружения становится важным определение актуальных фак-

торов, способствующих возникновению школьной тревожности. В данном контексте семейное воспитание играет ключевую роль, так как оно отражается на способ-

* **Муслумов Рустам Рафикович** — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (УрФУ) им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

E-mail: mrr82@yandex.ru

Печеркина Анна Александровна — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой педагогики и психологии образования УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

E-mail: a.a.pecherkina@urfu.ru

Сыманюк Эльвира Эвальдовна — член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей и социальной психологии УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

E-mail: e.e.symaniuk@urfu.ru

ности детей справляться с академическим стрессом и школьной тревожностью.

Влияние родительского отношения на психическое развитие ребёнка исследовали А.Я. Варга, Ю.Б. Гиппенрейтер, А.И. Захаров, О.А. Карабанова, А.В. Петровский и др. Различные типы семейного воспитания и причины, приводящие к нарушениям в процессе воспитания, нашли отражение в работах А.А. Бодалёва, Р. Снайдера и Э.Г. Эйдемиллера. Кроме того, в исследованиях Е.В. Гуровой, В.С. Мухиной, Р.В. Овчаровой, Е.О. Смирновой активно поднимался вопрос о родительской компетентности.

Семейное воспитание играет решающую роль в формировании эмоционального благополучия подростков. По мнению М.И. Лисиной, существенное влияние на личностное развитие ребёнка, его эмоционально-волевую сферу оказывает родительская тревожность [1]. Подробный анализ такого влияния представлен в работах А.М. Прихожан [2]. Автор отмечает, что трудности и проблемы в эмоциональной сфере наблюдаются у детей тех родителей, у которых есть личностные нарушения и склонность к тревожности.

Увеличение учебных нагрузок и строгие требования к академическим достижениям способствуют формированию высокого уровня стресса и тревожности у подростков. Социальные изменения, включая возросшие ожидания со стороны родителей, оказывают значительное давление на учеников, повышая их эмоциональную напряжённость.

Школьная и семейная жизнь очень плотно переплетены: очевидно, что благополучная и поддерживающая обстановка дома позитивно сказывается на учёбе подростка, в то время как возможна и обратная ситуация. Детская тревожность является одной из первичных причин разнообразных нарушений поведения в школе. Как правило, нарушения поведения напрямую связаны с особенностями взаимодействия в семье, или стилями семейного воспитания.

Особую роль играет отношение родителей к школе, их ожидания академических успехов ребёнка. Так, по данным S. Deb

и коллег, 66% учащихся отмечают, что основной причиной академического стресса является давление родителей, требующих повышения успеваемости [3].

За последние годы проведены исследования, показывающие негативное влияние факторов семейного неблагополучия на школьную жизнь подростка. Е.Н. Волкова и Л.В. Скитневская установили, что дети из неблагополучных семей в 2–6 раз чаще подвергаются насилию в школе [4]. J. Ramos и коллеги указывают на то, что стабильная семейная среда способствует психическому и эмоциональному благополучию подростков [5].

Во многих семьях наблюдаются отклонения от оптимальных способов взаимодействия с ребёнком, среди которых можно выделить несколько основных категорий:

- гиперпротекция (гиперопека), которая характеризуется чрезмерной заботой и контролем, что ограничивает самостоятельность ребёнка и может привести к развитию тревожности и низкой самооценки [6];
- гипопротекция (недостаточная опека) проявляется в отсутствии достаточно внимания и заботы со стороны родителей, что вызывает чувство заброшенности и повышенную уязвимость к стрессу [7];
- чрезмерные требования и запреты создают постоянное ощущение давления и контроля, что может вызвать у ребёнка страх перед ошибками и авторитетами, что подтверждается исследованиями [8]. Недостаточность требований и обязанностей приводит к тому, что ребёнок не ощущает себя ответственным и подготовленным к жизненным вызовам;
- неустойчивый стиль воспитания, характеризующийся непоследовательными требованиями и ожиданиями, создаёт у ребёнка чувство неопределённости и непредсказуемости, что может привести к повышенной тревожности и проблемам с адаптацией [9].

В семье могут одновременно присутствовать несколько стилей воспитания, так

как каждый член семьи отстаивает свой подход к воспитанию ребёнка. Э.Г. Эйдемиллер выделил уровень протекции (внимание и усилия, которые родители уделяют воспитанию ребёнка), удовлетворение материальных и духовных потребностей, степень предъявления требований и запретов, строгость санкций и устойчивость стиля воспитания как характеристики, которые помогают определить тип воспитательного процесса. На их основе была разработана модель семейного консультирования [10], направленная на помощь членам семьи в приобретении нового опыта, который помогает им стать более гармоничными и интегрированными личностями.

Исследователи неоднократно обращались к теме взаимосвязи особенностей родительского воспитания и проявлений тревожности ребёнка в школе. В.Г. Белов выявил взаимосвязь тревожности и характера детско-родительских отношений. Установлено, что родители относятся к детям без уважения к их мнению, участвуют в делах ребёнка либо незначительно (гипоопека), либо крайне высоко (гиперопека) в семьях с высоким уровнем тревожности. Тревожность школьников имеет выраженные положительные связи с такими характеристиками, как агрессивность, фрустрация, отвержение, импульсивность и отрицательные взаимосвязи с единением между детьми и родителями, с чувством защищённости в семье [11].

Ю.В. Сорокопуд и О.А. Матвеева [12], опираясь на классификацию нарушений воспитания Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса, обнаружили проявления нарушенных типов воспитания, а также те поведенческие и эмоциональные последствия, которые возникают у ребёнка. Среди них отмечаются замкнутость, безответственность, обидчивость и др.

В нашем исследовании мы также используем данную типологию нарушений семейного воспитания для оценки их выраженности у подростков, имеющих высокие показатели школьной тревожности.

Цель настоящего исследования – определить особенности нарушений семейного

воспитания у подростков с высоким уровнем школьной тревожности.

Методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие 168 подростков (83 девочки и 85 мальчиков). Средний возраст участников составил 12,7 лет (стандартное отклонение 0,79).

Родители подростков, принимающие участие в исследовании, были разделены на группы в зависимости от состава семей:

- 112 полных семей, что составило большую часть выборки, при этом в 105 из этих семей участвовали оба родителя (94% от общего числа полных семей), в оставшихся 7 семьях участвовала только мать (6% случаев);
- 56 неполных семей, где ребёнка воспитывает один родитель или опекун.

Таким образом, общий состав выборки составил 433 человека (273 родителя и 160 детей).

Методики исследования. Для сбора эмпирических данных использовался следующий психодиагностический инструментарий:

1. Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ), авторы Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. Методика позволяет выявить особенности воспитания ребёнка в семье по двум направлениям: определение различных нарушений воспитательного процесса и причин, по которым родители воспитывают ребёнка именно таким образом.

Мы использовали версию для родителей детей, чей возраст находится в интервале от 11 до 21 года. Заполнение опросника проводилось в электронной форме, ответы родители давали независимо друг от друга. При этом респонденты дополнительно фиксировали, что у них не возникло трудностей при прочтении инструкции и отсутствовали проблемы понимания вопросов.

2. Опросник «Школьная тревожность», автор Б. Филлипс. Опросник направлен на изучение различных аспектов тревожности, связанных с учебным процессом, экзаменами, взаимодействием с учителя-

**Показатели шкал методики
«Анализ семейных взаимоотношений»
в группах «высокотревожных»
и «нормотревожных» подростков**

Таблица

Тип воспитания	Среднее значение у высокотревожных (n = 60)	Среднее значение у нормотревожных (n = 100)	t-значение	p-значение
Гиперопека (Г+)	7,3	5,4	2,45	0,015
Гипоопека (Г-)	4,2	4,1	0,20	0,840
Потворствование (У+)	5,1	5,0	0,30	0,764
Игнорирование потребностей ребёнка (У-)	1,8	1,6	1,25	0,213
Чрезмерность требований-обязанностей (Т+)	3,6	3,8	-0,80	0,423
Недостаточность требований-обязанностей (Т-)	3,8	3,5	1,20	0,231
Чрезмерность требований-запретов (З+)	4,6	3,3	3,20	0,002
Недостаточность требований-запретов (З-)	2,5	2,6	-0,30	0,764
Чрезмерность санкций (С+)	2,5	2,4	0,40	0,689
Минимальность санкций (С-)	3,7	3,4	1,25	0,213
Неустойчивость стиля воспитания (Н)	4,8	4,2	2,10	0,037
Расширение сферы родительских чувств (РРЧ)	3,2	3,2	0,00	1,000
Предпочтение в подростке детских качеств (ПДК)	3,1	3,0	0,25	0,804
Воспитательная неуверенность родителя (ВН)	4,6	4,3	1,50	0,136
Фобия утраты ребёнка (ФУ)	4,8	4,5	1,75	0,082
Неравность родительских чувств (НРЧ)	3,1	3,1	0,00	1,000
Проекция на ребёнка собственных качеств (ППК)	3,5	3,2	1,50	0,136
Вынесение конфликта в сферу воспитания (ВК)	1,8	1,6	1,25	0,213
Шкала предпочтения женских качеств (ПЖК)	1,4	1,2	1,25	0,213
Шкала предпочтения мужских качеств (ПМК)	1,8	1,6	1,25	0,213

ми и сверстниками. Также он позволяет определить основные области, вызывающие тревожность у учащихся, и оценить её влияние на их академическую деятельность. Мы использовали модифицированную версию, предложенную Т.А. Егоренко, А.В. Лобановой, Д.В. Чумаченко [13, 14].

Результаты исследования обрабатывались с помощью программ Microsoft Excel (количественный подсчёт результатов, качественный анализ, построение гистограммы) и SPSS версия 26 (статистиче-

ский анализ). При статистических расчётах использовались критерии Колмогорова-Смирнова, коэффициент корреляции Пирсона, t-критерий Стьюдента.

Результаты и обсуждение

Обратимся к таблице, в которой отражены средние показатели шкал методики АСВ по группам высокотревожных и нормотревожных подростков. Разделение на группы происходило на основании шкалы «Общая тревожность в школе». Подростки, показавшие результаты в категории «очень высокая» тревожность и «выше среднего», вошли в группу «высокотревожных», подростки со средними и более низкими показателями — в группу «нормотревожных».

Наибольшие различия в значениях наблюдаются по шкале «гиперопека». В семьях высокотревожных подростков показатели гиперопеки значительно выше (7,3 против 5,4), что подтверждается весомым t-значением (2,45) и p-значением (0,015). Скорее всего, это связано с тем, что чрезмерная опека родителей ограничивает автономию подростков, что может приводить к повышенной тревожности из-за недостатка самостоятельности и навыков саморегуляции. Аналогичный результат был получен в исследовании A. Chua, где использование гиперопеки и так

называемого тигриного воспитания увеличивало риск тревожности и депрессии у детей [15]. Автором установлено, что «тигриное воспитание» характеризуется высоким уровнем контроля и строгими требованиями к детям с акцентом на академические достижения и успех в избранных занятиях (например, музыке и спорте). «Родители-тигры» зачастую используют методы, включающие эмоциональное давление и наказание за недостаточные результаты, что приводит к высокому уровню стресса у детей.

Другие значимые различия наблюдаются по шкале «чрезмерность требований-запретов». Значения у высокотренированных подростков составляют 4,6 против 3,3 у нормотренированных, с t -значением 3,20 при $p = 0,002$. Это указывает на то, что высокий уровень чрезмерных запретов может способствовать развитию тревожности у подростков из-за постоянного ощущения давления и контроля.

Кроме того, установлены значимые различия по шкале «неустойчивость стиля воспитания», где значения составляют 4,8 у высокотренированных подростков против 4,2 у нормотренированных, с t -значением 2,10 и p -значением 0,037. Неустойчивость в стиле воспитания, когда родители непоследовательны в своих требованиях и ожиданиях, может создавать чувство неопределённости и тревожности у подростков. J.R. Weisz, C.A. McCarty, S.M. Valeri [16] рассматривают эффект психотерапии с целью помощи детям, сталкивающимся с непоследовательными воспитательными воздействиями родителей. Авторы предлагают использовать краткосрочные когнитивно-поведенческие вмешательства для родителей с целью коррекции воспитательного воздействия и, таким образом, снижения тревожности детей.

Для других нарушений воспитания, таких как гипоопека, потворствование, игнорирование потребностей ребёнка, различия между группами высокотренированных и нормотренированных подростков оказались незначительными.

С целью изучения взаимосвязи между выраженностью шкал опросника «Школьная тревожность» и особенностями родительского воспитания по опроснику «Анализ семейных взаимоотношений» была построена корреляционная плеяда. Полученные результаты корреляционного анализа представлены на рисунке.

Рис. Корреляционная плеяда значимых связей между методиками исследования

Обратившись к рисунку, можно увидеть значимые связи между различными нарушениями стиля воспитания и показателями школьной тревожности у подростков.

Так, гиперпротекция значимо связана с общей тревожностью в школе ($p = 0,04$). Это может быть объяснено тем, что чрезмерная защита и опека ограничивают возможности подростка развивать самостоятельность и уверенность в себе, что приводит к повышенной тревожности в школьных ситуациях. Исследование Н.Н. Schiffrin и коллег показало, что гиперпротекция взаимосвязана с высоким уровнем тревожности и снижением саморегуляции у респондентов: за счёт ограничения способности к самостоятельному решению проблем она повышает уровень тревожности у подростков [17].

На нашей выборке значимо подтвердилось, что чрезмерные требования и запреты связаны с чувством постоянного контроля и ограничения свободы, что ведёт к повышенной тревожности, так как они не могут свободно выражать свои мысли и чувства. Это согласуется с данными, полученными С.А. Spera [18].

Установлена связь недостаточности требований-обязанностей с проблемами и страхами в отношениях с учителями ($p = 0,045$). Снижение требований может приводить к тому, что подростки чувствуют себя недостаточно подготовленными и уверенными для взаимодействия с учителями, а это вызывает страх и проблемы в этих отношениях. На наш взгляд, недостаток родительских требований и ожиданий приводит к снижению академической мотивации и увеличению тревожности в школьной среде.

Следующая связь касается гипопротекции, которая значимо коррелирует со страхом самовыражения ($p = 0,031$). Недостаток внимания и заботы со стороны родителей может ослабить способность подростков к управлению стрессом и снизить уверенность в самовыражении. Гипопротекция может усиливать страх самовыражения и снижать физиологическую устойчивость к стрессу у подростков, что негативно сказывается на их академической и социальной адаптации.

Также установлена значимая связь между чрезмерностью санкций и страхом ситуации проверки знаний ($p = 0,023$), страхом не соответствовать ожиданиям окружающих ($p = 0,031$). Суровые наказания могут привести к повышенной тревожности и страху ошибок у подростков, что может снижать их академическую успеваемость и социальную интеграцию. Это согласуется с результатами исследования M.T. Wang, S. Kenny [19].

Неустойчивость стиля воспитания значимо связана с фрустрацией в достижении успеха ($p = 0,012$). Непоследовательные требования могут приводить к тому, что подростки испытывают трудности в достижении целей и ощущают фрустрацию. К тому же непоследовательные и непредсказуемые воспитательные стратегии могут негативно влиять на мотивацию подростков и их уверенность в достижении поставленных целей. Аналогичные результаты получены К. Aunola и коллегами. Ими установлено, что непоследовательные ро-

дительские стили связаны с низкой мотивацией и фрустрацией у подростков при достижении успеха [20].

Выводы

Гиперпротекция, чрезмерность требований и запретов, недостаточность требований и гипопротекция, а также неустойчивость стиля воспитания являются ключевыми факторами, способствующими повышению уровня тревожности у подростков. Каждое из этих нарушений стиля воспитания имеет свои специфические проявления и последствия для эмоционального состояния подростков.

Установлено, что существует значимая связь между нарушениями стиля воспитания и уровнем школьной тревожности.

Выявлено, что гиперпротекция, чрезмерность требований и запретов обуславливают повышение общей тревожности у подростков, а недостаточность требований и гипопротекция способствуют возникновению проблем и страхов в отношениях с учителями, снижают физиологическую сопротивляемость стрессу. Поэтому неустойчивость стиля воспитания приводит к возникновению фрустрации и страху не соответствовать ожиданиям окружающих.

Полученные результаты можно использовать при разработке программ психологического сопровождения подростков. Основным акцент при этом необходимо сделать на развитии их самостоятельности путём поощрения при выполнении задач, предоставления большей свободы и ответственности.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ поддержки родителей. В них необходимо акцентировать внимание на обучении родителей эффективным стилям воспитания, способствующим снижению уровня тревожности у подростков и улучшению их психологического благополучия.

В перспективе исследование можно продолжить в направлении рассмотрения влияния культурных и социально-экономических факторов на стили воспитания и их связь с тревожностью у подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисина М.И. Формирование личности ребёнка в общении. СПб.: Питер, 2016.
2. Прихожан А.М. Причины, профилактика и преодоление тревожности. Психологическая наука и образование. 1998. № 2. С. 23–28.
3. Fuentes M.C., García-Ros R., Pérez-González F., Sancerni D. Effects of parenting styles on self-regulated learning and academic stress in Spanish adolescents // International journal of environmental research and public health. 2019. 16. № 15. P. 2778. DOI: 10.3390/ijerph16152778.
4. Deb S., Strodl E., Sun H. Academic stress, parental pressure, anxiety and mental health among Indian high school students // International Journal of Psychology and Behavioral Science. 2015. 5. № 1. Pp. 26–34.
5. Ramos J., Lacalle M., Valbuena C., Lorente A. Relaciones familiares y tiempo compartido y su efecto en el bienestar de los adolescentes // Revista Complutense de Educación, 2019. 30. 895–915. DOI: 10.5209/rced.59562.
6. Schiffrin H.H., Liss M., Miles-McLean H., Geary K.A., Erchull M.J., Tashner T. Helicopter parenting and the mental health of college students: A self-determination theory perspective // Journal of Child and Family Studies. 2014. 23. № 3. 548–557. DOI: 10.1007/s10826-013-9716-3.
7. Widom C.S. Posttraumatic stress disorder in abused and neglected children grown up // American Journal of Psychiatry. 1999. 156, № 8. 1223–1229. DOI: 10.1176/ajp.156.8.1223.
8. Spera C. A review of the relationship among parenting practices, parenting styles, and adolescent school achievement // Educational Psychology Review, 2005, 17, № 2, 125–146. DOI: 10.1007/s10648-005-3950-1.
9. Pinquart M., Kauser R. Do the associations of parenting styles with behavior problems and academic achievement vary by culture? Results from a meta-analysis. Cultur Divers Ethnic Minor Psychol, 2018, Jan; 24 (1): 75–100. Epub 2017 Apr 10. PMID: 28394165.
10. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008.
11. Белов В.Г. Психологические особенности тревожности у учащихся младших классов // Учёные записки университета имени П.Ф. Лесгафта, 2011, № 10, 36–41.
12. Сорокопуд Ю.В., Матвеева О.А. Влияние семейного воспитания на подростковую тревожность // Мир науки, культуры, образования, 2021, № 2 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-semeynogo-vozpitaniya-na-podrostkovuyu-trevozhnost> (дата обращения: 10.07.2024).
13. Борисова Н.А., Белобрыкина О.А., Гейдебрект Н.А., Штайц Т.К. Школьная тревожность: противоречия диагностики (на примере анализа методики Б. Филлипса) // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine, 2016, № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkolnaya-trevozhnost-protivorechiya-dagnostiki-na-primere-analiza-metodiki-b-fillipsa> (дата обращения: 15.06.2024).
14. Т.А. Егоренко, А.В. Лобанова, Д.В. Чумаченко. Опросник «Школьная тревожность» Б. Филлипса: результаты стандартизации русскоязычной версии «Тест школьной тревожности Филлипса» [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования, 2023, 20, № 3, 39–54. DOI: 10.17759/bppe.2023200303.
15. Chua A. Battle hymn of the tiger mother. London: Bloomsbury Publishing, 2014.
16. Weisz J.R., McCarty C.A., Valeri S.M. Effects of psychotherapy for depression in children and adolescents: A meta-analysis // Psychological Bulletin, 2005, 131, № 1, 132–149. DOI: 10.1037/0033-2909.131.1.132.
17. Schiffrin H.H., Liss M., Miles-McLean H., Geary K.A., Erchull M.J., Tashner T. Helicopter parenting and the mental health of college students: A self-determination theory perspective // Journal of Child and Family Studies, 2014, 23, № 3, 548–557. DOI: 10.1007/s10826-013-9716-3.
18. Spera C. A review of the relationship among parenting practices, parenting styles, and adolescent school achievement // Educational Psychology Review, 2005, 17, № 2, 125–146. DOI: 10.1007/s10648-005-3950-1.

19. Wang M.T., Kenny S. The effects of harsh discipline on children's internalizing and externalizing problems: The moderating role of parenting warmth // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2014, 55, № 2, 183–192. DOI: 10.1111/jcpp.12129.
20. Aunola K., Stattin H., Nurmi J.E. Parenting styles and adolescents' achievement strategies // *Journal of Adolescence*, 2000, 23, № 2, 205–222. DOI: 10.1006/jado.2000.0308.

Features of Family Upbringing of Adolescents with Different Levels of School Anxiety

Rustam Rafikovich Muslumov – PhD (Psychology); Associate Professor of the Department of Pedagogy and Educational Psychology, Yeltsin Ural Federal University.

E-mail: mrr82@yandex.ru

Anna Alexandrovna Pecherkina – PhD (Psychology); Head of the Department of Pedagogy and Educational Psychology, Yeltsin Ural Federal University.

E-mail: a.a.pecherkina@urfu.ru

Elvira Evaldovna Symanyuk – Corresponding Member, Russian Academy of Education; DSc (Psychology); Head of the Department of General and Social Psychology, Yeltsin Ural Federal University.

E-mail: e.e.symaniuk@urfu.ru

The article presents the results of research into the relationship between the characteristics of family upbringing and indicators of school anxiety in adolescents aged 11–15 years. It has been established that there is a significant relationship between violations of the parenting style and the level of school anxiety. Among the features of family education of adolescents demonstrating a high level of school anxiety are: overprotection, excessive requirements and prohibitions, instability of the parenting style. The role of emotional support of the family in the formation of a positive emotional state of adolescents and the ability to cope with academic stress is characterized.

The obtained results can be used when working with adolescents, as well as for developing programs for their psychological support and programs to support parents and inform them of possible parenting styles and their impact on the emotional state and academic progress of children.

Keywords: parenting, adolescents, school anxiety, hyperprotection, hypoprotection, unsteady parenting style

REFERENCES

1. Lisina M.I. *Formirovanie lichnosti rebyonka v obshchenii*. SPb.: Piter, 2016 (in Russian).
2. Prikhozhan A.M. Prichiny, profilaktika i preodolenie trevozhnosti. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 1998. № 2. S. 23–28 (in Russian).
3. Fuentes M.C., García-Ros R., Pérez-González F., Sancerni D. Effects of parenting styles on self-regulated learning and academic stress in Spanish adolescents // *International journal of environmental research and public health*. 2019. 16. № 15. P. 2778. DOI: 10.3390/ijerph16152778.
4. Deb S., Strodl E., Sun H. Academic stress, parental pressure, anxiety and mental health among Indian high school students // *International Journal of Psychology and Behavioral Science*. 2015. 5. № 1. Pp. 26–34.

5. Ramos J., Lacalle M., Valbuena C., Lorente A. Relaciones familiares y tiempo compartido y su efecto en el bienestar de los adolescentes // Revista Complutense de Educación, 2019. 30. 895–915. DOI: 10.5209/rced.59562.
6. Schiffrin H.H., Liss M., Miles-McLean H., Geary K.A., Erchull M.J., Tashner T. Helicopter parenting and the mental health of college students: A self-determination theory perspective // Journal of Child and Family Studies. 2014. 23. № 3. 548–557. DOI: 10.1007/s10826-013-9716-3.
7. Widom C.S. Posttraumatic stress disorder in abused and neglected children grown up // American Journal of Psychiatry. 1999. 156. № 8. 1223–1229. DOI: 10.1176/ajp.156.8.1223.
8. Spera C. A review of the relationship among parenting practices, parenting styles, and adolescent school achievement // Educational Psychology Review, 2005, 17, № 2, 125–146. DOI: 10.1007/s10648-005-3950-1.
9. Pinquart M., Kauser R. Do the associations of parenting styles with behavior problems and academic achievement vary by culture? Results from a meta-analysis. Cultur Divers Ethnic Minor Psychol, 2018, Jan; 24 (1): 75–100. Epub 2017 Apr. 10. PMID: 28394165.
10. Eidemiller E.G., Yustitskii V.V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i. SPb.: Piter, 2008 (in Russian).
11. Belov V.G. Psikhologicheskie osobennosti trevozhnosti u uchashchikhsya mladshikh klassov // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta, 2011, № 10. S. 36–41 (in Russian).
12. Sorokopud Yu.V., Matveeva O.A. Vliyanie semeinogo vospitaniya na podrostkovuyu trevozhnost' // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 2021, № 2 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-semeynogo-vospitaniya-na-podrostkovuyu-trevozhnost> (data obrashcheniya: 10.07.2024) (in Russian).
13. Borisova N.A., Belobrykina O.A., Geidebrekht N.A., Shtaits T.K. Shkol'naya trevozhnost': protivorechiya diagnostiki (na primere analiza metodiki B. Fillipsa) // PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2016, № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkolnaya-trevozhnost-protivorechiya-diagnostiki-na-primere-analiza-metodiki-b-fillipsa> (data obrashcheniya: 15.06.2024). (in Russian).
14. T.A. Egorenko, A.V. Lobanova, D.V. Chumachenko. Oprosnik «Shkol'naya trevozhnost'» B. Fillipsa: rezul'taty standartizatsii russkoyazychnoi versii «Test shkol'noi trevozhnosti Fillipsa» [Elektronnyi resurs] // Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya, 2023, 20, № 3, 39–54. DOI: 10.17759/bppe.2023200303 (in Russian).
15. Chua A. Battle hymn of the tiger mother. London: Bloomsbury Publishing, 2014.
16. Weisz J.R., McCarty C.A., Valeri S.M. Effects of psychotherapy for depression in children and adolescents: A meta-analysis // Psychological Bulletin, 2005, 131, № 1, 132-p–149. DOI: 10.1037/00332909.131.1.132.
17. Schiffrin H.H., Liss M., Miles-McLean H., Geary K.A., Erchull M.J., Tashner T. Helicopter parenting and the mental health of college students: A self-determination theory perspective // Journal of Child and Family Studies, 2014, 23, № 3, 548–557. DOI: 10.1007/s10826-013-9716-3.
18. Spera C. A review of the relationship among parenting practices, parenting styles, and adolescent school achievement // Educational Psychology Review, 2005, 17, № 2, 125–146. DOI: 10.1007/s10648-005-3950-1.
19. Wang M.T., Kenny S. The effects of harsh discipline on children's internalizing and externalizing problems: The moderating role of parenting warmth // Journal of Child Psychology and Psychiatry, 2014, 55, № 2, 183–192. DOI: 10.1111/jcpp.12129.
20. Aunola K., Stattin H., Nurmi J.E. Parenting styles and adolescents' achievement strategies // Journal of Adolescence, 2000, 23, № 2, 205–222. DOI: 10.1006/jado.2000.0308.

Индекс УДК 159.9.07

Код ГРНТИ 15.41.21

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-142-147

**И.В. ГАЙДАМАШКО,
Ю.Э. МАКАРЕВСКАЯ,
И.Г. МАКАРЕВСКАЯ***

Представления о школьных агрессорах и жертвах у подростков и их родителей

В статье рассмотрены результаты исследования представлений об агрессии и виктимизации субъектов образовательных отношений в рамках понятия школьного буллинга, включающего обязательными компонентами обидчика (агрессора) и его жертву.

Цель исследования: выявить специфику представлений подростков и их родителей о школьных агрессорах и жертвах на выборке, в состав которой вошли 70 подростков, родители подростков (120 человек).

Установлено, что представления о школьном агрессоре и школьной жертве у родителей существенно более универсальны, а у подростков — более индивидуализированы, содержат меньшее число стереотипных элементов.

Образ «агрессора» в представлениях подростков более позитивен, чем образ «жертвы», подтверждена популярность статуса агрессора в школьной подростковой среде. В репрезентациях родительской общественности образы жертвы и агрессора стереотипны, жертву воспринимают в основном как наделённую положительными личностными качествами, а школьного агрессора — негативными.

Ключевые слова: агрессия, агрессор, агрессивность, социальные представления, образовательная среда

Поскольку пагубность агрессивного поведения и его распространённость в обществе оказывают значительное деструктивное

воздействие, проблема агрессивности стала предметом научной рефлексии в отечественной и зарубежной психологии [1,2].

* **Гайдамашко Игорь Вячеславович** — академик РАО, доктор психологических наук, и.о. ректора Сочинского государственного университета (СГУ).

E-mail: rector@sutr.ru

Макаревская Юлия Эдуардовна — кандидат психологических наук, декан социально-педагогического факультета СГУ.

E-mail: yuliya-sochi@mail.ru

Макаревская Ирина Георгиевна — старший преподаватель кафедры психологии и дефектологии СГУ.

E-mail: athoc@yandex.ru

В большинстве определений агрессии идёт речь о насильственном нарушении прав другого лица и/или оскорбительных действиях по отношению к нему [3–6]. Изначально негативное определение агрессии с течением времени дополнилось положительными характеристиками, такими как личностный рост, воля, отстаивание своего достоинства. [7].

Агрессивные тенденции проявляются у людей разных возрастов начиная с детского [8]. Особое внимание специалистов и родителей привлекают не только прогрессирующая отчуждённость, духовная опустошённость подрастающего поколения, но и присущие ему цинизм, жестокость, агрессивность [8–11].

В рамках образовательной системы регулярная и длительная агрессия учащихся по отношению к более слабому субъекту против его воли трактуется как буллинг [12]. Попытки объяснения агрессивных действий школьников затрудняются тем, что не только в обыденном сознании, но и в профессиональных кругах явление агрессии получает весьма противоречивые толкования, мешая как его пониманию, так и возможности воздействия на снижение уровня агрессивности учащихся [13–15]. Важной задачей исследования агрессивного поведения в школьной среде является анализ представлений субъектов образовательных отношений о феномене школьной агрессии и психологических характеристиках субъектов агрессивного поведения.

Цель данного исследования: выявить специфику представлений подростков и их родителей о школьных агрессорах, т.е. о тех учащихся, которые осуществляют в школе систематические агрессивные действия (продолжительные и неединичные) в отношении жертв (лиц, оказывающихся под воздействием агрессивного поведения), и о самих жертвах.

В исследовании были использованы прямой ассоциативный тест; семантический дифференциал. Респондентам было предложено назвать не менее 10-ти лю-

Таблица 1

Ассоциации к понятию «школьный агрессор» в группе подростков (N = 70) и их родителей (N = 120)

Ранг	Подростки	Ранг	Родители
<i>Ядро представлений</i>			
1	Опасный	1	Опасный
2	Выделяющийся, особенный	2	Агрессивный
3	Агрессивный	3	Неуравновешенный
4.5	Больной	4.5	Психованный, эмоционально нестабильный
4.5	Сильный	6	Неадекватный
6	Популярный	7	Асоциальный
7	Неуправляемый	8.5	Грубый, глупый
		10	Больной
<i>Периферийные компоненты</i>			
8	Раздражительный	11	Возбуждённый
9	Бунтующий	12	Псих
10.5	Возбуждённый	13	Дебил
10.5	Непонятый	14	Неадекватный
12	Тяжёлый	15	Дёрганый
13	Интересный	16	Одержимый
14	Грубый	17	Импульсивный

бых ассоциаций, которые возникают у них в связи с понятиями «школьный агрессор» и «жертва школьного буллинга». Для описания гипотетической структуры представлений использовалась методика, предложенная П. Вержесом.

Далее респондентам был предложен бланк семантического дифференциала, направленный на изучение представлений о школьных агрессорах и жертвах.

Выборка исследования: 70 подростков в возрасте от 14 до 16 лет; родители подростков (120 человек) в возрасте от 35 до 51 года (69 женщин и 51 мужчина).

Методом свободных ассоциаций при определении понятия «школьный агрессор» в выборке подростков были выделены 752 дискриптора; в выборке родителей были выделены 1382 дискриптора. В табл. 1

Таблица 2

**Ассоциации к понятию
«жертва школьной агрессии» в группе
подростков (N = 70) и их родителей (N = 120)**

Ранг	Подростки	Ранг	Родители
<i>Ядро представлений</i>			
1	Беззащитный	1	Необычный, особенный
2	Замкнутый	2	Чувствительный
3	Испуганный	3	Ранимый
4.5	Жалкий, странный	4.5	Беззащитный, тревожный
6	Обидчивый	6	Наивный
7	Необычный	7	Добрый
		8.5	Депрессивный, талантливый
		10	Непонятый
		11	Умный
<i>Периферийные компоненты</i>			
8	Доверчивый	12	Интересный
9	Тревожный	13	Одинокий
10	Нервный	14	Рассеянный
11	Эмоциональный	15	Обидчивый
12	Невезучий	16	Странный
		17	Нерешительный
		18	Испуганный
		19	Непринятый
		21	Замкнутый

представлен рейтинг упоминаний ассоциаций в порядке уменьшения частоты встречаемости.

И родители, и подростки полагают, что школьный агрессор опасен.

Наряду с негативными коннотациями в ядро представлений о школьном агрессоре у подростков входят и позитивные качества («сильный», «популярный»). На периферии данных представлений подростков находятся дескрипторы, описывающие импульсивность человека.

И в ядре, и в периферии представлений родителей о школьном агрессоре имеются описания ментального неблагополучия: «больной», «псих», «неадекватный», что мо-

жет свидетельствовать о склонности родителей стигматизировать, обвинять «школьного агрессора».

Методом свободных ассоциаций при определении понятия «жертва школьной агрессии» в выборке подростков были выделены 789 дескрипторов; в выборке родителей – 1353 дескриптора. В табл. 2 представлен рейтинг ассоциаций в порядке уменьшения частоты встречаемости.

Данные табл. 2 показывают, что жертва школьной агрессии в представлениях сверстников наделяется атрибутами слабости, беззащитности, эмоциональной нестабильности.

Родители подростков в данном случае подчёркивают наличие у жертвы необычности, оригинальности, выделяют позитивные характеристики («добрый», «талантливый», «умный»).

Представим семантические универсалии, выявленные в нашем исследовании при использовании метода семантического дифференциала (табл. 3).

В подростковой выборке образ «агрессора» более позитивен, чем образ «жертвы», в группе родителей наблюдается обратная тенденция.

Статистическая обработка данных семантического дифференциала осуществлялась с использованием критерия U-Манна-Уитни.

В представлениях о школьном агрессоре статистически значимые различия между группами родителей и подростков были выявлены по четырём шкалам дифференциала. При этом родители склонны воспринимать школьного агрессора как глупого и больного, трусливого и непопулярного, а подростки определяют школьного агрессора как смелого и популярного человека.

При сравнении образа жертвы в группе родителей и подростков статистически значимые различия были выявлены по двум шкалам. Родители в отличие от подростков определяют жертву школьной агрессии как умного и доброго.

По другим шкалам наблюдается сходство в представлениях подростков и их родителей.

Таблица 3

Семантические универсалии в представлениях о школьных агрессорах и жертвах в выборке подростков и родителей

Подростки		Родители	
Образ агрессора	Образ жертвы	Образ агрессора	Образ жертвы
Опасный Сильный Популярный	Робкий Слабый Непопулярный Неумелый Необычный	Опасный Вредоносный Ненадёжный Сильный Трусливый Глупый Злой Больной	Робкий Нерасторопный Легковерный Слабый Мягкий Добрый Умный Наивный Непопулярный

Таблица 4

Статистически значимые различия в представлениях о школьных агрессорах и жертвах в выборках подростков и родителей

Шкала	Значение критерия	Статистическая значимость
<i>Образ агрессора</i>		
Популярный–непопулярный	392	0,008
Трусливый–смелый	336	0,001
Глупый–умный	421	0,028
Больной–здоровый	415	0,020
<i>Образ жертвы</i>		
Злой–добрый	372	0,006
Умный–глупый	346	0,003

Проведённое исследование позволило нам сформулировать следующие выводы.

В подростковой выборке образ «агрессора» более позитивен, чем образ «жертвы».

В репрезентациях родителей образы жертвы и агрессора стереотипны, жертву воспринимают в основном как наделённую положительными личностными

качествами, а школьного агрессора – негативными.

Практическая значимость исследования состоит в том, что данный систематизированный практический материал может применяться при разработке учебных курсов, тренинговых, коррекционно-развивающих программ работы с лицами подросткового возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60–72.
2. Психология человеческой агрессивности: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко. Минск: Харвест, 1999.

3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия, контроль. М., 2005.
4. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 2001.
5. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб., 2003.
6. Felson R.B. A theory of instrumental aggression // R.B. Felson. Violence and gender reexamined. Law and public policy. Washington, DC, US: American Psychological Association. 2002. Pp. 11–28.
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
8. Можгинский Ю.Б. Агрессивность детей и подростков. М., 2016.
9. Осинкина И.А. Социальные последствия школьного буллинга // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5–6 (92).
10. Антонов А.С. Влияние стилей семейного воспитания на формирование агрессии у подростков / А.С. Антонов, Э.В. Третьяк // Интерактивная наука. 2020. № 3 (49).
11. Науменко М.В. Исследование агрессии подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67–4.
12. Гриненко Д.Н. Взаимосвязь условно допустимой агрессии и развитие личности участников буллинга // Психология и педагогика: Методика и проблемы практического применения. 2014. № 41.
13. Гребенникова О.А. Буллинг в образовательной среде как угроза здоровью школьников / О.А. Гребенникова, М.И. Добролюбова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 59. С. 1–6.
14. Прудникова М.С. Психолого-педагогические детерминанты безопасного поведения детей в образовательной среде // Актуальные проблемы психологического знания. 2010. № 1. С. 87–92.
15. Аудмайер К. Все на одного: как защитить ребёнка от травли в школе. М., 2016.

Perceptions of School Aggressors and Victims in Adolescents and Their Parents

Igor Vyacheslavovich Gaydamashko – Member of the Russian Academy of Education; DSc (Psychology); Acting Rector, Sochi State University (SSU).
E-mail: rector@sutr.ru

Yulia Eduardovna Makarevskaya – PhD (Psychology), Dean, Faculty of Social Studies and Pedagogics, SSU.
E-mail: yuliya-sochi@mail.ru

Irina Georgievna Makarevskaya – Senior Teacher, Psychology and Defectology Department, SSU.
E-mail: athoc@yandex.ru

The article considers the results of a study of ideas about aggression and victimization of subjects of educational relations within the framework of the concept of school bullying, which includes mandatory components of the offender (aggressor) and his victim.

The purpose of the study: to identify the specifics of the ideas of adolescents and their parents about school aggressors and victims on a sample that included 70 adolescents, parents of adolescents (120 people) are presented.

It has been established that the ideas of the school aggressor and the school victim are significantly more universal among parents, and more individualized among adolescents, containing fewer stereotypical elements.

The image of the “aggressor” in the minds of teenagers is more positive than the image of the “victim”; the popularity of the status of the aggressor in school teenagers has been confirmed environment. In the representations of the parent community, the images of the victim and the aggressor are stereotypical; the victim is perceived mainly as endowed with positive personal qualities, and the school aggressor – with negative ones.

Keywords: aggression, aggressor, aggressiveness, social perceptions, educational environment

REFERENCES

1. Enikolopov S.N. Ponyatie agressii v sovremennoi psikhologii // Prikladnaya psikhologiya. 2001. № 1. S. 60–72 (in Russian).
2. Psikhologiya chelovecheskoi agressivnosti: Khrestomatiya / Sost. K.V. Sel'chenok. Minsk: Kharvest, 1999 (in Russian).
3. Berkovits L. Agressiya: prichiny, posledstviya, kontrol'. M., 2005 (in Russian).
4. Beron R., Richardson D. Agressiya. SPb., 2001 (in Russian).
5. Bol'shoi psikhologicheskii slovar' / Sost. i obshch. red. B. Meshcheryakova, V. Zinchenko. SPb., 2003 (in Russian).
6. Felson R.B. A theory of instrumental aggression // R.B. Felson. Violence and gender reexamined. Law and public policy. Washington, DC, US: American Psychological Association. 2002. Pp. 11–28.
7. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. M., 1994 (in Russian).
8. Mozhginskii Yu.B. Agressivnost' detei i podrostkov. M., 2016 (in Russian).
9. Osinkina I.A. Sotsial'nye posledstviya shkol'nogo bullinga // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2024. № 5–6 (92) (in Russian).
10. Antonov A.S. Vliyanie stilei semeinogo vospitaniya na formirovanie agressii u podrostkov / A.S. Antonov, E.V. Tretyak // Interaktivnaya nauka. 2020. № 3 (49) (in Russian).
11. Naumenko M.V. Issledovanie agressii podrostkov, okazavshikhsya v trudnoi zhiznennoi situatsii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020. № 67–4 (in Russian).
12. Grinenko D.N. Vzaimosvyaz' uslovno dopustimoi agressii i razvitie lichnosti uchastnikov bullinga // Psikhologiya i pedagogika: Metodika i problemy prakticheskogo primeneniya. 2014. № 41 (in Russian).
13. Grebennikova O.A. Bulling v obrazovatel'noi srede kak ugroza zdorov'yu shkol'nikov / O.A. Grebennikova, M.I. Dobrolyubova // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept». 2017. № 59. S. 1–6 (in Russian).
14. Prudnikova M.S. Psikhologo-pedagogicheskie determinanty bezopasnogo povedeniya detei v obrazovatel'noi srede // Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. 2010. № 1. S. 87–92 (in Russian).
15. Audmaier K. Vse na odnogo: kak zashchitit' rebyonka ot travli v shkole. M., 2016 (in Russian).

Индекс УДК 916.89

Код ГРНТИ 76.29.52

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-148-155

**Г.П. КОСТЮК,
Е.В. МАЗУРОВА,
О.А. КАРПЕНКО,
В.В. СЕВЕРЦЕВ,
К.А. ГУРОВА,
Н.В. ЧЕРНОВ***

Роль семьи в терапии нервной анорексии

Цель исследования – оценить связь между уровнем вовлечённости семьи пациентов с нервной анорексией в терапевтические мероприятия в ходе рутинного лечения в Клинике расстройств пищевого поведения (КРПП) и приверженностью пациентов лечению. Были проанализированы 104 истории болезни пациентов с нервной анорексией, которые проходили лечение в КРПП в 2022–2023 гг. Пациентов разделили на группы: семья посещала все виды терапии (n=74), один вид терапии (n=13), семья

* **Костюк Георгий Петрович** — доктор медицинских наук, профессор, главный врач ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения города Москвы» (ГБУЗ «ПКБ № 1 ДЗМ»), заведующий кафедрой психического здоровья факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: KostyukGP@zdrav.mos.ru

Мазурова Евгения Владимировна — аспирант Учебного центра ГБУЗ «ПКБ № 1 ДЗМ», заведующая дневным стационаром Центра терапии расстройств приёма пищи «Клиника расстройств пищевого поведения», врач-психиатр ГБУЗ «ПКБ № 1 ДЗМ».

E-mail: dr.mazurova@gmail.com

Карпенко Ольга Анатольевна — кандидат медицинских наук, врач-психиатр, заведующая отделом внешних научных связей ГБУЗ «ПКБ № 1 ДЗМ».

E-mail: drkarpenko@gmail.com

Северцев Всеволод Владиславович — ассистент кафедры психиатрии и наркологии ИКМ ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова, исследователь ФГБУ «Федеральный научно-клинический центр физико-химической медицины им. академика Ю.М. Лопухина ФМБА».

E-mail: severtsevmed@gmail.com

Гурова Кристина Андреевна — врач-ординатор ГБУЗ «ПКБ № 1 ДЗМ».

E-mail: kris.gurowa@mail.ru

Чернов Никита Владимирович — медицинский психолог, заведующий отделением психотерапевтической помощи и социальной реабилитации ГБУЗ «ПКБ № 1 ДЗМ».

E-mail: n.chernov.pch1@bk.ru

Исследование выполнено в рамках государственного задания «Комплексное лечение больных с тяжёлыми формами анорексии у взрослых» (ЕГИСУ НИОКТР рег. № 123031600073-0).

не участвовала (n=15). Было установлено, что среди пациентов, родственники которых не посещали психообразовательные мероприятия, 66,7% (n = 10) не продолжили лечение после выписки из стационара. Пациенты, родственники которых посещали мероприятия частично и полностью, не продолжили лечение в 15,4% (n = 2) и 24,3% (n = 18) случаев соответственно. Установлено, что пациенты, чьи семьи не участвовали в психообразовательных мероприятиях, значительно меньше времени проводили в круглосуточном стационаре (17 койко-дней). В случае частичного и полного вовлечения семьи пациенты оставались в стационаре в среднем в течение 51 койко-дня и 54 койко-дней соответственно. Таким образом, было установлено, что вовлечённость семьи является важным фактором комплаентности на всех этапах лечения.

Ключевые слова: комплаенс, семейная психотерапия, семейная терапия Модсли, расстройства пищевого поведения, нервная анорексия

На сегодняшний день расстройства пищевого поведения (РПП) медицина рассматривает как результат взаимодействия генетических, социокультурных и психологических факторов, т.е. как мультифакторные заболевания [1]. Семья оказывает колоссальное влияние на формирование ценностей подростка, в том числе это касается и пищевого поведения. Трудности во взаимоотношениях внутри семьи могут стать фактором развития РПП [2].

Во-первых, семья прививает эталоны отношения к телесности в целом. Во-вторых, ребёнок «наследует» у родителей отношение к собственному телу [3]. Это может происходить через повышенное внимание матери к своему телу, через желание матери сделать ребёнка «лучшей версией себя» либо через формирование «пищевой зависимости» [3]. В-третьих, в подростковом возрасте даже небольшая внешняя провокация может привести к развитию РПП [3].

Несмотря на то, что семья и взаимоотношения внутри неё являются одними из факторов развития РПП, атмосфера сострадания и взаимоподдержки в период лечения от РПП имеет особое значение [4]. Существуют данные о том, что привлечение семьи и родственников как один из дополнительных методов лечения при терапии нервной анорексии оказывает по-

ложительное влияние на формирование ремиссии и повышает частоту выздоровления в два раза [5].

С 2019 г. на базе ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения города Москвы» функционирует Центр терапии расстройств приёма пищи «Клиника расстройств пищевого поведения» (КРПП), где оказывается специализированная помощь взрослым пациентам с РПП. Клиника состоит из трёх подразделений (круглосуточный стационар (КС), дневной стационар (ДС), диспансерное отделение (ДО)) и реализует полный цикл комплексных и последовательных лечебных мероприятий. На каждом из этапов лечения, помимо медицинских вмешательств, предусмотрена психотерапевтическая работа: групповая, индивидуальная и семейная психотерапия, а также психообразование для пациентов и их родственников.

Цель исследования – оценить связь между уровнем вовлечённости семьи пациентов с нервной анорексией (НА) в терапевтические мероприятия в ходе рутинного лечения в КРПП и приверженностью пациентов лечению.

Материал и методы

Были проанализированы 104 истории болезни пациентов с диагнозом «Нервная

анорексия», которые проходили лечение в КРПП в 2022–2023 гг. в КС, ДС и ДО.

Большинство пациентов – женщины – 94,1% ($n = 96$), лиц мужского пола – 5,9% ($n = 6$). Медиана ($Me (Q1 - Q3)$) возраста составила 23 (21–27) года. Средняя масса ($M \pm SD (95\% ДИ)$) тела при поступлении в КС составила $40,36 \pm 8,69 (38,39 - 42,34)$ кг. Средний индекс массы тела при поступлении составил $14,63 \pm 2,82 (13,99 - 15,26)$ кг/м².

Статистический анализ проводился с использованием программы StatTech v. 4.0.6 (разработчик – ООО «Статтех», Россия). Количественные показатели оценивались на предмет соответствия нормальному распределению с помощью критерия Шапиро-Уилка (при числе исследуемых менее 50) или критерия Колмогорова-Смирнова (при числе исследуемых более 50). Сравнение трёх и более групп по количественному показателю, распределение которого отличалось от нормального, выполнялось с помощью критерия Краскела-Уоллиса; апостериорные сравнения – с помощью критерия Данна с поправкой Холма. Сравнение процентных долей при анализе многопольных таблиц сопряжённости выполнялось с помощью критерия хи-квадрат Пирсона. Сравнение трёх и более групп по количественному показателю, имеющему нормальное распределение, выполнялось с помощью однофакторного дисперсионного анализа, апостериорные сравнения проводились с помощью критерия Тьюки (при условии равенства дисперсий).

Программа для семьи включала просмотр записей психообразовательных лекций, обсуждение информации со специалистами в ходе групповых онлайн-встреч один раз в неделю и проведение очной семейной психотерапии. Психообразовательный цикл из девяти лекций содержал следующие сведения: что такое РПП; их причины и механизмы возникновения; способы коммуникации с человеком, страдающим от РПП; мотивация пациентов к изменениям; эмоциональная регуляция для семьи и родственников, после чего эти навыки отрабатывались вместе с психологами. Обсуждались вопро-

сы: как семья может быть ресурсом для лечения РПП; какие трудности могут возникнуть после выписки и как с ними справляться. В процессе онлайн-встреч родственники пациентов имеют возможность задавать вопросы специалистам КРПП.

Семейная психотерапия осуществляется после освоения лекционного материала при условии формирования стойкого улучшения соматического ($ИМТ > 16$) и психического состояния пациента, а также при наличии согласия участников. В рамках программы КРПП предусмотрено в среднем 10 сеансов семейной психотерапии, направленных на индивидуальное внедрение навыков ухода за пациентом для конкретной семьи. Кроме того, с учётом болезни могут формироваться определённые способы взаимодействия в семье, которые способны «провоцировать и поддерживать» заболевание. Именно поэтому в ходе совместной терапии выявляется функция болезни в семейной системе и ведётся работа, направленная на формирование более гибкого взаимодействия друг с другом (открытая коммуникация, правила, границы).

Все психотерапевтические и психообразовательные мероприятия КРПП для семьи составлены на базе научно-обоснованной модели терапии МАНТРА «Лечение нервной анорексии у взрослых, модель Модсли» [8], которая была разработана для лечения взрослых с НА с учётом биологии и психологии расстройства и того, как эти факторы взаимодействуют при поддержке НА [9].

В качестве критериев приверженности лечению мы рассматривали продолжительность лечения (число койко-дней) в КС и ДС КРПП, а также прохождение или не прохождение полного цикла лечения в КРПП (КС, ДС, ДО).

Пациенты были разделены на три группы в зависимости от степени вовлечённости членов их семей в психотерапевтическую работу: 1) семья посетила и психообразование, и сеансы семейной терапии; 2) семья посетила либо психообразование, либо сеансы семейной терапии; 3) семья

не посетила ни одно из терапевтических мероприятий.

Так как увеличение массы тела у пациентов с НА может становиться причиной отказа от лечения, мы предположили, что вовлечённость семьи может влиять на соблюдение этапности лечения, так как пациенты, встречающие со стороны родственников понимание болезни и поддержку продолжительной терапии, будут более комплаентны. «Правильная» этапность лечения подразумевает поступление в КС, после стабилизации психического и соматического состояния переход в ДС, а после стабилизации ремиссии – переход в ДО.

Результаты

Из 104 госпитализаций семья была вовлечена в лечение в 85,3% случаев ($n = 89$). В 72,5% случаев ($n = 74$) семья посещала все мероприятия, проводимые в КРПП, в 12,7% случаев ($n = 13$) семья посещала один из форматов мероприятий, а в 14,7% случаев ($n = 15$) семья не участвовала вообще. Из общего числа 30 пациентов (29%) проходили лечение только в КС и 24 человека (23%) – только в ДС. Полный лечебный цикл (включающий КС, перевод на ДС и продолжение наблюдения в ДО) прошли 23 человека (22%).

Медиана возраста пациентов, чьи семьи участвовали во всех проводимых клиникой мероприятиях, составила 23,0 (21,0 – 26,0) года, в то время как медиана возраста тех, чьи семьи совсем не посещали мероприятия, – 31 (23,00 – 35,00) год, $N = 4,113$, $p = 0,128$. Данные различия не продемонстрировали статистической значимости в нашей выборке, однако можно говорить о наличии тенденции, в рамках которой семьи более взрослых пациентов реже участвуют в лечебных мероприятиях.

Для изучения связи между вовлечённостью родственников и соблюдением этапности лечения мы оценили, какие этапы

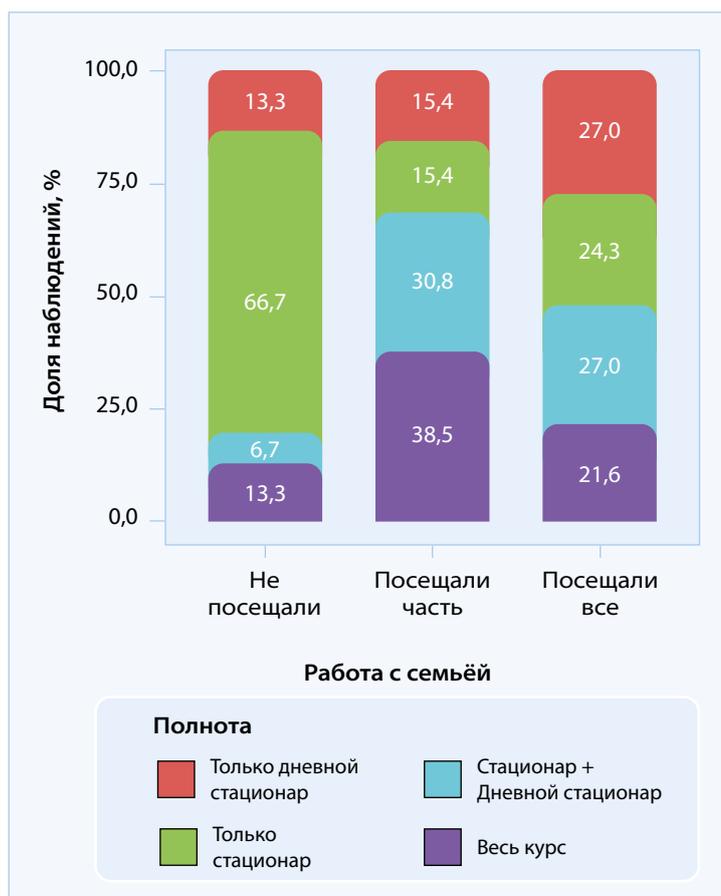

Рис. Анализ приверженности лечебному плану в зависимости от вовлечённости семьи

лечения были пройдены пациентом в выделенных нами группах. Установлено, что среди пациентов, родственники которых вообще не посещали мероприятия, 66,7% ($n = 10$) не продолжили лечение после выписки из КС, в то время как пациенты, родственники которых посещали мероприятия частично и полностью, не продолжили лечение в 15,4% ($n = 2$) и 24,3% ($n = 18$) случаев соответственно. Более того, 27% ($n = 20$) пациентов, чьи семьи были полностью вовлечены в программу для родственников, проходили лечение только на уровне ДС, что говорит о меньшей тяжести их заболевания на момент обращения. Таким образом, низкая вовлечённость родственников негативно сказывалась на соблюдении их близкими необходимых этапов лечения, и эти различия были статистически значимы (*Хи-квадрат Пирсона*: $p = 0,025$) (рис.).

Таблица 1

Анализ длительности лечения в зависимости от вовлечённости семьи

Степень вовлечённости семьи в терапию	Койко-дни (КС)			p
	Me	Q ₁ – Q ₃	n	
Не посещали*	17,00	16,00 – 52,00	13	0,018
Посещали часть	51,00	43,50 – 62,50	11	
Посещали все*	54,00	29,25 – 70,50	54	

Примечание: * статистически значимая разница между группами «не посещали» и «посещали все» при апостериорном сравнении (p = 0,017).

Таблица 2

Анализ длительности лечения в зависимости от вовлечённости семьи

Степень вовлечённости семьи в терапию	Койко-дни (ДС)			p
	M ± SD	95% ДИ	n	
Не посещали*	17,50 ± 9,57	2,27 – 32,73	4	0,044
Посещали часть	32,82 ± 15,51	22,40 – 43,24	11	
Посещали все*	37,98 ± 16,41	33,46 – 42,50	53	

Примечание: * статистически значимая разница между группами «не посещали» и «посещали все» при апостериорном сравнении (p = 0,043).

Таблица 3

Результаты оценки влияния выбранных факторов на длительность лечения в КС с помощью линейной регрессии

	B	Стд. ошибка	t	p
Intercept*	102,637	11,610	8,840	< 0,001
Работа с семьей: посещали все	19,623	5,589	3,511	< 0,001
Работа с семьей: посещали часть	23,779	7,765	3,062	0,003
ИМТ при поступлении	-4,938	0,750	-6,586	< 0,001

Примечание: * Intercept – свободный коэффициент; то, чему равна зависимая переменная, если предиктор равен нулю.

Далее мы проанализировали длительность лечения в КС в зависимости от вовлечённости родственников (табл. 1). Не

смотря на то, что в «классической» медицинской модели увеличение этого показателя является нежелательным, в контексте нервной анорексии он отражает эффективность лечебных мероприятий, так как возвращение пациентов к адекватному статусу питания не может быть быстрым и требует бережного поэтапного вмешательства. В результате мы установили, что пациенты, чьи семьи не участвовали в терапевтических мероприятиях, значительно меньше проводили времени в КС (17 койко-дней). В то же время пациенты, чьи семьи посещали хотя бы часть терапевтических мероприятий, оставались в стационаре в среднем 51 койко-день, а в случае полного вовлечения – 54 койко-дня. Таким образом, мы установили, что приверженность лечению связана с вовлечённостью семьи.

Далее мы сравнили длительность лечения в ДС в зависимости от вовлечённости семьи (табл. 2). В ДС была обнаружена аналогичная закономерность: пациенты, чьи семьи участвовали в лечебной программе частично или полностью, продолжали лечение в среднем 32,82 и 37,98 койко-дней соответственно, а пациенты, чьи родственники не были вовлечены, оставались в ДС в среднем 17,5 койко-дней. Таким образом, мы установили, что вовлечённость семьи является важным фактором комплаентности на всех этапах лечения.

Можно предположить, что на вовлечённость семьи влияла исходная тяжесть состояния пациентов: пациенты, состояние которых было изначально менее тяжёлым, в меньшей степени обращали на себя внимание родственников.

При оценке влияния ИМТ при поступлении и вовлечённости семьи на длительность лечения методом линейной регрессии

было установлено, что более высокий ИМТ при поступлении действительно коррелирует с меньшей длительностью пребывания в КС; однако вовлечённость семьи остается значимым фактором, действующим независимо от исходного ИМТ (табл. 3).

Более того, при оценке влияния исходного ИМТ на длительность лечения в ДС была обнаружена корреляция обратного направления: чем больше ИМТ, тем дольше лечение в ДС, в то время как вовлечённость семьи сохраняла силу и направление влияния (табл. 4).

Обсуждение

Мы оценили уровень вовлечённости семьи пациентов (в возрасте от 18 до 45 лет) с НА в психотерапевтическую работу в ходе рутинного лечения в КРПП и влияние степени вовлечённости семьи в терапию на приверженность пациентов лечению. Найденные нами литературные данные подтверждают наши находки, а также подчёркивают немаловажные факты, которые необходимо учитывать в лечении РПП как у детей и подростков, так и у взрослых пациентов.

В исследовании Вугне et al. также была выявлена важность повышения родительской самооффективности в процессе семейной психотерапии [6]. Было показано, что она в большей степени предсказывала последующий набор веса у подростков, страдающих НА, нежели повышение самооффективности подростков в процессе семейной психотерапии или прохождение подростками индивидуальных сеансов психотерапии.

Результаты исследования Le Grange et al. показали, что подростки с НА, проходящие курс семейной психотерапии, демонстрируют раннее увеличение веса с последующим переходом на очередной этап лечения [7]. Также установлено, что семейная психотерапия превосходит индивидуальную подростково-ориентированную терапию с точки зрения увеличения веса

Таблица 4

Результаты оценки влияния выбранных факторов на длительность лечения в ДС с помощью линейной регрессии

	B	Стд. ошибка	t	p
Intercept*	-24,813	15,479	-1,603	0,118
Работа с семьей: посещали все	23,670	9,957	2,377	0,023
Работа с семьей: посещали часть	14,773	10,902	1,355	0,184
ИМТ при поступлении	2,699	0,945	2,855	0,007

Примечание: * Intercept – свободный коэффициент; то, чему равна зависимая переменная, если предиктор равен нулю.

на протяжении всего лечения и последующего наблюдения, а также с точки зрения устойчивости ремиссии [7].

Результаты исследования Eisler et al. также доказали эффективность семейной терапии, ориентированной на расстройства пищевого поведения, в частности нервную анорексию у подростков [8]. Также были выявлены дополнительные преимущества объединения семей в группы (мульти-семейной психотерапии) [8].

В опубликованном в 2024 г. метаанализе авторы делают вывод об эффективности семейной терапии, но указывают и на возможность использования когнитивно-поведенческой терапии, сообщая при этом о недостатке подтверждающих данных. Тем не менее авторы указывают и на то, что для части пациентов психотерапия не приносит облегчения в целом [9].

Заключение

В результате нашего исследования было выявлено, что участие семьи связано с повышением комплаенса пациентов с нервной анорексией. Полученные нами результаты согласуются с данными мировой литературы; тем не менее, чтобы делать более однозначные выводы об эффективности семейной психотерапии в лечении РПП, требуются дальнейшие исследования с соответствующим дизайном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь клинической психологии. 2-е изд. / Под ред. Н.Д. Твороговой. М.: Практическая Медицина, 2016.
2. Мэш Э. Детская патопсихология. Нарушения психики ребёнка / Э. Мэш, Д. Вольф. СПб.: Прайм-еврознак, 2003.
3. Хозиева М.В. Психологическая роль семьи в развитии нарушений пищевого поведения // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 1 (33). С. 103.
4. Treasure J., Willmott D., Ambwani S., Cardi V., Clark Bryan D., Rowlands K., Schmidt U. Cognitive Interpersonal Model for Anorexia Nervosa Revisited: The Perpetuating Factors that Contribute to the Development of the Severe and Enduring Illness // Journal of Clinical Medicine. 2020. № 9 (3). 630. DOI: 10.3390/jcm9030630.
5. Rienecke R.D. Family-based treatment of eating disorders in adolescents: current insights // Adolescent Health, Medicine and Therapeutics. 2017. № 8. Pp. 69–79. DOI: 10.2147/AHMTS115775.
6. Byrne C.E., Accurso E.C., Arnow K.D., Lock J., Le Grange D. An exploratory examination of patient and parental self-efficacy as predictors of weight gain in adolescents with anorexia nervosa // International Journal of Eat Disorders. 2015. № 48 (7). P. 883. DOI: 10.1002/eat.22376.
7. Le Grange D., Accurso E.C., Lock J., Agras S., Bryson S.W. Early weight gain predicts outcome in two treatments for adolescent anorexia nervosa // International Journal of Eat Disorders. 2014. № 47 (2). P. 124. DOI: 10.1002/eat.22221.
8. Eisler I., Simic M., Hodsoll J., Asen E., Berelowitz M., Connan F., Ellis G., Hugo P., Schmidt U., Treasure J., Yi I., Landau S. A pragmatic randomised multi-centre trial of multifamily and single family therapy for adolescent anorexia nervosa // BMC Psychiatry. 2016. № 24. 16 (1). P. 422. DOI: 10.1186/s12888-016-1129-6.
9. Wergeland G.J., Ghaderi A., Fjermestad K. et al. Family therapy and cognitive behavior therapy for eating disorders in children and adolescents in routine clinical care: a systematic review and meta-analysis // European Child & Adolescent Psychiatry. 2024. DOI: 10.1007/s00787-024-02544-1.

The Role of Family in the Therapy of Nervous Anorexia

Georgy Petrovich Kostyuk – DSc (Medicine); Professor; Chief Physician, Alexeyev Psychiatric Clinical Hospital #1 State Budgetary Healthcare Institution of the Moscow City Health Department; Head of Mental Health Department, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (MSU).

E-mail: KostyukGP@zdrav.mos.ru

Yevgenia Vladimirovna Mazurova – PhD Student, Training Center, Alexeyev Psychiatric Clinical Hospital #1; Head of the Day Hospital, Clinic of Eating Disorders; Psychiatrist, Alexeyev Psychiatric Clinical Hospital #1.

E-mail: dr.mazurova@gmail.com

Olga Anatolyevna Karpenko – PhD (Medicine); Psychiatrist; Head of the External Scientific Relations Department, Alexeyev Psychiatric Clinical Hospital #1.

E-mail: drkarpenko@gmail.com

Vsevolod Vladislavovich Severtsev – Assistant, Psychiatry and Narcology Department, Institute of Clinical Medicine, Sechenov First Moscow State Medical University; Researcher, Lopukhin Federal Research and Clinical Center of Physical-Chemical Medicine of the Federal Medical Biological Agency.

E-mail: severtsevmed@gmail.com

Kristina Andreyevna Gurowa – Resident Doctor, Alexeyev Psychiatric Clinical Hospital #1.

E-mail: kris.gurowa@mail.ru

Nikita Vladimirovich Chernov – Clinical Psychologist; Head of the Department of Psychotherapeutic Care and Social Rehabilitation, Alexeyev Psychiatric Clinical Hospital #1.

E-mail: n.chernov.pch1@bk.ru

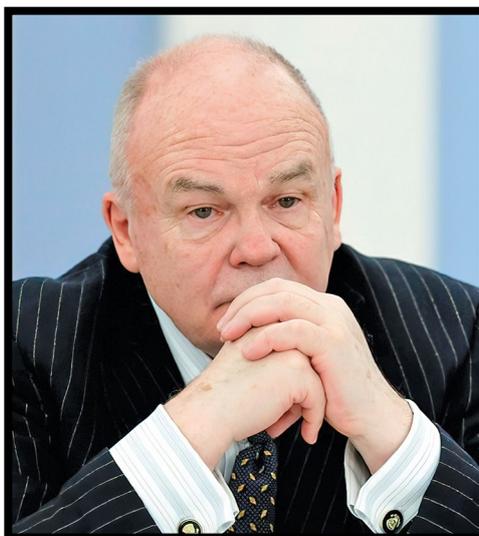
The aim of the study was to assess the relationship between the level of involvement of the family of patients with anorexia nervosa in therapeutic measures during routine treatment in the EDC and patients' compliance to treatment. We analyzed 104 cases of patients with anorexia nervosa who were treated at the EDC during 2022–2023 at the full-time division, the half-time division and the dispensary division. It was found that among patients whose relatives did not attend psychoeducation events, 66.7% (n=10) did not continue treatment after discharge from the full-time division, patients whose relatives attended events partially and completely did not continue treatment in 15.4% (n=2) and 24.3% (n=18) cases, respectively. It was found that patients whose families did not participate in psychoeducation activities spent significantly less time in a full-time division (17 days). In the case of partial and full family involvement, patients stayed in the hospital for an average of 51 days and 54 days, respectively. Thus, it was found that family involvement is an important compliance factor at all stages of treatment.

Keywords: compliance, family psychotherapy, Maudsley family therapy, eating disorders, anorexia nervosa

REFERENCES

1. Entsiklopedicheskii slovar' klinicheskoi psikhologii, 2-e izd. / Pod red. N.D. Tvorogovoi. M: Prakticheskaya Meditsina, 2016 (in Russian).
2. Mesh E. Detskaya patopsikhologiya. Narusheniya psikhiki rebyonka / E. Mesh, D. Vol'f. SPb.: Praim-evroznak, 2003 (in Russian).
3. Khozieva M.V. Psikhologicheskaya rol' sem'i v razvitii narushenii pishchevogo povedeniya // Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura. 2016. № 1 (33). S. 103 (in Russian).
4. Treasure J., Willmott D., Ambwani S., Cardi V., Clark Bryan D., Rowlands K., Schmidt U. Cognitive Interpersonal Model for Anorexia Nervosa Revisited: The Perpetuating Factors that Contribute to the Development of the Severe and Enduring Illness // Journal of Clinical Medicine. 2020. № 9 (3). P. 630. DOI: 10.3390/jcm9030630.
5. Rienecke R.D. Family-based treatment of eating disorders in adolescents: current insights // Adolescent Health, Medicine and Therapeutics. 2017. № 8. Pp. 69–79. DOI: 10.2147/AHMT.S115775.
6. Byrne C.E., Accurso E.C., Arnow K.D., Lock J., Le Grange D. An exploratory examination of patient and parental self-efficacy as predictors of weight gain in adolescents with anorexia nervosa // International Journal of Eat Disorders. 2015. № 48 (7). P. 883. DOI: 10.1002/eat.22376.
7. Le Grange D., Accurso E.C., Lock J., Agras S., Bryson S.W. Early weight gain predicts outcome in two treatments for adolescent anorexia nervosa // International Journal of Eat Disorders. 2014. № 47 (2). P. 124. DOI: 10.1002/eat.22221.
8. Eisler I., Simic M., Hodsoll J., Asen E., Berelowitz M., Connan F., Ellis G., Hugo P., Schmidt U., Treasure J., Yi I., Landau S. A pragmatic randomised multi-centre trial of multifamily and single family therapy for adolescent anorexia nervosa // BMC Psychiatry. 2016. № 24. 16 (1). P. 422. DOI: 10.1186/s12888-016-1129-6.
9. Wergeland G.J., Ghaderi A., Fjermestad K. et al. Family therapy and cognitive behavior therapy for eating disorders in children and adolescents in routine clinical care: a systematic review and meta-analysis // European Child & Adolescent Psychiatry. 2024. DOI: 10.1007/s00787-024-02544-1.

ПАМЯТИ
ЕВГЕНИЯ ПАВЛОВИЧА ВЕЛИХОВА

Евгений Павлович Велихов
(2 февраля 1935 – 5 декабря 2024)

Ушёл из жизни великий советский и российский учёный, выдающийся физик современности, специалист мирового уровня в области физики плазмы, ядерной и термоядерной энергии, магнитной гидродинамики, газовых и технологических лазеров, информационных технологий, почётный президент Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» академик РАН Евгений Павлович Велихов.

Есть учёные, чей авторитет непререкаем, а трудовой путь поистине героический. Академик Велихов – по праву один из первых в этом славном ряду настоящих подвижников отечественной и мировой науки! Его жизненный путь – ярчайший пример самоотверженного служения своей стране и успеха в достижении целей, которые многим кажутся фантастическими. Всю свою жизнь Евгений Павлович посвятил науке, внёс неоценимый вклад в развитие новых направлений фундаментальной науки СССР и России, способствовал активизации творческого взаимодействия отечественных учёных с мировым научным сообществом.

Многолетний упорный труд и выдающиеся достижения академика Велихова заслуженно отмечены многочисленными высокими правительственными наградами нашей Родины и зарубежных государств. Полный кавалер Ордена «За заслуги перед Отечеством», Герой Труда Российской Федерации и Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственной премии Российской Федерации, лауреат Ленинской премии и многих других государственных наград, ЧЕЛОВЕК многогранного таланта и колоссальной работоспособности, Евгений Павлович всегда относился к своему делу с полной отдачей сил.

Академик Велихов долгие годы активно сотрудничал с Российским фондом фундаментальных исследований (в настоящее время – Российский центр научной информации).

Память о Евгении Павловиче Велихове, всемирно известном советском и российском учёном-физике мирового уровня, навсегда сохранится в наших сердцах. Его уход – невосполнимая потеря для близких, коллег, учеников – всех, кому посчастливилось работать и общаться с этим выдающимся, великим УЧЁНЫМ и ЧЕЛОВЕКОМ.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В 2024 г.

№ 1, ПОСВЯЩЁННЫЙ 300-ЛЕТИЮ РАН

От редколлегии. — № 1. — С. 9–10.

Выступление главы РАН Геннадия Красникова по случаю 300-летия Российской академии наук. — № 1. — С. 11–12.

ИЗ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК

Осипов Ю.С. Из истории Академии наук. — № 1. — С. 13–34.

ФАКТЫ, ИДЕИ, ОТКРЫТИЯ: ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ АКАДЕМИКОВ РАН — АВТОРОВ ЖУРНАЛОВ «ВЕСТИК РГНФ» И «ВЕСТИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Гуманитарные науки

Фурсенко А.А. О работе петербургских гуманитарных учреждений РАН. — № 1. — С. 35–38.

Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь: опыт описания лексики как системы. — № 1. — С. 39–46.

Зализняк А.А., Янин В.Л. Новгородская псалтырь начала XI в. — древнейшая книга Руси (Новгород, 2000 г.). — № 1. — С. 47–56.

Покровский Н.Н. Крестьянские богословы России (XVII–XX вв.). — № 1. — С. 57–68.

Бухарин М.Д. Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 годов: итоги и перспективы изучения архивных материалов. — № 1. — С. 69–82.

Деревянко А.П., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Развитие культуры денисовского человека на Алтае. — № 1. — С. 83–92.

Мартынова М.Ю., Тишков В.А. Наука о народах и национальная политика государства в эпоху СССР. — № 1. — С. 93–110.

Общественные науки

Коптюг В.А. Что происходит с российской наукой? / Беседа профессора Е.В. Семёнова с академиком В.А. Коптюгом. — № 1. — С. 111–120.

Кудрявцев В.Н. Юридическая конфликтология. — № 1. — С. 121–127.

Заславская Т.И. Постсоциалистический трансформационный процесс в России. — № 1. — С. 128–143.

Ушаков Д.В. Социальный и эмоциональный интеллект: теоретические подходы и методы измерения. — № 1. — С. 144–152.

Лекторский В.А. — В.С. Степин. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с. — № 1. — С. 153–156.

Есть ли будущее у академической науки?

Алфёров Ж.И. У нас есть будущее. — № 1. — С. 157–159.

№ 2, ПОСВЯЩЁННЫЙ 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА

От редакции. — № 2. — С. 7–8.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА

Есаулов И.А. Три пушкинских завещания. — № 2. — С. 9–25.

Виноградов И.А. «Явление русского духа»: Гоголь и Пушкин. — № 2. — С. 26–44.

Киселева И.А. Лермонтов как духовный преемник Пушкина. — № 2. — С. 45–58.

Викторович В.А. Достоевский и «пушкинский вопрос». — № 2. — С. 59–75.

Фёдорова Е.А. Судьба России в исторических драмах А.С. Пушкина, А.К. Толстого и А.Н. Островского. — № 2. — С. 76–92.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Борев Ю.Б. «Пушкин — наше всё» (Теоретико-литературные уроки Пушкина). — № 2. — С. 93–105.

Бочаров С.Г. Из истории понимания Пушкина. — № 2. — С. 106–116.

Кожин В.В. «Посмертная книга». — № 2. — С. 117–129.

Непомнящий В.С. Пушкин: проблема целостности подхода и категория контекста (методологические заметки). — № 2. — С. 130–144.

Скатов Н.Н. «Имя Пушкинского Дома...». — № 2. — С. 145–150.

Пушкиниана в издательской программе РГНФ–РФФИ (1994–2022 гг.). — № 2. — С. 151–159.

№ 3, ПОСВЯЩЁННЫЙ ИТОГАМ КОНКУРСА НАУЧНЫХ ПРОЕКТОВ РФФИ–ИППО

Обращение Председателя ИППО С.В. Степашина к читателям журнала. — № 3. — С. 9–10.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Беляев Л.А. Российско-Палестинская Иерихонская археологическая экспедиция и Музейно-парковый комплекс РФ в Иерихоне: перспективы развития. — № 3. — С. 11–24.

Голофаст Л.А. Керамика Иерихона V–XV вв.: опыт составления каталога-определителя. — № 3. — С. 25–43.

АНТИЧНОСТЬ, ВИЗАНТИЯ, БЛИЖНИЙ ВОСТОК В СРЕДНИЕ ВЕКА

Бибииков М.В. Ранневизантийские описания Палестины. — № 3. — С. 45–50.

РОССИЯ И ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОСТОК

Алексеев А.И. Россия и Палестина в последний век Российской империи (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки). — № 3. — С. 51–61.

Петрунина О.Е., Герд Л.А. Россия и Антиохийская церковь: опыт взаимодействия в XVIII–XX веках. — № 3. — С. 52–71.

Бутова Р.Б. Русская Палестина. Недвижимость архимандрита Антонина (Капустина). — № 3. — С. 72–85.

ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Вах К.А. Эрнст Густав Шульц — учёный-дипломат и исследователь Святой Земли. — № 3. — С. 86–100.

Цысь В.В., Цысь О.П. Палестинские чтения как форма культурно-просветительской работы епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского общества в середине 1890-х – 1917 г. — № 3. — С. 101–111.

ПАЛОМНИЧЕСТВО

Житенёв С.Ю. История становления массового паломничества русских православных богомольцев в Святую Землю в XIX – начале XX века. — № 3. — С. 112–122.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Смирнова И.Ю. «Дело о ремонте куполе храма Гроба Господня»: дипломатический проект России XIX в. — № 3. — С. 123–138.

Федорченко А.В., Крылов А.В. Влияние Иерусалима на культуру России. — № 3. — С. 139–159.

№ 4, ПОСВЯЩЁННЫЙ ГОДУ СЕМЬИ

Зинченко Ю.П. Обращение к читателям. — № 4. — С. 9–10.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Психологическое благополучие современной семьи как главный фактор здоровья детей. — № 4. — С. 11–26.

Махнач А.В. Роль семьи в формировании жизнеспособности человека. — № 4. — С. 27–35.

Биктагирова Г.Ф., Дроздикова-Зарипова А.Р., Валева Р.А. Педагогическое сопровождение приёмных семей, воспитывающих подростков с высоким уровнем агрессии. — № 4. — С. 36–46.

Сахарова Т.Н., Цветкова Н.А. Многодетные семьи: особенности межличностного общения супругов и способов совладания с супружескими конфликтами. — № 4. — С. 47–58.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СЕМЬЕ И СЕМЕЙНЫМ ЦЕННОСТЯМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Карпов А.В., Волченкова А.А. Цифровизация как детерминанта детско-родительских отношений. — № 4. — С. 59–68.

Реан А.А., Коновалов И.А. Семья и брак в сознании молодёжи. — № 4. — С. 69–77.

Ермаков П.Н., Абакумова И.В., Плешакова Е.В. Стратегии женщин при выборе брачного партнёра. — № 4. — С. 78–85.

Цветкова Л.А., Микляева А.В., Безгодова С.А. Ценностные предикторы актуальной и проспективной семейной идентичности у подростков с различными траекториями взросления. — № 4. — С. 86–96.

СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Веракса А.Н., Алмазова О.В., Бухаленкова Д.А. Вклад характера детско-родительских отношений в уровень развития регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте. — № 4. — С. 97–109.

Руднова Н.А., Корниенко Д.С. Свойства темперамента ребёнка и родительские практики как предикторы качества сна в дошкольном возрасте. — № 4. — С. 110–119.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЁЖИ И ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И РОЛЬ СЕМЕЙНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Собкин В.С., Калашникова Е.А. Академическая успешность школьников и социокультурный капитал семьи. — № 4. — С. 120–132.

Муслумов Р.Р., Печеркина А.А., Сыманюк Э.Э. Особенности семейного воспитания подростков с разным уровнем школьной тревожности. — № 4. — С. 133–141.

Гайдамашко И.В., Макаревская Ю.Э., Макаревская И.Г. Представления о школьных агрессорах и жертвах у подростков и их родителей. — № 4. — С. 142–147.

Костюк Г.П., Мазурова Е.В., Карпенко О.А., Северцев В.В., Гурова К.А., Чернов Н.В. Роль семьи в терапии нервной анорексии. — № 4. — С. 148–155.

Памяти Евгения Павловича Велихова. — № 4. — С. 156.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2024, № 4 (119)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 12.12.2024. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 345551

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электрозаводская, д. 20, стр. 3